

Правильно

БОРИС ТИМОФЕЕВ

ЛИ

МЫ

ГОВОРИМ!

БОРИС ТИМОФЕЕВ

Правильно ли мы говорим?

Записки писателя

ЛЕНИЗДАТ 1963

**Издание второе,
переработанное и дополненное**

Борис Николаевич Тимофеев-Еропкин (литературная подпись Борис Тимофеев) родился в 1899 году в Москве в семье инженера. Окончил классическую гимназию.

Выступать в периодической печати со стихами начал в 1919 году, находясь в рядах Красной Армии. В конце 1919 года был принят в Москве в члены Всероссийского союза поэтов.

В 1920 году работал некоторое время в «Окнах РОСТА» под руководством В. В. Маяковского.

В 1921 году выпустил свою первую книгу стихов.

С 1924 года, по окончании Ленинградского университета, несколько лет выполнял обязанности адвоката, совмещая эту работу с творческой деятельностью в области сатирической поэзии, музыкальной драматургии и песни.

С первых дней Великой Отечественной войны Борис Тимофеев работал в политической сатире и был одним из организаторов творческого коллектива «Боевой карандаш», где за время войны издано много плакатов с его стихами и где он продолжает работать до настоящего времени.

К концу 1962 года вышла в свет пятнадцатая книга Бориса Тимофеева.

Книга «Правильно ли мы говорим?» отличается от всех предыдущих. В ней писатель делится своими наблюдениями и думами о живой разговорной речи.

В течение многих лет наблюдая жизнь в самой ее гуще, прислушиваясь к тому, как говорит народ, фиксируя все неправильно-сти разговорного языка — от неверного произношения до элементарной безграмотности, — Борис Тимофеев собрал богатый материал.

Так родилась эта книга — записки писателя о языке.

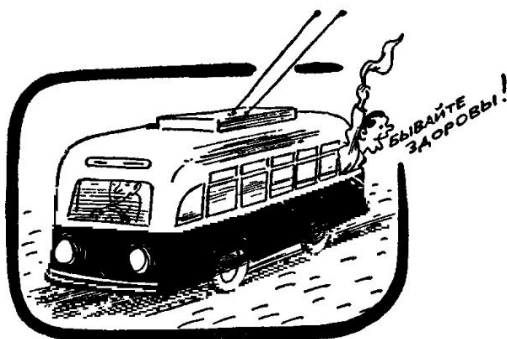
Отрывки из книги публиковались на протяжении последних лет в журналах «Политическое самообразование», «Семья и школа», «Звезда», «Нева» и «Неделя», а также в газетах «Известия», «Литературная газета», «Литература и жизнь» и «Вечерний Ленинград».

Впервые книга «Правильно ли мы говорим?» была издана в 1960 году и вызвала большой интерес у широкого круга читателей. За короткий срок она разошлась тиражом в 215 000 экземпляров.

Настоящее издание — второе, оно значительно переработано и дополнено новыми материалами.

**Посвящаю памяти
моей матери
Софии Федоровны.
*Автор***

**ПРАВИЛЬНО ЛИ
МЫ ГОВОРИМ?**

Не пора ли объявить войну
коверканью русского языка?

В. И. Ленин

Борьба за чистоту, за смысло-
вую точность, за остроту языка —
есть борьба за орудие культуры.

М. Горький

«Ну, мне надо вставать... Бывайте здоровы!
Днями подойду! Передавайте привет жене!
Пока!...»

Сказав всё это, пассажир троллейбуса, стоявший около выходной двери, кивнул своему знакомому и быстро вышел из вагона. А я, невольный слушатель его краткого монолога, подумал: сколько погрешностей против русского языка в нескольких коротких фразах! Вель вышедший пассажир хотел сказать: «Ну, мне надо выходить... Будьте здоровы! На днях приду! Передайте привет жене! (Бессмысленное в данном случае словечко пока можно оставить без внимания.)»

В самом деле: почему он, стоя, сказал: «Надо вставать»? Почему он сказал: «Бывайте здоровы»? Ведь по-русски это означает: «Иногда будьте здоровы, иногда будьте больны!» Приятное пожелание! Почему он обещал «подойти», то есть «приблизиться», а не «прийти»? Почему, наконец, он сказал: «Передавайте привет!»? Неужели, придя домой, его знакомый должен будет через определенные промежутки времени повторять жене: «такой-то тебе кланялся!»?

Хочется еще раз задать вопрос: почему же этот взрослый и, вероятно, образованный человек так плохо и небрежно говорит на своем родном языке и, конечно, сам не замечает неправильностей своей речи?

Язык — орудие мышления и средство общения. Говорить небрежно, кое-как — это значит небрежно и кое-как выражать свои мысли.

Почему же он так говорит?

Вот об этом-то и хочется побеседовать по душам, начав разговор издали. Возможно, что придется и поспорить, памятуя мудрое латинское изречение: «Истина рождается в споре»...

* * *

Народ — творец и хозяин языка. Это бесспорно. Язык народа находится не в застывшем, неподвижном состоянии, а в постоянном движении. Как живой язык — он существует и изменяется до тех пор, пока существует народ, как мертвый — он может существовать до тех пор, пока существует человечество...

Если живой язык народа уподобить огромному, вечнозеленому дереву, то отдельные слова можно сравнить с листьями: одни появляются, другие опадают, а дерево всегда остается зеленым...

Как появляются новые слова и пропадают старые? Всего чаще они возникают вместе с новыми явлениями, понятиями, предметами, которые требуют нового слова; вместе же с исчезновением явления, понятия, предмета пропадает и слово.

Так, например, вместе с введением карточной системы в нашу речь сразу же вошли слова-понятия «прикрепиться», «открепиться», «отоварить» и т. д. С отменой карточной системы эти слова вышли из употребления.

То же самое происходит и с названиями разных предметов или понятий, которые иногда возникают и распространяются необыкновенно быстро, но и так же быстро забываются. Вспомним, для примера, слово «керенки», которое возникло в 1917 году при выпуске Временным правительством ассигнаций достоинством в 20 и 40 рублей. Вскоре это слово было совершенно забыто...

Таких примеров можно привести множество... Сле-

дует заметить, что слова, перестав быть нужными, отмирают и забываются удивительно скоро.

Взять хотя бы такую узкую область слов, как наименования учащихся дореволюционных учебных заведений. Как быстро исчезли такие слова, как «гимназист», «кадет», «реалист», «семинарист», «лицеист», «институтка», «юнкер», «гардемарин», «курсистка».

Слова эти выпали из разговорной речи и совершенно забыты.

(Говоря «выпали» и «забыты», я, конечно, имею в виду, что упомянутые слова исчезли из живого разговорного языка, — как исторические и литературные они могут существовать неопределенно долгое время.)

Уже историческим стало слово «рабфаковец», столь близкое для людей старшего поколения.

Так же легко, как уходят отжившие слова, входят в нашу речь новые слова-понятия. Возьмем, для примера, слово «курсант», которое звучит ныне как давным-давно знакомое, хотя оно впервые появилось только в 1918 году.

Но почему же иногда исчезают слова, хотя понятия или предметы, которым они были присвоены, остаются без изменения? Почему эти слова обветшали и заменились новыми?

Таков закон языка: происходит естественное отмирание слов и замена их новыми, хотя закономерность этого процесса установить не так легко.

Возьмем, к примеру, такую некогда многочисленную группу слов, как старославянские обозначения частей человеческого тела. Было время, когда слова «чело», «уста», «ланиты», «чрево», «выя», «рамена», «перси», «чресла», «длань», «персты» были широко распространены. Но постепенно их вытеснили слова «лоб», «рот», «щёки», «живот», «шея», «плечи», «грудь», «бедра», «ладонь», «пальцы», хотя перечисленные старославянизмы еще долго сохранялись в литературном языке, особенно в поэтическом. «Очи», например, и в современной поэзии сохранились наряду со словом «глаза»... А «уста» сплошь и рядом не могут быть заменены словом «рот», войдя в слова «устный», «изустно», «наизусть» и т. д.

Некоторое понимание всех этих древних славянизмов поддерживается до сих пор главным образом

произведениями классиков («Перстами легкими, как сон...», «Но в персях то же трепетанье, и не проходит жар ланит...») или такими вошедшими в нашу речь выражениями, как шуточные «бью челом», «ненасытная утроба», «карающая длань» и т. д., причем иногда такие выражения произносятся без достаточного понимания их точного смысла. Не каждый, например, произнося словосочетание «зеница ока», ясно понимает, что речь здесь идет о «зрачке глаза»...

Не всякий сознает, что слова «наперсток», «перстень», «перчатки» связаны со старинным словом «перст», а слова «чреваты» и «чревовещатель» — со словом «чрево».

Вообще же все эти архаические славянизмы постепенно сходят на нет.

Но вот на что следует обратить внимание. Мы говорим «правая рука» и «левая рука». А ведь когда-то для них существовали особые слова-наименования: «десница» и «шуйца». Эти слова исчезли совсем: они не заменены, как обветшалые, новыми словами, а просто даются в описательном виде: «правая рука» и «левая рука». Почему? Вероятно, они перестали быть нужными и потому выпали из языка народа. «Шуйца» отмерла давно и окончательно, а «десница» еще сохранялась некоторое время в литературной речи.

Вспомним у Пушкина в «Каменном госте»:

«...О, тяжело

Пожатье каменной его десницы!..»

В наше время «десница» исчезла даже из литературной речи, оставшись в словарях тем словом, которое отмечается указанием — «книжное», «устаревшее»...

Однако пора перейти к нашей основной теме: поговорить о коверканье русского языка и выяснить причины этого явления.

КОВЕРКАНЬЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Русский язык бесконечно богат. Со времени Великой Октябрьской социалистической революции, когда культура стала достоянием всего народа, богатство языка еще более развилось и увеличилось и продолжает развиваться и увеличиваться.

Тем нетерпимее словесная небрежность, допускаемая многими в разговорной речи. И не только в разговорной...

Каковы же причины этого явления?

Их много: здесь и неумение найти точное, нужное слово для выражения мысли, и — что гораздо хуже — нежелание искать такое слово, и просто небрежность («как сказал, так и ладно!»), и привычка говорить неправильно только оттого, что «так говорят», и влияние мертвящего канцелярского языка, и желание не к месту щегольнуть иностранщиной, и мода на бессмысленные словечки, и грубый жаргон улицы, и всякое словесное разгильдяйство, переходящее порой в языковой нигилизм, и многое другое...

Об этом и поговорим...

* * *

В чем сущность неумения и нежелания найти точное и нужное слово? В том, что в разговорной речи для определения какого-либо предмета или понятия многие употребляют слово приблизительное, схожее, но не точное, суживая и обедняя этим свой словарный фонд.

Так, например, вместо «скатерть» многие говорят «салфетка». Конечно, маленькая скатерть имеет сход-

ство с большой салфеткой, но всё же это предметы (а следовательно, и слова) разные, и путать их не надо...

Хлеб в основном делится на черный (из ржаной муки) и белый (из пшеничной муки).

Булка — это частный вид изделия из белой муки. Однако очень часто «булкой» называют обыкновенный белый хлеб (формовой).

Однажды, когда зашел разговор об обеднении нашего языка даже в такой узкой области, как «хлебо-булочные изделия» (по принятой терминологии), моя собеседница мне возразила: «А зачем нам, собственно, различать баранки, бублики и сушки? Это дело не наше, а продавцов в булочных...»

Ну как тут не вспомнить бессмертную фонвизинскую госпожу Простакову, утверждавшую, что дворянам не надо знать географию, так как «на это есть извозчики»?..

* * *

Кстати о продукции булочников...

В одном весьма распространенном журнале несколько лет тому назад я видел рисунок художника-карикатуриста, изобразившего лошадь, которая не хочет идти в скверную конюшню: она упирается, хотя ей предлагают огромный крендель. Последний был нарисован очень старательно, с полным знанием предмета.

Подпись под рисунком гласила: «В нашу конюшню ее и калачом не заманишь!»

Вывод: художник не мог отличить (по форме во всяком случае) калач от кренделя!.. И помогая ему в том редакция журнала.

Вот пример обеднения если не своего языка (я не слышал, как говорит художник), то уж во всяком случае своего кругозора...

Печально!

* * *

Многие называют водку «белым вином», хотя именно так называется столовое виноградное вино (в отличие от красного), которое резко разнится по виду, вкусу и крепости (а кстати — и по цене) от спирто-водочных изделий.

Пожалуй, единственное основание называть водку белым вином — это то, что, постоянно употребляя ее, можно допиться до белой горячки...

* * *

«Окот овец»...

Довольно яркий пример обеднения русского языка!

В самом деле: у коров — отёл, у свиней — опорос, а у бедных овец... окот! Неужели овцы производят на свет котят?!

Мне могут возразить, что об «окоте» овец упоминает сам Даль, правда, с оговоркой: «вернее, объягниение».

Ну что ж! Это только показывает, что упомянутая ошибка имеет солидный стаж, но ведь она не перестает быть ошибкой...

(В дальнейшем мы столкнемся даже с примерами ошибочного употребления пословиц и поговорок!)

Итак, вернемся к «окоту»...

Большой знаток русского языка советский писатель Федор Гладков в своей статье «О культуре речи» несколько лет тому назад писал в журнале «Новый мир»:

«Русский язык чрезвычайно богат словесными формами в передаче различных смысловых значений, но по невежеству или по канцелярскому шаблону у нас в газетах пишут: «Надо обеспечить хорошие условия для окота скота». Этот «окот скота» насильственно внедряется в язык колхозников, которые несомненно хохочут над нелепостью этого слова. Крестьяне с незапамятных времен знали, что «окот» бывает только у кошек...»

Да и не только крестьяне, а все русские люди... Во всяком случае писатель и проповедник эпохи Петра I Дмитрий Ростовский (1651—1709) писал: «Овцы мрут и ягнятся, пастухи ширятся».

В недавно изданной Академией наук СССР книге «Русская сатирическая сказка в записях середины XIX — начала XX века» (подготовка текста Д. М. Молдавского) я прочитал сказку «Барин и мужик», которая начинается так: «Жил-был мужик; имел у себя много овец. Зимним временем большущая овца объягнилась».

Так же, конечно, писали наши писатели — храни-

тели русского языка. Например, у Лескова в повести «Запечатленный ангел» читаем: «...овец у нас во всей нашей пришедшей слободе нет и ягниться нечему...»

Если говорят о животных, то уместно сказать «щенятся» не только о суках, но и о других самках того же семейства волчицах и лисах, а также про близких к ним по виду барсучих и росомах, ибо нет необходимости изобретать нелепые глаголы вроде «барсучиться» или «росомашиться».

Так же можно говорить об «окоте» не одних кошек, но и львиц, тигриц, рысей и других родственных животных.

Но овцы, конечно, могут только «ягниться»: такое слово существует в русском языке сотни лет, и нет никакой необходимости заменять «ягнение» «окотом»...

Народ говорит: о суке — «шенная», о корове — «стельная», о кобыле — «жерёбая», об овце — «суягная».

Думаю, что эту заметку всего лучше закончить старинной народной поговоркой: «У суки — щеня, у кошки — котя, и то — дитя»...

* * *

«Мясо»...

Как известно, наиболее распространенные виды мяса — это говядина (мясо быков и коров, — от старинного славянского слова «говядо» — бык), телятина, баранина и свинина. Такие названия существовали на Руси свыше тысячи лет...

Однако за последнее время точное слово «говядина» всё чаще заменяется обезличенным и общим словом «мясо»!

Недавно в продаже появилось соленое говяжье мясо. Официально (чтобы не путали с ветчиной) этот продукт называется не «говяжий окорок», как было бы естественно, а... «мясной окорок»! Вероятно, кто-либо думает, что возможен и «растительный окорок»?! В логике подобное явление называется «доведением до абсурда».

В порядке примечания: недавно я услышал слово «бычати́на»... Всё-таки лучше, чем просто «мясо»!

Но встречаются в разговоре крайности и другого рода. Например, такой диалог, списанный с натуры:

«Мясо есть?» — «Нет. Только баранина».
«Рыба есть?» — «Нет. Только селедка...»
Комментарии, как говорится, излишни...

* * *

В дни VI Всемирного фестиваля молодежи я прочитал в одном популярном журнале описание мексиканского мужского национального костюма одного из участников фестиваля: «На голове шляпа-сомбреро величиной с зонт. Жилетка вышита бисером. Брюки с кистями по шву».

Конечно, у молодого мексиканца на брюках была бахрома, а не кисти, но у автора очерка не нашлось точного русского слова «бахрома» и появилось приближительное — «кисти».

Итак — из-за речевой небрежности — слово «кисти» упорно вытесняет «бахрому», обедняя наш язык еще на одно слово...

* * *

Старинное русское слово «сласти» также постепенно исчезает: его заменяет и вытесняет опять-таки приблизительно слово «сладости», особенно в широко распространенном словосочетании «восточные сладости».

Между тем «сласть» и «сладость» — совсем не одно и то же, хотя и являются близкими понятиями.

Русский народ и писатели-классики в этом отлично разбирались.

Пушкин писал:

«Мечты, мечты, где ваша сладость?..»

а также:

«Его стихов пленительная сладость...»

Через сто лет мы читаем у Маяковского в стихотворении «Севастополь—Ялта»:

«Привал,
                    шашлык,
                                    не вяжешь лык,
с кружением
                    нету сладу.

У этих
у самых
гроздьев шашлы —
совсем поцелуйная сладость».

Ясно, что «сладость» — больше отвлеченное понятие приятного свойства или настроения, чем ощущение, воспринимаемое органом вкуса.

«Сласти» же (во множественном числе) — это сладкая еда: конфеты, пряники, пастила, халва...

Вспомним народную поговорку: «Одни сласти есть, горечи не узнаешь».

Это же подтверждает русская литература.

В предисловии к «Герою нашего времени» М. Ю. Лермонтов писал: «Довольно людей кормили сластями... нужны горькие лекарства...»

Открываю «Записки одного молодого человека» А. И. Герцена и читаю:

«В антрактах, между одной кадрилию и другою, наполняют «желудка бездонную пропасть», как говорит Гомер: дамам сластями, мужчинам водкой, вином и солеными закусками».

То же читаю у Д. Н. Мамина-Сибиряка в рассказе «Казнь Фортунки»:

«Продолжать это слишком шумное удовольствие не было возможности, и остатки сластей были розданы прямо на руки».

О «сластях» упоминает также И. А. Бунин в рассказе «Господин из Сан-Франциско».

Примеров, пожалуй, достаточно...

Итак, убедившись, что между словами «сладости» и «сласти» существует различие, признаём, что говорить надо «восточные сласти» (имея, конечно, в виду лакомства), а не «восточные сладости», хотя последнее неправильное словосочетание широко вошло в нашу разговорную речь.

И вообще не будем путать слова «сласть» и «сладость»!

* * *

Я слышал, как молодая мать, показывая на детские ботиночки своего шестилетнего сына, сказала: «Купила сейчас своему сынишке сапоги...»

Почему «сапоги»? Неужели легкие башмачки этого дошкольника так напоминали ей солдатские или охотничьи сапоги?

Конечно нет! Просто в обедненном словаре юной мамыши не было другого слова. Зачем ей «загружать себе голову» словами «башмаки», «ботинки», «полуботинки», «сандалии», «сандалеты», «тапочки»? Всю обувь она делит на «сапоги» и «туфли». Всё, что не «туфли», — для нее «сапоги».

В этом она, к сожалению, отнюдь не одинока...

* * *

Что такое «цвет»?

Определение восприятия нашим глазом окраски предмета.

Более точно: свойство тела вызывать определенное зрительное ощущение в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого им излучения...

А можно ли вместо «цветок», «цветы» говорить «цвет»?

Разберемся в этом вопросе.

«Сады в цвету», «поля в цвету», «вишни в цвету»... Можно так сказать? Безусловно. Ведь в данном случае речь идет не об окраске садов, полей, вишневых деревьев и т. д., а об их цветении.

«Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет...»

Можно так сказать? Только в стихах. Здесь «цвету» такая же допускаемая поэтическая вольность, как «по-над» вместо «вдоль», «иль» вместо «или», «коль» вместо «если». Ведь никто не скажет в обыкновенном разговоре: «Коль я успею, я поеду завтра иль послезавтра».

Только в стихах употребляли слово «цвет» в значениях «цветок» и классики; например, у Пушкина в «Бахчисарайском фонтане» читаем:

«Так озаряет лунный свет
Дождем отягощенный цвет».

Но можно ли сказать: «Сорвите мне этот цвет!»? Нет, нельзя! Яблоня может быть «в цвету», но от

этого каждый ее отдельный цветок останется «цветком», а не станет «цветом», хотя множественным числом от слова «цветок» остаются «цветы»...

* * *

Что такое «клубника»?

Это садовая ягода, очень близкая к нашей землянике, отличающаяся своеобразной формой, цветом, вкусом и запахом. Существует она и в виде дикого лесного растения: вспомним, что у С. Т. Аксакова Багров-внук ездил в заволжские урёмы «собирать лесную клубнику».

Короче говоря, клубника — это особая ягода...

Однако девяносто девять из ста городских хозяек называют «клубникой» всю садовую землянику. В этом заблуждении им усиленно помогают газеты, журналы и писатели.

Впрочем, эти же городские хозяйки называют черешню «светлой вишней», ежевику — «черной малиной», а некоторые — особенно молодые — не могут отличить фасоль от гороха и бобов...

В этой области вообще происходят удивительные вещи: я сам слышал, как один человек с высшим образованием называл орехи арахиса (земляные орехи, китайские орехи) «фисташками» и даже пытался спорить по этому поводу...

* * *

О недопустимом невежестве, когда дело касается природы, стоит поговорить поподробнее...

Но я хочу быть правильно понятым. Знание слов-понятий, обозначающих предметы и явления, и точное знание самих предметов и явлений, которые за ними скрываются, — это, конечно, не одно и то же.

Однако когда русский юноша или русская девушка не знают и, что самое страшное, не хотят знать названий, например, многих русских деревьев, — это уже явление глубоко огорчительное. И то, что эти же самые юноши и девушки знают, может быть, десятки наименований машин или частей мотоциклов и автомобилей, нисколько не «компенсирует» их «воинствующего невежества» в отношении родной природы.

И еще одно замечание.

Никто не требует от каждого человека универсальных знаний и в том числе знаний бесконечных профессионализмов, речь о которых будет впереди, в особом разделе этой книги.

Тургенев, например, знал названия всех «колен» соловьиного пения и мог на слух отличить «почин» от «раската», «пульканье» от «клыканья», «гусачок» от «дробь» и «лешеву дудку» от «юлиной стрекотни». Это делает честь Тургеневу, но несколько не умаляет знаний, скажем, Федина или Шолохова, если им неизвестны названия отдельных частей соловьиной песни.

Но элементарные знания из области природы обязательны для каждого человека.

Вот те предварительные замечания, которые мне хотелось высказать, приступая к этой заметке.

...Как-то на даче я разговорился с группой молодежи (подчеркиваю — исключительно русской молодежи), и был поражен бедностью языка этих юношей и девушек в области природы. Никто из них не знал, например, слова «можжевельник», — именно слова; я уж не рассчитывал, что они могли отличить можжевельник от другого растения. Одна девица не знала даже слова «ольха», причем, хихкая, добавила: «Березу знаю, елку и сосну знаю, а все остальные деревья я называю просто «деревья».

Вот уж, действительно, «простота хуже воровства»... Некоторые из этих молодых людей никогда не слышали слов «вяз» и «ясень», оправдываясь тем, что «эти деревья здесь не растут», а на мое замечание, что я знаю про дерево «баобаб», которое тоже «здесь не растет», и даже имею представление о его внешнем виде, они хором ответили: «А мы не ботаники!..»

Как будто для того, чтобы знать и любить родную природу, обязательно надо быть ботаником!..

А ведь если беднеет язык — сужается и круг понятий, то есть уменьшается общая культура.

Я пишу о любви к родной природе в книге о любви к родному языку. И это не случайно: любовь к родным деревьям, цветам и травам неотделима от любви к их названиям, к родной речи, к народным пословицам и поговоркам, ко всему тому, что входит в великое понятие: Родина...

* * *

В тех примерах, которые до сих пор приводились, речь шла главным образом о неумении найти нужное и точное слово, что приводит к выпадению из разговорной речи целого ряда слов.

Теперь поговорим о многих случаях словесной небрежности, которая, не обедняя словарного фонда, «просто» вредит чистоте и правильности нашего языка.

Примеров, увы, более чем достаточно...

* * *

Я захожу в кондитерскую. Мне предлагают «трубочки» и «детские батончики» (официальные наименования!). И что же? «Трубочки» оказываются «палочками» — без всякого признака отверстия, необходимого для понятия «трубочки», а «батончики» (от французского «батон» — «палка») — плоскими, узкими плитками.

Небрежность? Безусловно...

* * *

Я вхожу в автобус и читаю надпись: «55 пассажиров не более». А ведь по-русски надо было написать: «Не более 55 пассажиров».

В языке — в отличие от арифметики — от перестановки слагаемых сумма иногда меняется...

* * *

«Эти деньги я взял у него взаимнообразно...»

Что это означает? Деньги можно взять «взаимно» и «заимнообразно», но «взаимнообразно» взять нельзя.

К сожалению, путаница с понятиями «заём» и «взаимность» происходит в разговорной речи весьма часто.

Вообще кредиту не везет в разговоре. Часто можно слышать: «я ему одолжил» и «я у него одолжил», хотя гораздо точнее сказать: «я дал в долг» и «я взял в долг».

Но это еще не всё. Бытует и совершенно нелепая форма: «займите мне», что должно означать «дайте в долг».

Впрочем, однажды я слышал и такое: «я ему занимел». Кто тут кому остался должен — я так и не разобрался...

* * *

(В скобках: маленькое отступление — примечание. В предыдущей заметке я употребил слово «бытует» и намерен сделать это еще не один раз.

Среди множества читательских писем, полученных мною после первого издания этой книги, было несколько критических замечаний по поводу слова «бытует»: авторы писем считают это слово вульгарным и не подходящим для книги о правильности и чистоте русского языка.

Я не могу согласиться с таким утверждением. Хотя слово «бытует» молодое и в словаре Даля его нет, но Даль упоминает слова «быт» и «бытовой», поэтому нет никаких оснований «не пускать» глагол «бытовать» (во всех формах) в нашу живую речь. Ведь «бытует» — это хороший синоним слов «употребляется», «встречается», «существует».

В современном языке нашего народа это слово «бытует»!)

* * *

Я еду в служебную командировку и потому покупаю билет в кассе «для командировочных».

Правильно? Нет!

«Командировочный» — это документ от учреждения, удостоверение, по которому я еду в командировку.

А сам я — «командированный»... И касса, где мне следует купить билет, должна называться кассой для «командированных».

Доколе мы будем путать эти слова?!

* * *

«Ему подвезло»...

А почему не сказать: «ему повезло»? Ведь в настоящем времени об удачливом человеке говорят: «ему везет», а не «ему подвозит»?!

Притом говорящие «подвезло» совсем не хотят особо

подчеркнуть единичность удачи и ее кратковременность.

Впрочем, некоторые говорят «надсмешка» и даже «подщечина»!

Вообще следует признать в современной разговорной речи чрезвычайное и чрезмерное распространение глаголов, начинающихся приставками.

Но тут я хочу быть правильно понятым. Я не только не выступаю отрицателем синонимов, а, напротив, всячески приветствую их обилие и разнообразие, которое способствует богатству языка и помогает выразить всевозможные оттенки речи, — но не могу согласиться с неправильным их применением.

Действительно. Из десяти ваших знакомых, которые хотят вас посетить (навестить, повидать, проведать, встретиться с вами), думаю, что только три человека скажут правильно: «Я хочу к вам прийти», а остальные семь скажут: «Я хочу к вам подойти...»

Между тем «подойти» — как мы уже писали в самом начале книги — значит «приблизиться».

Таким образом здесь «подойти» просто неправильно...

Один мой знакомый в телефонном разговоре сказал: «Завтра я подошлю к вам сына...» И я подумал: почему он сказал «подошлю»? Ведь «подсылают» наемных убийц, а сыновей «посылают»...

Особо хочется поговорить о весьма распространенной сейчас манере выражаться легкомысленно и небрежно, чтобы не сказать невежливо, о всех этих «зайти», «заглянуть», «завернуть», «забежать», «заскочить» и т. д.

Конечно, в богатом русском языке существуют все эти слова, но применять их надо умело и с осторожностью, чтобы ваше обещание не имело невежливого и даже пренебрежительного оттенка: специально, мол, приходить к вам нет необходимости, а так — по пути, мимоходом, при случае, на минутку — пожалуй, можно...

Эта неучтивая манера выражаться сейчас очень распространена, я бы даже сказал, что существует мода на все эти выражения.

Постоянно слышишь в бытовой речи: «забегу», «заверну», «заскочу» и т. д., причем следует отметить, что

такая словесная форма передачи резвости часто совершенно не соответствует ни возрасту, ни состоянию здоровья того лица, которое обещает «забежать», «заскочить» и произвести прочие моторные действия...

Эта манера выражаться получила распространение не только в области движений.

Вместо «позвоню по телефону» стали охотно говорить «звякну» или «брякну», вместо «напишу» — «черкну», а одна солидная дама, уезжая на курорт, обещала своей знакомой «тявкнуть» по телеграфу...

А как любимы канцелярским языком глаголы с приставкой «за»!

«Отчет был зачитан».

«Доклад был заслушан».

«Фотограф заснял».

«Он заимел».

«Он захоронен»...

Не слишком ли много «за» — иногда в ущерб смыслу?

Ведь «зачитать», например, означает «взять чужую книгу для прочтения и не вернуть», короче — «присвоить».

Можно также сказать про книгу, что она «зачитана до дыр», то есть постоянно читается множеством читателей, но сказать про доклад «зачитан» в смысле «оглашен» — явная неправильность.

И почему говорят «захоронен», а не «похоронен»? Ведь речь идет о «похоронах», а не о «захоронах»?!

* * *

Вообще с глаголами происходят иногда странные дела.

Вот пример, взятый из жизни.

«Я часто ездию»...

Почему-то некоторым «неудобно» говорить правильно «езжу». В прошедшем времени у этих лиц получается «ездиил», а не «ездил».

* * *

«Приемочная комиссия Союза писателей»...

Такое наименование можно часто слышать среди писателей и даже видеть в периодической печати.

Ошибка? Безусловно.

Русский язык различает прием (людей) и приемку (товаров). Поэтому существуют приемные — помещения для посетителей (в учреждениях) и приемный покой (в больницах) — с одной стороны и приемочные акты на товары — с другой стороны.

Ясно, что писателей в свой Союз может принимать только «П р и е м н а я комиссия»...

* * *

«Вы уже ходили вешаться?»

Не думайте, что этот вопрос обращен к кандидату в самоубийцы, нет, это слово «заменило» правильный глагол «взвешиваться» и довольно распространено — особенно в санаториях и домах отдыха...

* * *

«Разбери кровать!..»

Что это значит? Неужели кому-нибудь — на ночь глядя — предлагают разобрать на части кровать? Нет! Это мать предлагает дочери «приготовить постель»...

* * *

«Млекопитающе е е с я»...

Это ошибочное слово можно услышать в речи некоторых вместо правильного «млекопитающее», то есть животное, самка которого питает детенышей своим молоком.

Что же касается «млекопитающего», то такого слова как термина нет вообще, а при желании можно отнести к «млекопитающим ся» даже... муху! (ведь и она нередко питается молоком...)

* * *

«На пару дней»...

Про эту злосчастную пару (для непарных предметов) уже много писалось, но она упорно продолжает существовать, засоряя нашу речь. Между тем ясно, что может быть «пара сапог», «пара перчаток», наконец «пара лошадей», но «пары дней» быть не может: могут существовать или «д в а дня» или «н е с к о л ь к о дней».

«Пара лет — не по-русски». Это замечание сделал В. И. Ленин на рукописи одного автора.¹

Когда у Достоевского мы читаем: «У него была пара хороших дуэльных пистолетов», мы понимаем, насколько слово здесь стоит на месте: дуэльные пистолеты изготовлялись в количестве двух штук и продавались парами в одном футляре.

У Апухтина в его известном стихотворении «Пара гнедых» тоже невозможно сказать «несколько гнедых». Но как часто мы слышим: «пара дней», «пара раз», «пара друзей»... (И даже совершенно непонятно почему — «пара часов»!)

Происхождение этой неправильности речи в отличие от многих других установить легко: по-немецки «ein Paar» (эйн паар), имя существительное, которое по-немецки пишется с большой буквы, означает два парных предмета, а «ein paar», наречие, — несколько предметов. Это объясняет, но отнюдь не извиняет указанную неряшливость в нашей разговорной речи...

* * *

«Не бросай на пол!...»

Если эта фраза произносится в закрытом помещении или вообще там, где имеется пол, она оправдана. Однако ее часто можно слышать в саду, в парке и т. д., когда говорящий явно не видит разницы между «полом» и «землей». Мостовую и панель — тоже никак нельзя назвать «полом».

«Пол» может быть только в закрытом помещении, то есть там, где имеется и «потолок». Путать слова «пол» и «земля» никак не следует.

* * *

«Надеть» и «одеть»...

Вот неточность, имеющая такое огромное распространение, что о ней следует поговорить особо и поподробнее...

Конечно, каждому, говорящему по-русски, должно быть ясно, что «надевают» на себя (пальто, ко-

---

¹ Ленинский сборник, XXV, стр. 301.

стюм, платье, шапку, обувь), а «одевают» кого-то (ребенка, больного), а потому говорить, например, «я одел пальто», «одень шапку!» и т. д. — явная речевая ошибка.

Мы только что установили, что «одевать» надо «кого-то»... Но ведь этим «кем-то» могу быть я сам! Вот почему я и говорю: «я оделся», то есть «я одел себя...»

А что мы делаем чаще: «надеваем» или «одеваем»? Конечно, несравненно и несоизмеримо чаще «надеваем» что-либо на себя, чем «одеваем» кого-либо. Но почему тогда существуют слова «одежда», «одеяние», «облачение», «одеяло», «обувь»? А не «надежда», «надеяние», «наблечение», «надеяло», «набувь»? (С приставкой «на» из одежды вспоминается вообще только одна «накидка»!)

Нет ли тонкой смысловой разницы между «накладыванием сверху» («надел шапку»), с одной стороны, и между «запахиванием» и «обертыванием», с другой? (Опять «обертывание», а не «набertyвание»!)

Напрашивается вывод: сказать «я одел костюм» — сейчас, в середине XX века, — нельзя. Надо обязательно сказать: «я надел костюм». Но нет никакой уверенности, что эта разница между словами «надеть» и «одеть» будет существовать и через сто лет!

* * *

«Столько много»...

По-русски можно сказать или «столько» или «так много».

Между тем уродливое словосочетание «столько много», а также и «сколько много» всё чаще звучит в нашей разговорной речи.

Эта неправильность объясняется тем, что наше современное слово «так» имеет устаревший синоним «столь»: когда-то говорилось «столь много», откуда и возникло ошибочное «столько много»...

Опять-таки объяснение, но отнюдь не оправдание!

* * *

«Обратно»...

Это слово соответствует понятию «возвратно». Однако у некоторых людей оно часто заменяет понятия

«повторно», «опять», «снова», «еще раз», «в ответ» и т. д. Применение этого «универсального» слова приводит иногда к совершенно бессмысленным фразам, вроде: «обратно везут покойника», «обратно дайте суп!», «я вхожу, а он обратно пишет», «у меня сегодня в трамвае обратно деньги украли», «обратно дождь пошёл»...

Слово «обратно» в значении «опять» давно уже стало достоянием остряков...

И всё же...

Недавно я купил песенник. (Тираж — 200 000!) Там напечатана песня «Сватовство» (слова Г. Строганова, музыка Б. Мокроусова).

Читаю:

«Тут подъехал к нам колхозный грузовик,
Подступают сваты-хваты напрямик:
— Мол, жених обратно кланяется вам —
Не пора ли нам ударить по рукам?»

Хотя здесь слово «обратно» и приведено как стилизация «народной» речи, думается, что делать этого не следует.

* * *

«Холодный кипяток»...

Словосочетание, хотя и распространенное, но такое же нелепое, как «соленый сахар» или «сладкая соль». Если другие искажения имеют хоть некоторое объяснение в краткости, то «холодный кипяток» ничуть не короче правильного словосочетания «кипяченая вода»... И вообще, если кипяток остыл, он уже перестал быть кипятком, а стал кипяченой водой, — так же, как растаявший лед, перестав быть льдом, превратился в воду...

* * *

«Вам порезать?»

Этот вопрос вы можете услышать каждый раз, когда вам доведется покупать колбасу. Все продавцы — за редким исключением — обязательно скажут «порезать», а не «нарезать», хотя «порезать» можно, по оплошности, палец, а в данном случае единственное правильное слово «нарезать»...

* * *

«Стоят хорошие погоды»...

Можно так сказать? Нет! Слово «погода» не имеет множественного числа.

Могут быть «затяжные дожди», проходить «сильные грозы», свирепствовать «осенние бури», быть «сильные вьюги и метели», но погода (отличная, хорошая, переменная, плохая, отвратительная) всё же остается погодой, не переходя в «погоды»...

* * *

«Что дают: сахар или песок?»

Во-первых, не «дают», а «продают», а во-вторых, издавна у нас существовали понятия: «сахар колотый», «сахар пилёный», «сахар прессованный», «сахарный песок», «сахарная пудра»...

Всё было ясно. Зачем появилось обедненное «сахар или песок», непонятно.

Право, это более уместно для разговора на медицинские темы, где, как известно, имеются и «сахар», и «песок»...

* * *

«Я броюсь»... «Он брёт»...

Почему в некоторых формах глагола «брить» появилось это нелепое произношение?

Допускаю возможность ответа: «Это же украинизм!» Проверим...

Раскрываю «Украинско-русский словарь», изданный Академией наук УССР, и читаю:

«Брить» (брю, бриешь) — «брить».

«Бритися» (брюся, бриешься) — «бриться».

Таким образом, ссылка на речь братского украинского народа совершенно несостоятельна...

Если же допустить в данном случае влияние другого родственного языка, например белорусского, позволительно заметить: но ведь здесь идет речь о русском языке... Так давайте говорить по-русски правильно!

Острой мотыгой ударим по словесному сорняку «броюсь»!

* * *

«Качественная работа»...

Что это означает?

Ровно ничего. Ведь качество может быть и отличным, и хорошим, и посредственным, и плохим, и очень плохим... Однако за последнее время слово «качественный» сделалось синонимом понятия «хороший».

Напомним, что для этого в русском языке есть слово «доброкачественный»...

А в медицине рядом со словом «доброкачественный» есть еще и «злокачественный». Представьте себе, как было бы нелепо, если бы врач, после исследований, сказал больному: «опухоль у вас качественная!»

* * *

«Выбейте мне мозги!..»

С таким предложением обращаются иногда домашние хозяйки к кассиршам в магазинах, торгующих мясом. Вообще обращение «выбейте» стало около кассы обычным.

Почему? Ведь кондуктору никто не говорит: «Оторвите мне билет!» И при покупке билета в театр или в кино никто не скажет ни «оторвите», ни «отрежьте».

«Выбейте» — совершенно лишнее слово около кассы!..

* * *

«Сколько время?»

Этот вопрос — вместо правильного «который час?» — можно услышать довольно часто. Он вдвойне неверен: во-первых, родительный падеж от слова «время» — «времени», а во-вторых, вопрос «сколько времени?» требует продолжения, например, «сколько времени я вас жду?» или «сколько времени потребуется для такой работы?».

«Сколько время?» — вопиющая небрежность нашей разговорной речи...

* * *

«Чирикать», «чиркать» и «чёркать»...

«Ну, что ты там чирикаешь?..»

Этот вопрос задала при мне одна молодая мать

своему маленькому сыну, который молча рисовал в тетрадке.

Правильно ли сказала она «чирикаешь», имея в виду неумелое рисование?

Нет!

«Чирикать» — глагол звукоподражательный. Он происходит от звука «чирик», издаваемого некоторыми птицами (чижи, воробьи).

Вспомним начало басни Крылова «Чиж и Еж»:

«Уединение любя,
Чиж робкий на заре чирикал про себя...»

Так же, естественно, пишут и современные писатели. Откроем вторую книгу романа Михаила Шолохова «Поднятая целина» и прочтем:

«Давыдов... прислушался к неумолчному чириканию воробьев в кустах акации...»

Итак — чирикать могут только птицы: говорить о «чириканье» людей можно лишь в ироническом смысле, иносказательно, сравнивая чей-либо голос или творчество с негромким и однообразным пением малой птицы.

Именно с такой язвительной иронией обращался Владимир Маяковский к своему современнику — любимцу русской буржуазии самых предреволюционных лет — Игорю Северянину:

«Как вы смеее называться поэтом
И, серенький, чирикать, как перепел!»

«Чирикать» — звукоподражательный глагол не только в русском языке. Ему соответствует украинский глагол «цвірка́ть» (отсюда «цвіркун» — сверчок, кузнечик). Можно отметить, что и по-немецки слово «чирикать» выражается глаголом «zigren» (цирпен), а «сверчок» называется «Zirpe»...

Однако вернемся к вопросу: с каким же глаголом спутала молодая мать свое «чирикать»?

Сразу с двумя: «чёркать» и «чёркать» («черка́ть»). Что же такое «чёркать»?

Тоже звукоподражательный глагол. Но если «чирикать» происходит от птичьего «чирик», то «чиркать» имеет своим корнем звук «чирк», имитирующий резкое

и быстрое трение одного предмета о другой, например — спички о коробок («чиркать спички»).

Но перо, быстро и размашисто двигаясь по бумаге, тоже может издавать подобный звук. И вот — от «чиркать» «отпочковался» другой глагол — «чёркать» или «черкать»: быстро, размашисто писать, делать пометки, подписывать...

Так, Фамусов в «Горе от ума» говорит Петрушке:

«Постой же. На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели».

Можно вспомнить и Некрасова:

«Служба всю мою жизнь поглощала,
Иногда до того я вникал,
Что во сне благодать осеняла,
И, вскочив, — я черкал и черкал!..»

От «чёркать» (черкать) произведены слова «очерк», «почерк», «росчерк», «подчеркнуть» и т. д.

Вывод: глаголы «чирикать» и «чиркать» (чёркать), хотя и созданные схожим образом (на звукоподражательной основе), — глаголы разные, и смешивать их в нашем разговорном языке не следует...

* * *

«Бесталанный»...

Это слово мы можем иногда не только услышать в разговорной речи, но и прочитать в книгах современных писателей. И в девяти случаях из десяти оно означает «лишенный таланта», «малоспособный», «неодаренный»...

Так ли это? Нет!

В чем же ошибка? Здесь спутаны два слова с разным значением, но схожие по звучанию, а именно: «талант» — от греческого «талантон» (первоначально — мера веса и денежная единица в древней Греции, затем — «дар», «одаренность») и «талán» — от тюркского «талán» («счастье», «удача», «судьба».)

Слово «талант», придя к нам вместе с христианством в евангельской притче о «таланте, зарытом

в землю» (то есть о «таланте-деньгах», иносказательно — о неиспользованных способностях), не вошло глубоко в народный язык, оставаясь больше словом литературным и бытуя главным образом в разговорной речи интеллигенции.

Иная судьба была у слова «талан»: оно глубоко вошло в народную речь, найдя себе место даже в целом ряде русских пословиц и поговорок.

Вот их неполный перечень:

«Кому талан — будет атаман».

«Нашему Ивану нигде нет талану».

«Мой талан ушел по горам».

«Худ талан, коли пуст карман».

«Чужой талан скоро растет...»

«Наш талан — с сумой по дворам».

«Талан не туман, не мимо идет».

«Не хитер — да удачлив, неказист — да таланен».

«Вор вору таланит».

Слова «талан» и производное от него «бесталанный» вошли не только в народный язык, но и в литературу.

Вспомним лермонтовскую «Песню про купца Калашникова», где говорится:

«И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатила».

Вспомним строки из песни А. В. Кольцова «Говорил мой друг, прощаючись»:

«Не держи ж, пусти, дай волюшку,
Там опять мне жить, где хочется,
Без талана — где таланится,
Молодым кудрям счастливится...»

И другую песню, которая называется «Всякому свой талан» и рассказывает о несчастной женитьбе...

Приведем еще ряд примеров.

В конце знаменитой сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунук» читаем:

«Твоего ради талана
Признаём царем Ивана!»

Бытописатель Москвы сороковых годов прошлого века И. Т. Кокорев в очерке «Мелкая промышленность

в Москве» писал о мещанине, «которого разные таланы совратили с истинного пути»...

В тургеневском «Гамлете Щигровского уезда» говорится: «Ходит он (Войницын)... горько проклиная свою бесталанную участь».

«Пучина» А. Н. Островского кончается фразой Кисельникова:

«Талан-доля, иди за мной!..»

В рассказе В. М. Гаршина «Сигнал» один стрелочник говорит другому: «Не дал бог счастья. Уж кому какую талан-судьбу господь даст, так уж и есть».

Слово «талан» вошло не только в русский язык, но и в украинский. Вспомним драму И. К. Карпенко-Карого (Тобилевича) «Бесталанная», где говорится о судьбе молодой женщины, лишенной счастья, а отнюдь не таланта, то есть способностей, дарования...

Вспомним, наконец, пьесу М. П. Старицкого «Талан» (в «БСЭ» она ошибочно названа «Талант»), где опять же говорится не об исключительном даровании, а о судьбе, доле, участии...

Можно считать «талант» — словом литературным, а «талан» — просторечием, «талант» — словом живым и современным, а «талан» — устаревшим и вышедшим из употребления, но путать «талант» с «таланом» и «бесталантный» с «бесталанным» — не следует!

...Всё же я встретил правильное слово «бесталантный» в печати. И прочитал я его не в произведении писателя или поэта, а в общественно-политическом выступлении, в речи тов. Л. Ф. Ильичева на заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС с участием молодых писателей, художников, композиторов, работников кино и театров 26 декабря 1962 года.

Касаясь неправильных тенденций, существующих в нашей музыке, тов. Ильичев сказал, что «известный композитор Игорь Стравинский, которому в общем-то далеки эстетические основы нашей музыки, даже он, послушав в Ленинграде изделия наших доморощенных поклонников формалистического «авангардизма», смеялся их как жалкое, бесталантное подражание».¹

---

¹ «Литературная газета», 10 января 1963 г.

Будем надеяться, что и литераторы возьмут «на вооружение» правильное слово «бесталантный» и перестанут его путать со словом «бесталаный»...

* * *

«Свиноматка»... «Овцематка»...

Что это такое? Если эти слова — синонимы понятий «свинья» и «овца», то такие слова совершенно не нужны: ведь не скажет же никто вместо «корова» — «коровоматка», а вместо «кобыла» — «кобыломатка»?

Если эти слова означают «свинья, дающая приплод» и «овца, дающая приплод», как это указано в некоторых словарях, то ведь вообще всем самкам свойственно давать приплод, что, однако, никогда не требовало создания таких слов, как «козоматка», «кроликоматка», «уткоматка» и т. д.

Вот если у самок приплода нет, такое явление — бесплодие — по-русски определяется словами «яловеть», «яловая», например, «яловая корова», «яловая овца» и пр.

Думаю, что необходимости создания таких искусственных «неологизмов», как «свиноматка» и «овцематка», не смогут доказать и те канцеляристы-бюрократы, которые ввели эти слова в обращение в отчетах, откуда «свиноматка» и «овцематка» перекочевали в периодическую прессу...

* * *

«Кура»...

Это слово можете услышать и прочитать повсюду: и на рынке, и в магазине, и в столовой, и в ресторане (в меню).

А почему не «курица»? Ведь издавна по-русски говорили «куры» только во множественном числе («курам на смех», «денег куры не клюют»).

Следует отметить, что «кура» не сосуществует с «курицей», а явно пытается ее вытеснить.

Думается, что «курица» должна быть «восстановлена в правах»...

* * *

За последнее время стали злоупотреблять формой слов с суффиксом «ник»:

Если эта форма не только уместна, но и необходима в таких словах, как «субботник» или «воскресник», так как в эти слова вкладывается совершенно особое содержание, которого в дореволюционное время не было и не могло быть в словах «суббота» и «воскресенье», то спорным является слово «месячник».

Почему, собственно, нельзя сказать «Месяц книги», а обязательно надо говорить «Месячник книги»? Ведь никто не скажет вместо «Неделя книги» — «Недельник книги»?!

* * *

«Пароход зовут „Орленок”».

Таково название пьесы, шедшей в 1958 году в одном из ленинградских театров.

А можно так сказать?

Едва ли...

В русском языке глагол «зовут» можно применять только к одушевленным предметам: «Эту девочку зовут Катей», «Кошку зовут Муркой», «Собаку зовут Дружком» и т. д.

Это и понятно. Ведь смысл слов «зов», «званный», «звать» предполагает, что существо, к которому обращаются с «зовом», может или «отозваться» (ответить, мяукнуть, залаять) или совершить какое-либо действие в ответ на зов (улыбнуться, оглянуться, подойти, завилять хвостом).

Неодушевленные же предметы не «зовутся», а «называются». Нельзя сказать: «Эту улицу зовут Московской», «Этот поезд зовут „Красная стрела”», «Эту дачу зовут „избушкой на курьих ножках”» и т. д. Во всех перечисленных случаях следует говорить «называют»...

И пароход, конечно, н а з ы в а ю т «Орленок»...

Не следует путать глаголы «звать» и «называть»...

* * *

«Купил на Ситном рынке...»

Эту фразу нередко можно услышать в Ленинграде, где имеется старинный Сытный рынок. Некоторые пытаются спорить, утверждая, что название рынка происходит от слова «ситный» (хлеб).

Так ли это? Нет, не так...

Сперва немного истории.

При дворе московских царей существовал специальный «Сытный двор» — учреждение, в ведении которого было изготовление и хранение вина, пива, меда и сыты (медового взвара). Вот от последнего-то слова «сыта», ведущего свое начало от глагола «сытить», то есть «на-сыщать», и произошло название «Сытный двор».

При перенесении столицы из Москвы в Петербург сюда переехал и «Сытный двор», помещавшийся как раз на месте современного Сытного рынка.

Некоторые отчаянные спорщики уверяют, что название рынка происходит от... английского слова «сити», но находящаяся рядом с рынком старинная Сытнинская улица окончательно свидетельствует о правильности происхождения названия рынка.

* * *

«Я проблудил два часа...»

Не думайте, что говорящий так имеет склонность к разврату: он только хотел сказать, что «проблуждал» два часа, не зная дороги, но по небрежности (а может быть, и по невежеству) сказал «проблудил», и тем самым исказил смысл сказанного.

Я предвижу, что читатель-оппонент задаст мне ядовитый вопрос: «А кто же, по-вашему, библейский блудный сын: „предававшийся блуду” или „неведомо где блуждавший”?»

И то, и другое. В евангельском тексте о нем ясно сказано, что он жил «распутно» и расточил «имение свое с блудницами», а также, что он «пошел в дальнюю сторону», жил в нищете, «пропадал и нашелся».

Однако в притче больше подчеркивается, что сын вернулся в отчий дом после долгих скитаний...

Бесспорно, «блудить» и «блуждать» происходят от одного словесного корня, иногда переплетаясь в словесном значении («блудливый кот» и «приблудный кот»). А первоначальным, древним значением «блудить» было «идти по неверной дороге», «сбиться с пути» («он заблудился»). Думается, что отсюда же произошло слово «плутать», то есть «идти по ложному пути» («он проплутал весь вечер»).

От «блуждать» произошло слово «заблуждаться», то есть «ошибаться», опять-таки — «идти по неверному пути».

Однако в течение столетий в нашем языке четко сформировались и обособились глаголы «блуждать», «блудить», «плутать» и «плutowать», путать каковые нашему современнику никак не следует...

* * *

«Ага!..»

Что это? Выражение злорадства? Или торжества?

Нет! Для многих это словечко выражает утверждение и заменяет «да».

...Как-то летом я встретил в лесу группу пионеров. Между нами произошла приблизительно такая беседа:

«Вы из соседнего лагеря?» — «Ага!»

«Собираете ягоды?» — «Ага!»

«Купаться на речку ходите?» — «Ага!»

Кроме «ага» — я ничего от них не добился. Только один раз после какого-то вопроса они сперва помолчали, а затем один пионер сказал: «Нé-а», что должно было означать «нет». Видно, что в этом лагере, да и вообще в школах обращают недостаточное внимание на речь школьников...

* * *

«Ну, сынок, и играйся с другими детьми!..»

Эту фразу я услышал в саду, где молодая мать поучала своего сына-карапуза.

Почему глагол «играть» (непереходный) приобрел в ее речи несвойственную ему возвратную форму «играться» — непонятно: ведь «ся» — есть сокращенное «себя», и ребенку незачем играть с самим собой, когда он играет с другими детьми...

Приходится с грустью признать, что эта неправильность в разговорном языке весьма распространена.

Слово «играться» в русском литературном языке употребляется только в страдательном значении: «соната играется в две руки», «спектакль игрался много раз».

«Я играюсь», «ты играешься», «он играется» и т. д. — выражения, пришедшие к нам из южно-русского диалекта, в правильной разговорной речи их следует избегать.

* * *

«Книгу заверни в бумагу!»

И этот совет родителя своему сыну не точен: «завертывают», то есть укрывают со всех сторон в бумагу, попку, когда ее несут из магазина домой. А дома книгу «обертывают» (измененное слово «обвертывают»), то есть укрывают бумагой переплет для того, чтобы он не запачкался. Для этой цели есть даже специальная «оберточная» бумага (а не «заверточная»). В магазине же попку заворачивают в упаковочную бумагу...

* * *

«Намочились под дождем...»

Так выразились недавно два школьника. На мое замечание, что следует говорить «намокли под дождем», они ответили: «Мы про то и говорим».

Пришлось осветить им этот вопрос основательнее...

* * *

Читаю «Советы врача» в календаре-еженедельнике: «Когда ребенку за а к а п ы в а ю т в нос капли, он нередко плачет», «Не рекомендуется проводить за а к а п ы в а н и е сразу же после еды».

А почему обязательно «закапывают» и «закапывание»? Разве советующий врач не знает, что в русском языке есть слова «капают» и «капание»? И вообще для чего искусственно создавать путаницу между глаголами «капать» и «копать» (рыть)?

* * *

«Бумажный лом»...

Словосочетание, составленное по аналогии с «железным ломом», явно неправильно: бумагу не ломают, а рвут...

Однако найти в данном случае правильное и точное русское слово не так-то просто. «Бумажные бытовые отходы»? Длинно! «Бумажное вторичное сырье»? Еще длиннее! Придется, пожалуй, остановиться на иностранном слове «макулатура».

«Я поднимаю тост...»

Не вдаваясь в этимологию этого английского слова, установим, что «тост» в нашем понимании — это застольная речь или здравица (короткое приветственное провозглашение) в честь кого-либо. В конце тоста обычно поднимают бокал с вином и пьют за здоровье того лица, о котором шла речь.

Еще хуже, что иногда говорят: «Я пью тост»... Так, например, в фильме «Глинка» по воле сценариста и режиссера «пьют тост» за Глинку!

Между тем тост нельзя ни «поднять», как бокал, ни «пить», как вино: его можно «провозгласить» («сказать», «предложить», «произнести»...)

Заметим, кстати, что тост провозгласить можно только за живого человека, ибо пить за здоровье покойника лишено всякого смысла. Именно поэтому при сохранившемся до сих пор древнем обычае «поминок» никаких тостов, конечно, не провозглашают и не чокаются...

«Солянка»...

Что это такое?

1. Старинное название улицы в Москве.

2. Растение, произрастающее на солончаках.

И всё. Блюда такого нет.

А если вам в ресторане или в столовой предложат «солянку» (мясную или рыбную), то знайте, что это исковерканное слово «селянка» (от слова «село», то есть «сельское кушанье»).

Сошлюсь на литературу.

Вспомним фельетон Салтыкова-Щедрина «Газетчик», где говорится: «Приедешь в Московский трактир: — Гаврило! Селянки! — Ах, что это за селянка была!..»

Одного литературного примера мало? Найдем и другой. Откроем воспоминания В. А. Гиляровского «На жизненной дороге»: «Знаю, ради красивого словца и себя облаещь... Идем селянку хлебать!..»

Мне кажется, что пора уже «солянке» снова стать «селянкой!..»

* * *

«Благодарю»... «Спасибо»...

В ответ на это почти всегда отвечают: «Пожалуйста!»

Я не хочу сказать, что это слово содержит какую-либо неправильность: напротив, желательно слышать это слово как можно чаще...

И всё-таки хочется вспомнить, что наряду с этим словом вежливости существовали выражения: «Не сто́ит...», «Не за что...»

Эти выражения сейчас совершенно забыты.

А жаль! Старая форма, право, была скромнее...

* * *

«Замечание в его адрес!..»

Правильно ли это? Можно «бросать камушки в его огород», но замечания делают «по его адресу»...

* * *

«Дикообраз»...

Существует ли такое животное?

Нет, не существует. Хотя один столичный толстый журнал утверждает обратное, поместив рассказ под таким названием.

Имеется «дикообраз» — млекопитающее из отряда грызунов. Наименование его несомненно возникло из слов «дикий образ», и в старину он действительно именовался «дикообраз», что подтверждает словарь, составленный Нордстетом в 1780 году. Однако уже в 1790 году, по свидетельству академического словаря, зверь стал «дикообразом» и менять свой «образ», превращаясь опять в «дикообраза», не намерен.

(Мне очень неприятно и обидно, что в отличной книге Галины Серебряковой «Похищение огня» («Советский писатель», М., 1962), где приведен мой перевод стихотворения Георга Веерта «Я радости большей не знал никогда...» в строках:

«Весь город покрылся щетиной штыков
И сходен стал с дикообразом»... — (стр. 380)

по вине редактора или корректора вместо слова «дикообразом» напечатано — увы! — «дикообразом».)

* * *

«Орел или орешка?»

Такое странное словосочетание я недавно услышал из уст одного знакомого... писателя! С жаром стал я ему объяснять, что говорить можно только «орел или решка?» (хотя, в сущности, никакого орла теперь, конечно, на монете нет!), потому что в старину на монетах на одной стороне был «орел», а на другой насечка, имевшая сходство с «решеткой», что «решка» — это и есть сокращенное «решетка», а «орешка» — явная, абсолютная и постыдная для русского человека бессмыслица. Он (писатель был молодым) немного сконфуженно, но недоверчиво качал головой и повторял: «Так говорят...»

* * *

«Битон молока» приходится слышать то и дело...

Существует латинское слово «bitumen», от которого произошло французское «béton» и наше «бетон», — смесь гравия и щебня с раствором цемента. После увлажнения и засыхания она приобретает большую твердость и употребляется как строительный материал.

Существует французское слово «bidon» — жбан, кружка, манерка, — от него наше русское «бидон».

Когда и каким образом слова «бетон» и «бидон» слились в одно странное слово «битон», установить трудно; приходится только признать, что этот уродливый словесный гибрид оказался весьма жизнеспособным и получает — увы! — всё большее распространение в нашей бытовой речи...

* * *

«Как и не вы»...

На языке некоторых это означает «как и вы».

Почему в эту фразу вставляется совершенно чуждое ей по смыслу отрицание «не» — объяснить невозможно...

* * *

«Приветик!..»

Это нелепо-уменьшительное слово вместо «привет» открывает собой целый ряд уменьшительно-ласкатель-

ных слов, которыми, безо всякого к тому основания, пестрит речь многих из нас. Особенно это касается почему-то продовольствия.

«Салатик», «картошечка», «селедочка», «сметанка», «морковка», «репка», «молочко», «рыбка», «колбаска», «котлетка», «компотик»...

Целый «наборчик» для «обедика»!

Я знал одного врача (не детского!), говорившего «сердечко», «спинка», «под лопаточкой», «горлышко», — и даже одного учителя, у которого в речи были исключительно «треугольничек», «тетрадошка», «страничка», «кустарничек», «пишется в скобочках», «оставьте место для заголовочка»...

К сожалению, они не одиноки...

Недавно я услышал, как одна особа спросила, подойдя к газетному киоску, торгующему и открытками: «Видики Ленинграда есть?»

Как видно, многие считают ласкательно-уменьшительную форму более вежливой, не понимая, что она допустима в русском языке только в двух случаях: если говорящий хочет подчеркнуть малый размер предмета, например, «стаканчик» — о маленьком стакане в отличие от стакана обычного размера, — или хочет выразить свое ласковое отношение к предмету, например: «Какой прелестный цветочек!», «Что, ручку ушибла?»

Конечно, в живой речи можно сказать и «еще тарелочку!» и «еще чашечку!», но злоупотреблять этой формой в разговоре во всяком случае не следует...

* * *

Что такое «плащ»?

Верхняя просторная одежда без рукавов, надеваемая внакидку.

Вспомним, что о плаще говорилось в стихах за последние сто лет (разрядка везде моя. — Б. Т.):

«Любовник под окном трепещет и кипит,
Окутанный плащом...»

(А. С. Пушкин)

«Закину в плащ, с гитарой под полою...»

(В. А. Сологуб)

(В порядке примечания: когда эти стихи стали популярной песней, первое слово превратилось в «накинув».)

«Я плащом тебя одену
Так, что не заметят...»

(Я. П. Полонский)

«Ты в синий плащ печально завернулась...»

(А. А. Блок)

Кажется, ясно, что плащ не имеет рукавов?

Однако за последнее время «плащом» стали называть легкое летнее пальто с рукавами, хотя у такого пальто есть специальные названия — «пыльник» и «дождевик».

Таким образом, современное легкое пальто и романтическая накидка времен «плаща и шпаги» стали носить одно и то же название.

Что это: обеднение языка или словесная путаница?

И то и другое вместе...

* * *

Когда надо говорить «три», а когда «трое»?

На этот счет есть точные и ясные правила: «трое» наряду с «три» можно говорить о трех лицах мужского пола: «три сына» и «трое сыновей», «три богатыря» и «трое богатырей».

«Трое» надо говорить о трех предметах, имеющих только множественное число: «трое ножниц», «трое щипцов», «трое брюк»...

«Трое» нельзя говорить о трех лицах женского пола и о словах женского рода: не «трое девочек», «трое ласточек», «трое роз», а «три девочки», «три ласточки», «три розы»...

Однако последнее правило иногда нарушается не только в разговорной речи, но даже и в литературе.

Так современный поэт Леонид Мартынов пишет:

«Девять муз и трое граций...»

И невольно вспоминается строка известной лермонтовской эпиграммы:

«Три грации считались в древнем мире...»

Приходится сказать: «Платон мне друг, но истина дороже...»

* * *

А теперь — в связи с этим — о числительных именах вообще...

Наряду с «два», «три», «четыре», «пять», «шесть», «семь», «восемь», «девять», «десять» мы имеем — если это касается лиц мужского пола — синонимическую форму «двое», «трое», «четверо», «пятеро», «шестеро», «семеро», «восьмеро» (редко), «девятеро» (еще реже), «десятеро» (совсем редко).

Соответственно этому имеем также: «вдвоем», «втроем», «вчетвером», «впятером», «вшестером», «всемером», «ввосьмером» (редко), «вдевятером» (еще реже), «вдесятером» (совсем редко).

Дальше цифры «десять» никаких параллельных форм («одиннадцатеро», «водиннадцатером» и др.) не употребляется.

* * *

«От тысяча двести сорока до три тысячи восемьсот пяти...»

Эту фразу сказал не школьник, а взрослый и достаточно образованный докладчик. А надо было сказать: «От тысячи двухсот сорока до трех тысяч восьмисот пяти».

Числительные имена зачастую вообще не склоняются или склоняются очень небрежно...

* * *

«Столько-то пудов»...

Почему «пудов», а не центнеров или килограммов?

В СССР в 1925 году введена метрическая система, несомненно более совершенная и удобная, чем старая.

В наши дни никто и никогда не скажет «столько-то сажень, аршин, вершков, фунтов, золотников», а «пуды» почему-то уцелели. Любопытно отметить, что уцелели они только в газетах (и только для определения количества зерна): в быту «пуды» давно вытеснены килограммами.

* * *

«Что вы хотели?»

Эту фразу можно постоянно услышать в учреждениях и магазинах. Вероятно, спрашивающий считает форму вопроса «Что вы хотите?» — грубоватой (почти «Что вам надо?»), а вопрос «Что вы желаете?» — уни-
зительным для себя (почти «Чего изволите?»).

Вот и появилась неопределенная фраза — не то в прошедшем времени, не то в сослагательном наклонении с усеченным «бы»: «Что (бы) вы хотели?»

* * *

Когда-то — на заре кинематографии — помещение, в котором показывались кинокартины, называлось «кинематограф» (первоначально «синематограф») от греческого «κίνημα» (род. падеж «κινέματος») — «движение» и «графо» — «пишу».

Со временем «кинематограф» и «кинематография» для краткости стали называться «кино», а «кинокартина» — «фильм» (еще раньше «фильма»).

В общем, «кинематограф» превратился в «кино» по тому «закону краткости», по которому «метрополитен» стал «метро», «фотография» — «фото», «автомобиль» — «авто», а «велосипедный спорт» — «велоспортом».

Однако за последнее время многие стали говорить: «Я видел хорошее кино», имея в виду, конечно, не помещение кинотеатра, не киноискусство в целом, а определенную кинокартину.

Неправильность этого явления очевидна, однако оно получило «права гражданства» не только в разговорной речи, но даже в высоком жанре поэзии.

Так, у одного современного поэта читаем:

«Сегодня в клубе сельсовета
Идет хорошее кино...»

* * *

«Подворье»...

Я читаю стихотворение одной современной поэтессы:

«Он стоял вечерами у наших ворот...»

и дальше:

«Я и впрямь королевной влиявала подчас
Под тяжелые, серые своды подворья...»

Меня заинтересовало последнее слово «подворье». Неужели автор живет на постоялом дворе или при городской церкви, принадлежащей загородному монастырю с общежитием для монахинь? Или во дворе при усадьбе?

Безусловно нет! Наша современница, конечно, хотела сказать о «тяжелых, серых сводах» обыкновенной подворотни, но почему-то спутала два понятия. «Подворье» тут совершенно ни при чем...

* * *

«Река встала»...

Очень часто это означает, что «река остановилась» из-за ледостава.

А правильно надо говорить «река стала».

Удивительно, что так часто смешивают глаголы «встать» и «стать».

Притом не только в разговорном языке, а иногда и в литературе.

Так, один современный писатель пишет: «Конь встал, всхрапывая и скребя копытом снег».

Как видно из повествования, конь не поднялся из лежачего положения, а резко остановился. Постараемся себе ясно представить эту картину.

Конь «встал» — значит поднялся на задние ноги. Но одной из них он «скребет снег». Следовательно, у коня осталась единственная точка опоры — одна задняя нога...

Да это просто отменное выступление в цирке!..

* * *

«Лóжить»... «Вёсить»...

Эти два глагола — вместо «класть», «вешать» — заслуживают того, чтобы о них поговорить особо.

Когда я спросил одного молодого инженера (!), почему он говорит «лóжить», а не «класть», он ответил, что привык так говорить с детства и, кроме того, — «лóжить» звучит... приличнее!

«Дети! Здесь вы будете весить пальто!» С такой фразой обратилась к первоклассникам и первоклассницам их школьная учительница. Думается, что они тоже «с детства» будут говорить «лбжить».

Жаль, но эти «глаголы-агрессоры» продолжают наступление...

* * *

«На банной пблке»...

Можно так сказать?

Нет, потому что в бане не «пблка», а «полбк». Надо сказать: «На банном полкб».

* * *

«Пошли танцевать стилем!»

Любимое выражение «стиляг», предельно нелепое и по форме, и по содержанию. Ведь это всё равно что сказать: «Он пошел походкой». «Стиль» танца может быть «сложным», «вольным», «примитивным», «диким» и т. д., но просто «стилем» быть не может: это бессмысленно.

Ведь и про здание никто не скажет «оно выстроено в стиле», без указания, в каком именно.

Лишнее доказательство того, что стиляга, как правило, малокультурен...

* * *

«Отряхни ноги от снега!»

А не правильнее ли: «Отряхни снег с ног!»?

«Стряхивают» и «отряхивают» то, что пристало. Сказать «Отряхни ноги», конечно, не ошибка, но чуткое ухо уловит в этом какую-то неправильность.

Ведь Пушкин писал:

«И пыль веков от хартий отряхнув»...

И слова старой революционной песни гласят:

«Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!..»

* * *

«Полувёр»...

Что это такое? Человек, не вполне освободившийся от религиозных предрассудков?

Нет! Оказывается — это обыкновенный «пулвёр» в произношении некоторых, — трикотажная верхняя одежда, род фуфайки....

Английские слова «pull over» (пулл óвер) означают «тяни вверх!», то есть показывают, что «пуловёр» не имеет пуговиц, и его надо надевать через голову.

Между тем «полувёрами» некоторые называют любой трикотажный жилет или джемпер (с пуговицами).

Вот пример коверканья иностранного слова, основанного на непонимании его смысла...

* * *

Еще об одежде...

Что такое «шуба»? Зимняя верхняя одежда меховая или на меховой подкладке.

Между тем многие называют «шубой» любое зимнее пальто на вате и с меховым воротником.

Мелочь? Мелочь. Но язык, в сущности, весь и состоит из мелочей...

* * *

«После отпуска она хорошо выглядит...»

Что это значит? Ведь «выглядывать» — это или «смотреть из-за укрытия», или «то появляться, то исчезать», или «следить», «выслеживать»...

Можно ли сказать «она хорошо выглядит»?.

Нет! Надо сказать «она хорошо выглядит»...

Многие, к сожалению, не чувствуют разницы между глаголами «выглядеть» и «выглядывать»..

**СЛУШАЯ ОРАТОРОВ,
СОБЕСЕДНИКОВ,
РАЗГОВОРЫ...**

«Это не имеет роли и не играет значения!...»

Такую фразу произнес один докладчик. И я подумал: а ведь надо было сказать как раз наоборот: «Это не играет роли и не имеет значения»...

Каким глухим надо быть к родному языку, чтобы допускать такие словесные ошибки!

* * *

«В честь чего вы стоите в очереди?»

Так спросил некто, увидав своего знакомого стоящим в очереди.

При чем тут «честь»?

* * *

«Разменял мелочь»...

Но ведь, размениваются крупные деньги, а не мелочь, которую не надо разменивать именно потому, что она «мелочь»...

* * *

«Он свой доклад высиживает, словно курица яйца...»

Так образно выразился один знакомый служащий. Говоривший явно не чувствовал разницы между словами «насиживать» и «высиживать». А ведь курица «насиживает» яйца и «высиживает» цыплят... Поэтому она и называется «наседкой» (а не «выседкой»!).

* * *

«В будущем году мы надеемся добиться на нашем заводе более лучших результатов...»

Как часто нам приходится слышать подобное. А жаль: ведь если допустить выражение «более лучших», то надо считать правильным и «менее лучший»... Ну как тут не вспомнить выражение в одном из рассказов М. М. Зощенко: «мáловысокохудожественное произведение»!..

Можно сказать «самый лучший» и «наилучший», но сказать «более лучший» (как и «менее лучший») нельзя!

* * *

«Ваша мама такая симпатичная...» — «Ну, что вы! Где же ей быть симпатичной, когда ей шестьдесят пять лет!..»

Этот диалог не выдуман, а случайно услышан. Из него можно заключить, что слово «симпатичная» для некоторых кажется равнозначимым словам «красивая», «миловидная», «хорошенькая»...

* * *

«Вы с какого года?»

На языке многих это должно означать: «Сколько вам лет?»

* * *

«Мать купила к зиме полушубку, а я к лету — платье в горошку...»

Следовало еще купить «молодую барашку» и «литру молока»!..

* * *

«Больно ногу!»

А не правильнее ли: «Больно ноге!»?

* * *

«Он набрал у меня в долг порядка ста рублей...»

Что означает здесь «порядка»? «Примерно»? «При-

близительно»? «Около»? Ну так и надо говорить, тем более, что порядка-то здесь как раз никакого нет.

Некоторые, впрочем, любят еще говорить «плана» и «в районе». Например: «Пьеса плана комедии». Или: «Мы встретимся в районе пяти часов»...

* * *

«Наш домово́й комитет»...

Почему «домово́й»? Домово́й, по древней русской мифологии, — «дух», обитающий в доме.

А комитет — домо́вый...

* * *

«В конечном итоге»...

Итог может быть только конечным, иначе это не итог. Надо сказать: «в конечном счете» или просто: «в итоге».

* * *

«Эта задача решается запросто...»

Так сказала своим ученикам одна учительница в школе. А почему она не сказала: «решается просто»? Ведь «запросто» можно зайти в гости, а не решить задачу...

«Просто» и «запросто» — близкие понятия, но всё же надо чувствовать в этих словах смысловую разницу.

* * *

«Насыпь мне борща!»

С такой просьбой обратился один студент к своей матери. На мой вопрос, отличает ли он тела сыпучие от жидких, он ответил, что привык так говорить с детства и что на Кубани, откуда он родом, все так говорят.

Однако эта ссылка на местный говор меня не убедила: надо говорить правильно по-русски, а не «по-кубански», всегда помня завет А. М. Горького в «Письмах начинающим литераторам»: «У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои «говоры», свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски».

Золотые слова!..

* * *

«Не подскажите ли, где Стремянная улица?»

В русском языке есть глагол «сказать» и глагол «подсказать». Последний значительно уже по смыслу и по объему и означает: «я не знаю» или «я не точно знаю» и имеет оттенок: «помогите мне вспомнить!», «напомните!»

В последнее время почему-то очень «модной» стала манера говорить «подсказать» вместо «сказать», что, как мы только что видели, не одно и то же, хотя и близко по смыслу. (Нечто подобное мы видели в при- мере с «просто» — «запросто».)

В данном случае надо было, конечно, сказать: «Не скажете ли, где...», а еще лучше (проще, понятнее и... вежливее): «Скажите, пожалуйста, где...» Слово «пожа- луйста» при вопросе никогда не повредит.

* * *

«Вот, приобрел книжонку...» — и мой собеседник назвал фамилию поэта-классика.

«Почему вы говорите так пренебрежительно?» — возмутился я. — «Что вы! Но ведь она тоненькая. Да и формат небольшой!»

Так я выяснил, что мой собеседник путает слова «книжечка» и «книжонка», не замечая разницы между формой уменьшительной и формой уни- чижительной. В этом он, увы, не одинок...

* * *

«Оплатить за квартиру...» «Оплачивайте за про- езд!..» Правильно ли это?

Нет! Можно уплачивать за квартиру и упла- чивать за проезд, но можно только оплачивать квартиру и оплачивать проезд...

Это необходимо помнить очень многим.

* * *

«Бескрайний простор»...

Я помню, что где-то у Гоголя (к сожалению, не помню точно — где) мне встретилось слово «бескрай- ный».

Теперь почти все говорят и пишут «бескрайний»...

Задумаемся над этим.

Сперва заглянем в словари. Ушаков помещает обе формы, но к слову «бескрайный» делает пометку: «книжное». Академический словарь дает оба слова как равноправные.

Что же всё-таки вернее?

«Бескрайный» — это прилагательное, производное от существительного «край», а не от прилагательного «крайний».

Прибегнем к аналогии. От «урожай» мы имеем не «урожайний»; а «урожайный», от «чай» — «чайный», от «трамвай» — «трамвайный», от «сарай» — «сарайный»...

Не так ли?

Мне кажется, что «бескрайный» всё же правильнее...
А вам?

* * *

«Вы сумеете зайти ко мне завтра?»

Почему «сумеете», а не «сможете»?

Разве для того, чтобы зайти к знакомому, требуется особое умение?

* * *

«Это явление передовое и прогрессивное...»

Оратор не понимал, что в данном случае получилась тавтология. Вероятно, он говорил также «условия и кондиции», «взять задаток и аванс» и т. д.

* * *

«Вы спите после обеда?» — спросил я своего знакомого. — «Как иногда...» — ответил он, желая, по всей вероятности, сказать «как когда».

Впрочем, он же вместо «и так далее» говорил «и так, и далее», а вместо «более или менее» — «более не менее»...

* * *

Я стоял у входной двери магазина. По традиции всех завмагов, отмеченной еще Ильфом и Петровым, вторая (выходная) дверь была заперта, а потому входящим и

выходящим приходилось пользоваться одной дверью. Конечно, образовалась «пробка». За своей спиной я слышал бодрые голоса желавших войти: «Заходите! Заходите!»

Ни один не сказал: «Входите!» А ведь «заходят» случайно, по пути, а когда специально идут в магазин, то в дверь «входят»...

* * *

«Волнительно»...

Это новое слово очень любят употреблять в своих выступлениях критики и работники театра. Всё-таки правильное старое «волнующе».

Ведь если слово «у-див-ительно» происходит от глагола «дивить», то «волнительно» явно происходит от слова «волнить», а не от «волновать»...

Согласны?

* * *

«Мне некогда заниматься вопросами воспитания сына: я человек занятый...»

Этот плохой отец не в ладах также и с тонкостями русской речи. Он не чувствует разницы между словом «зáнятый» (каким-либо занятием) и «занятой» (вообще не имеющий свободного времени, досуга).

* * *

«Надо предпринять меры...»

А почему меры надо обязательно «предпринять», а не просто «принять»?

* * *

«Лично наш отдел...»

Отдел может быть «юридическим лицом» и даже «иметь свое лицо», но «личностью» быть он всё же не может...

* * *

«Я был голоден, как волк...»

Говоривший это, вероятно, «работает, как волк»...

* * *

«Вы не знаете, до сколькí открыты промтоварные магазины?» — «До сколькí? Как вы странно говорите!..» — «Ну, до сколькá...»

Некоторым почему-то трудно сказать: «До какого времени?..»

* * *

«Продукция по сравнению с прошлым годом...»

Правильнее: «Продукция по сравнению с прошлогóдней...»

Нельзя сравнивать продукцию с годом.

* * *

«Не застав своего друга на службе, я пошел к нему домой...»

Верно? Не совсем. Лучше было бы сказать: «Пошел к нему нá дом». Домой можно идти только к себе.

Иной скажет, что это «излишняя тонкость». Но излишних тонкостей в языке не бывает: из них-то и состоит культура речи!

* * *

«Сегодня мое деньрождение!..»

Всё...

* * *

«Довольны вы своей новой квартирой?» — «Ой, что вы!..»

Из дальнейшего разговора выяснилось, что это восклицание надо понимать, как утвердительное: «Ну конечно!..»

Странные дела происходят с разговорным языком...

* * *

«Я хочу вас проздравить с праздником!..»

Просто диву даешься, почему для некоторых легче сказать нелепое «проздравить» вместо правильного «поздравить»!

Уж не под влиянием ли слова «проработать»?

Слово «девица», синоним слова «девушка», существует в русском языке с древнейших времен.

«Красна де́вица», «царь-деви́ца» и просто «деви́ца» встречаются во многих русских былинах, сказках, песнях, пословицах и поговорках.

Недавно я столкнулся с тем, что слово «девица» воспринимается некоторыми как... обидное, как «девица легкого поведения».

Почему?

Кстати, и слово «девушки» вытесняется ныне русско-украинским словом «девчата», получившим чрезвычайно большое — я бы сказал, даже чрезмерное — распространение...

«Десять грамм» или «десять граммов»?

Думается, что правильнее вторая форма: русскому языку свойствен «закон склоняемости», делающий разговорную речь более ясной и понятной.

Правда, в старину это не так соблюдалось. Вспомним, как у Грибоедова говорит Фамусов:

«А в те поры все важны! в сорок пуд...
Раскланяйся — тупеем не кивнут».

Или у Пушкина:

«...Пегас
Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодез
Иссох. Порос крапивою Парнас».

Как языковая традиция — такая форма соблюдалась в наименовании воинских подразделений, например: «полк гусар», «рота grenадер», «эскадрон улан», «отряд драгун». Хотя в то же время говорили: «несколько ударов, примеров, планов, хвастунов»...

По этой же традиции мы говорим и сейчас: «полк солдат», но «несколько салатов».

В настоящее время в нашей речи побеждает вторая — склоняемая — форма: не «триста грамм помидор», а «триста граммов помидоров»...

Не «кило апельсин», а «кило апельсинов»... Ведь не говорим же мы «пять лимон»?

«Цветистый» или «цветастый»?

Разберемся в этом вопросе...

«Цветистый» есть во всех словарях и у классиков. Откроем «Горе от ума» и прочтем рассказ Софьи о виденном сне:

«Позвольте... видите ль... Сначала
Цветистый луг; и я искала...»

Здесь «цветистый» происходит от слов «цветок», «цветы» и вместе с тем выражает «яркий», «красочный»... А вот строки из стихотворения И. А. Бунина «Спутница»:

«Мглистая свежесть кругом
Смешана с золотом жарким
Раннего солнца, с теплом,
С морем цветистым и ярким...»

Здесь «цветистый» ведет свое начало от слова «цвет».

Но — наряду с прямым значением — слово «цветистый» постепенно приобрело в нашей речи переносное значение и стало выражать понятия «высокопарный», «напыщенный», «излишне украшенный»; так стали говорить «цветистый слог», «цветистая речь».

За последнее время появилось слово «цветастый», которого нет ни в одном словаре русского языка. Более того: слово «цветастый» проявляет стремление вообще вытеснить из нашего языка слово «цветистый». Мы то и дело читаем и слышим: «цветастое платье», «цветастый платок», «цветастая клумба» и пр.

Это неверно. Если «цветастый» возникло недавно из потребности резче выразить понятие яркого цвета и пестроты в отличие от «цветистый», то слово «цветастый» имеет право на ограниченное существование, не вытесняя, а только дополняя слово «цветистый».

Можно, пожалуй, сказать «цветастое платье», имея в виду «кричащую пестроту»: ведь суффикс «аст» способствует усилению какого-либо качества («глазастый», «зубастый», «клыкастый», «горластый»). Вспомним, наконец, неологизмы Маяковского «серпастый» и «молоткастый». Но луг, клумба, а также слог, речь остаются «цветистыми». Новое слово должно дополнить язык, но не обеднять его.

* * *

Для современной разговорной речи многих типична тенденция отбрасывать дополнения, считая, что слушатель или собеседник должен сам догадаться о смысле такой «урезанной» фразы.

Вот несколько образцов подобной — безусловно небрежной — разговорной речи:

«Как вы чувствуете?» (вместо «как вы себя чувствуете?»).

«А теперь я позволю перейти к последнему вопросу» (вместо «я позволю себе перейти»).

«Я буду держать вас в курсе» (вместо «в курсе дела») и т. д.

* * *

В столовой сидят двое молодых людей. Подходит официантка принимать заказ.

«Дайте, пожалуйста, нам по мозгам и по бутылке пива!»

* * *

Один весьма популярный эстрадный артист объявляет со сцены: «Сейчас я напою вам песенку...»

Почему «напою», а не «спою»? Ведь «напеть» — это воспроизвести вполголоса какой-нибудь мотив, а песню, тем более с эстрады, конечно, только «поют».

И хотя у артиста действительно осталось полголоса, всё же он поет (с помощью микрофона), а не напевает...

* * *

«Борщ со свиным мясом...»

Борщ может быть «со свиным мясом» или «со свиной».

«Третьего не дано», как говорили древние римляне...

* * *

Спрашиваю у новосела: «Вам скоро поставят телефон?» — «Нет. Управхоз говорит, что наш дом еще не кабелирован».

Так я впервые узнал о новом глаголе, производном от слова «кабель»...

* * *

«Я скупалась...»

А надо сказать: «искупалась» или «выкупалась»...

* * *

«Госцирк!»

Этот возглас кондуктора (или вагоновожатого через микрофон в вагоне без кондуктора) я слышу в трамвае каждый раз, когда проезжаю мимо цирка.

А почему не объявить просто: «Цирк!»? Ведь второго цирка, а тем более частного, в Ленинграде нет. Никто не говорит «Госстадион», «Госломбард», «Госаптека», «Госрынок», «Госбаня»...

Для чего же «Госцирк»?

* * *

«В этой связи»...

А надо: «В связи с этим», то есть с тем, что было только что сказано.

Что означает общераспространенное сейчас выражение: «в этой связи»? Ведь ни о какой «связи» до этого не было сказано ни слова...

* * *

«Она на них доказала в милицию...»

А надо: «сообщила»...

* * *

«Я насильно дошла...»

А надо: «я насилу дошла...»

* * *

«Дружественная беседа»...

Надо различать слова «дружественный» и «дружеский»... «Дружественными» могут быть отношения с каким-либо государством, а беседа — «дружеская»...

Вспомните у Пушкина: «...дружеский бокал вина».

* * *

«Я вперед поем...»

А не лучше ли сказать «я сначала поем» или «я сперва поем»?

Как ваше мнение?

* * *

«Уходя, обесточьте электросеть!»

Такое печатное объявление я прочитал в одном учреждении. На нормальном языке это означало: «Уходя, гасите свет!»

Неисповедимы пути твои, канцелярщина!..

* * *

«Зарыбляйте водоемы!»

Еще новое слово, рожденное бюрократами-канцеляристами и распространяемое этикетками спичечных коробок... А между тем эту безусловно правильную мысль можно и должно выразить по-русски словами: «Разводите рыбу!», не изобретая нелепого глагола «зарыблять». («Водоемы» — в данном случае лишнее слово: ясно, что рыбу надо разводить не в песке!)

Если мы пойдем дальше «по линии» такого словотворчества, то, вероятно, скоро прочитаем: «Заптичивайте сады!»

* * *

«Положение дел желает лучшего...»

Правильно? Нет!

Надо: «Положение дел оставляет желать лучшего...»

* * *

«Отображать»...

За последние годы этим словом почти совершенно вытеснено слово «отражать».

Правомерно ли это? Нет!

«Отображать» — это «отражать образ». И если этот глагол имеет право на существование — вернее, на сосуществование — преимущественно в мире искусства (особенно в театре и литературе); то он совершенно

неуместен в такой, например, фразе, услышанной мною недавно по радио: «Эти цифры ярко отображают...» Здесь, конечно, надо было сказать «отражают», потому что никакого «образа» цифры отражать не могут.

И в зеркале, и в воде — мы видим свое «отражение», хотя Маяковский и писал: «Театр — не отображающее зеркало».

А знаменитая в эстетике «теория отражения»? Ведь не стала же она «теорией отображения»?!

Оставим «отображать» как искусствоведческий термин.

И только...

* * *

«Смотрю — он улепётывает кашу за обе щеки!..»

Так сказала одна юная мамаша, увидав, что ее маленький сын с большой охотой ест манную кашу, от которой час тому назад отказывался.

Из этой фразы можно сделать вывод, что некоторые не чувствуют разницы между глаголами «уплетать» (есть с большим аппетитом) и «улепётывать» (быстро убегать).

Печально!

* * *

«О чем это характеризует?»

Ораторский противозаконный (с точки зрения грамматики) словесный гибрид одного докладчика, слившего воедино две фразы: «о чем это говорит» и «что это характеризует».

Прием явно запрещенный...

* * *

«По идее поезд должен был прийти в пять часов...»

А надо было сказать «по расписанию».

При чем здесь «идея»?!

* * *

«Я три дня прогулял по бюллетню...»

Некоторые, вероятно, при склонении слова «бюллетень» руководствуются словом «плетень»...

* * *

«Я купила бокал и чашку...» — сказала одна домохозяйка и показала свои покупки. «Бокал» оказался чашкой, а «чашка» — миской... Дело происходило в Свердловске, но речь здесь идет отнюдь не о местном диалекте, а всё о том же коверканье языка...

* * *

Два юных литкружковца спорили, как надо называть заимствование из чужого литературного труда: «плагиатство» или «плагиаторство»?

«Плагиат», молодые люди!

* * *

«Это надо приплюсовать, а это отминусовать!..»

А не проще: «Это надо прибавить, а это вычесть!..»?

* * *

«Я хорошо знаю его автобиографию...»

Из дальнейшего разговора выяснилось, что речь идет о чужой «биографии». Просто удивительно, как часто путают эти слова!

**ГЛАЗАМИ ПРОХОЖЕГО,
ПОКУПАТЕЛЯ,
ПАССАЖИРА...**

Объявление, повисевшее на ограде одной ленинградской больницы целое лето: «Медицинское училище №... готовит высококвалифицированных медицинских сестер. В училище принимаются лица обоего пола».

Комментарии излишни...

* * *

«Требуется посудомойка»...

А почему не «судомойка», как всегда называлась эта профессия? Изобретатель такого неологизма, вероятно, сделал «открытие»: «судомойка» происходит от слова «судно», а так как существуют судостроительные заводы и поскольку судомойка судов не моет, — ее следует именовать «посудомойкой»...

Нет! Совсем не так...

«Судомойка» — это (со)судомойка. «Сосуд», «судок», «посуда» — слова одного и того же корня и означают «вместилище». Кстати, и «судно» — тоже «вместилище».

А вот к суду — судомойка, действительно, никакого отношения не имеет...

* * *

«Корм для подкормки голубей»...

А разве бывает корм для иных целей, например, для подстилки?

* * *

«Школа парикмахерского ученичества»...

Что это значит? Почему не «школа парикмахерского

искусства» или «мастерства»? (Или, наконец, ремесла, если не считать его искусством!)

Почему «ученичества»? Неужели школа выпускает учеников? Тогда кого же она принимает?!

* * *

Из объявления Ростекстильторга:

«Шерстяные ткани с лавсаном почти не сминаются...»

А почему не «почти не мнутся»?

* * *

Реклама о «кофейных напитках»:

«Кофейные напитки представляют смесь ячменя, овса, ржи, пшеницы, кедровых орехов, цикория и винных ягод, прошедших специальную обработку».

Что же в этих напитках «кофейного»?!

* * *

Вагон пригородной железной дороги. Между контролером и моим соседом-пассажиром происходит следующий краткий диалог:

«Ваш билет?» — «Проездной!..»

Контролер удовлетворен ответом: «проездной» он понимает как «постоянный» или «сезонный», хотя «проездной» в данном случае бессмысленно: ведь у всех остальных пассажиров тоже не театральные билеты!

* * *

«Сейчас будет длинная остановка...»

Такую фразу я услышал в вагоне трамвая в разговоре двух пассажиров. Речь шла о большом перегоне между двумя остановками, а не о продолжительности ближайшей остановки.

Почему-то правильное слово «перегон» всё чаще заменяется в разговорной речи совершенно неправильным словом «остановка».

* * *

«Дверь открывается водителем»...

А не проще ли: «Дверь открывает водитель»? Неточность, правда, не очень велика, но для чего же, например, говорить: «Ребенок кормится матерью» или «Дичь стреляется охотником», когда можно сказать проще и яснее: «Мать кормит ребенка» и «Охотник стреляет дичь»?..

Не следует без надобности заменять действительный залог страдательным.

* * *

Объявление: «Спешите подпиской!»

А почему не «Спешите с подпиской!» Или просто — «Спешите подписаться!»?

* * *

Одно зрелищное предприятие сообщает в объявлении, что на представление такого-то числа «дети дошкольного и школьного возраста допускаться не будут». Позволительно спросить: а какие еще существуют дети? Едва ли в данном случае имеются в виду грудные...

* * *

«Буфет производит продажу без помощи продавца»...

Правильно? Едва ли...

Продавец не помогает торговле, а производит ее, осуществляет. Он может помогать покупателям при покупке, но помогать самому себе он, конечно, не в состоянии.

Надо было написать коротко и ясно: «Буфет без продавца», так же, как пишут на вагонах трамвая или автобуса: «Вагон без кондуктора», а не «Вагон обслуживается без помощи кондуктора»...

* * *

Читаю «Наставление для школьников», напечатанное на тетради, изготовленной в Ростове-на-Дону. Среди других советов: «Полоскай рот после еды!»

А почему не «полощи»? Ведь от «искать» — «ищи», от «таскать» — «тащи», от «взыскать» — «взыщи», от «рыскать» — «рыщи»...

К советам, даваемым школьникам, надо быть особенно внимательными...

* * *

«Драконовские законы»...

Тогда почему не «ахиллесовская пята», «дамокловский меч» и «ариаднинская нить»?

Ведь слово происходит от имени афинского законодателя Др á к о н а (620 год до нашей эры), а не от «д р а к ó н а» — мифологического крылатого огнедышащего змея.

Существовали «драконовы законы»...

* * *

«Проходимая машина»...

Это означает не «машину, сквозь которую можно пройти», а «машину, которая может всюду пройти».

Но ведь «проходимость» — это свойство леса, болота, поля, перевала, а никак не машины. Гораздо точнее было бы говорить о такой машине не «проходимая», а «проходчивая». И если такого термина пока нет, его следовало бы ввести...

* * *

«Продукты питания»...

Чрезвычайно и повсеместно распространенное словосочетание, вызывающее, однако, большие сомнения.

Ведь «продукт» в прямом значении слова (от латинского «productus» — «вытянутый», «полученный», «произведенный») — это «произведение», то есть «результат труда».

Что же представляет собой «результат питания»? Итог пищеварения... Кажется, ясно.

Ведь никто не назовет дрова или каменный уголь «продуктами горения»! Каждый понимает, что «продукты горения» — это углекислый газ, зола, шлак...

Вместо «продукты питания» следует говорить «продовольственные товары» или просто «продовольствие»...

* * *

Вывеска: «Мужская сорочка»...

Странно, неужели в магазине продается одна-единственная сорочка?

Вообще почему-то магазинно-вывесочный «язык» за последнее время обнаруживает пристрастие к единственному числу: «Детская игрушка», «Диетическое яйцо» и т. д. Вероятно, скоро появится «Аптекарский товар» и «Канцелярская принадлежность»...

* * *

«Товары продаются в кредит...»

Ошибки здесь, конечно, нет. Но всё-таки хочется задать вопрос: а почему, собственно, «в кредит», а не «в рассрочку»?.. Я уверен, что это понятнее. Почему слово «рассрочка» усиленно подвергается «дискриминации» в «торговой сети»?

* * *

«План по надою молока»... «Завод по выпуску стеклопластиков»... «График по выполнению»...

А нельзя ли обойтись без этого «по»? Ведь правильнее, проще и короче сказать «план надоя», «завод стеклопластиков», «график выполнения». Предлог «по» вошел в «моду» и очень полюбился канцелярским работникам...

* * *

Читаю: «Солдаты принимали присягу»...

А не правильнее ли «давали присягу» или «приносили присягу»? Ведь «присяга» — это торжественное обещание, клятва, и принимает ее от лица государства — командир, а не солдаты.

* * *

Смотрю популярный журнал. Нарисована лесная сторожка с вывеской «Лесничий».

Верно? Нет! По смыслу рисунка и подписи надо было на сторожке написать «Лесник».

Ведь «лесник» — это лесной сторож, а «лесни-

чий» — человек с высшим образованием (как правило, окончивший Лесотехническую академию). Разница между ними совершенно такая же, как между солдатом и офицером, между рабочим и инженером.

Но художник, а заодно и редакция журнала не знают этой разницы. Остается только добавить: «Увы!..»

* * *

Открываю словарь Ушакова. Читаю: «Каторжанин — человек, бывший на каторге». Рядом: «Каторжник — сосланный на каторгу». Выходит, что это одно и то же: «сосланный на каторгу» и отбывший ее превращается в «бывшего на каторге...»

Неверно!

Царская Россия ссылала на каторгу:

1) уголовных преступников — убийц, грабителей, крупных мошенников и пр.;

2) политических «преступников» — идейных врагов царизма, людей, страдавших за народ, за свои убеждения, за революционную деятельность.

И народ, делая различие между сосланными на каторгу, называл уголовников «каторжниками», а «политических» — «каторжанами».

Последнее наименование после революции стало официальным (Всесоюзное общество политкаторжан).

Из уважения к тем, кто во имя народа страдал за свои идеи, необходимо об этом помнить...

* * *

«Извиняюсь»...

Чрезвычайно распространенное слово, таящее в себе противоречие. Вот об этом-то и поговорим...

С одной стороны — в слове «извиняюсь» есть что-то раздражающее: ведь оно может означать только «извиняю себя», то есть, например, «считаю нормальным, что я вас толкнул»... Не случайно, насколько мне известно, это слово нигде не встречается у наших классиков, да и вообще в нашем разговорном языке оно появилось только в 1914—1916 годах вместе с беженцами из Польши.

Последнему обстоятельству можно найти прекрас-

ное подтверждение в литературе: в романе А. Н. Толстого «Сёстры» (гл. XXIII) читаем: «Москва в эту осень была полна беженцами из Польши. На Кузнецком, Петровке, Тверской нельзя было протолкнуться. Магазины, кофейни, театры — полны, и повсюду было слышно новорождённое словечко: «извиняюсь».

Заметьте — н о в о р о ж д ё н н о е!..

Даль не знал совсем слова «извиняюсь», а Ушаков упоминает о нем как о просторечии.

И по сей день каждый уважающий себя человек никогда не скажет «извиняюсь», а заменит это слово выражениями: «извините», «простите», «виноват»...

Всё это так. Но ведь, с другой стороны, есть же в русском языке слово «извиняться»! И существует оно во всех наших словарях уже с начала XVIII века (Поликарпов, 1704 г.; Вейсман, 1734 г.). А раз такой глагол есть в нашем национальном словарном фонде, значит он имеет право на существование во всех видах и грамматических формах, то есть и в первом лице настоящего времени!

И если я только что сказал, что «извиняюсь» «нигде не встречается у наших классиков», то следует сделать оговорку: в первом действии пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» Войницкий говорит Соне: «Я молчу. Молчу и извиняюсь». Значит в разговорном языке персонажа Чехов допускал это слово как языковую характеристику.

И всё-таки «извиняюсь» нетерпимо для уха человека, любящего и знающего свой родной язык: в этом слове, вернее, в этой его форме, слишком явно желание не «просить извинения», а самому «извинить себя».

Наряду с грамматикой существует еще и «чувство языка». И вот именно это чувство языка и требует, чтобы «извиняюсь» как форма извинения — исчезло: ведь обходились же мы без этого слова до начала XX века!

„ПОШИВ И РЕМОНТ“

Как-то я зашел в швейное ателье, чтобы заказать себе рубашку. В назначенный срок я получил свой заказ, сделанный очень хорошо, но мое внимание невольно привлек приколотый к готовой рубашке сопроводительный листок. Там было напечатано:

«Фабрика пошива и ремонта одежды и белья №...
Ателье №...

Наименование ткани...

Стоимость пошива...

Закройщик...

Зав. ателье...

Заказ отшил (подпись)...

Многое здесь вызывало размышления...

Первое.

Почему «фабрика»? Для шитья рубашек, право, более подошла бы «белошвейная мастерская». Кстати, из нашего обихода почему-то почти совершенно исчезло старое русское народное слово «белошвейка»? Оно так же правомерно и не включает в себе абсолютно ничего обидного, как и слово «белодеревец» или «белокаменщик»: если «белодеревец» обозначает специальность столяра, а «белокаменщик» — специальность каменщика, то «белошвейка» — специальность швеи.

Ан нет! Бывшая «белошвейка» носит теперь наименование «мастер пошива белья»...

Так, по крайней мере, мне обиженно разъяснила заведующая ателье, на которую мое «неосторожное» слово «белошвейка» произвело почти такое же впечат-

ление, как если бы я произнес слово «белогвардейка»...

Я спросил, не следует ли, по ее мнению, называть дворника — «мастером уборки двора», а рыбака — «мастером улова рыбы», но чувство юмора было заведующей чуждо, и она молча выписала мне квитанцию. Разговор наш на этом закончился...

Второе.

Почему «фабрика ремонта белья»? Почему белье надо обязательно «ремонтировать», а не просто чинить, как эта трудовая операция называлась на Руси в течение столетий? Ведь если идти дальше по этому пути, то, пожалуй, всякую перешивку пуговиц начнут официально именовать «редислокацией»? И почему вообще «починка» почти совсем вытеснена «ремонтом»?

Одежду, обувь, белье всегда «чинили», а не «ремонтировали». Слово «ремонт» применялось главным образом к крупным строительным сооружениям: «ремонт моста», «ремонт плотины», «ремонт дома». Уже о крыше говорили — «починка»...

Сейчас наряду с «ремонтом» получило большое распространение и слово «реставрация» («восстановление» — по-латыни).

«Ремонт» белья или «реставрация» белья? Хрен редьки не слаще!

Оставим «ремонт» строителям, а «реставрацию» — работникам по восстановлению старинных картин и вернем белью испытанное слово «починка»...

Третье.

Почему «пошив»? Опять-таки есть точное русское народное слово «шитье», которое совершенно не нуждается в замене. Вспомним старинную пословицу: «Не шитьем, так мытьем, не мытьем, так катаньем» (см. словарь Даля). Вспомним строки Н. А. Некрасова из стихотворения «Убогая и нарядная»:

«Не очень много шили там,
И не в шитье была там сила...»

А теперь попробуем в приведенных примерах заменить слово «шитье» словом «пошив», и мы убедимся, насколько последнее — надуманное, искусственное, рожденное не в недрах русской народной речи, а в бюрократических дебрях канцелярии! Именно оттуда пришел этот словесный сорняк и, «освоенный» периодически

ской печатью и радио, стал буйно — как и все сорняки — произрастать на ниве русского языка.

«Пошив» проник даже в художественную литературу. Возьмите роман Лиона Фейхтвангера «Мудрость чудака», и по воле переводчика вы прочтете: «Теперь все эти платья ей тесны, но так как они пошиты с запасом...» и т. д.

От «пошива» уже отпочковался глагол-урод «пошивать». В одном чрезвычайно распространенном журнале читаю в очерке: «Фабрика продолжает пошивать», — и узнаю, что «фабрика № 14 тоже пошивает платье». Уж не «зашил» ли автор очерка?

Не пора ли понять, что «пошить» — это означает по-русски «шить немного и прекратить», «шить иногда, временами, не торопясь».

«Пошивать» — такое же временное занятие, как раскладывание пасьянса. Даже не занятие, а времяпрепровождение. А шить — это работа, профессия...

Иной спросит: «Значит, в русском языке вообще отсутствует слово «пошить»?

Нет, оно существует, вернее, сосуществует, отнюдь не стесняя, а тем более не вытесняя слова «шить», существует притом только как просторечие. Именно как с образцом просторечия мы встретимся с ним, например, у Н. В. Гоголя в повести «Вий»: «За ужином болтовня овладевала самыми неговорливыми языками. Тут обыкновенно говорилось обо всем: и о том, кто пошил себе новые шаровары, и что находится внутри земли, и кто видел волка...»

Пора перестать путать глаголы «шить» и «пошить»...

И, наконец, четвертое.

«Заказ отшил»... Кто кого отшил? Ведь до сих пор слово «отшить» употреблялось почти исключительно в переносном смысле и означало «резко ответить», «осадить», «отвадить», «оборвать». Однако автор приведенного текста в своем бюрократическо-канцелярском рвении не только не написал «заказ выполнил» или «сшил» (что было бы самым естественным), но даже не воспользовался пресловутым глаголом «пошил», считая его, должно быть, чересчур «пресным»: был найден нелепый термин «отшил», который и получил в этом ателье (в этом ли одном?) право на существование...

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЫХ СЛОВАХ-ОШИБКАХ

О некоторых словах-ошибках хочется поговорить особо, так сказать, «с пристрастием»...

На то есть две причины: явная, легко доказуемая ошибочность этих слов и, несмотря на это, их широкое распространение в неверном значении, чему способствуют не только разговорная речь, но порою печать и радио... Вот это и заставляет выделить их в особый раздел.

Природа их не одинакова: одно — ошибочно пересмысленное из-за случайного звукового сходства древнерусское слово, другое — слово иностранного происхождения, ошибочно видоизмененное, третье — просто плод недомыслия, упрямства и нелепой «обидчивости»...

Эти слова: «довлеть», «одинарный» и «крайний» (при вопросе «кто крайний?»).

* * *

Что такое «довлеть»?

Это древнерусское слово, ныне забытое живой речью, но бывшее в употреблении до конца прошлого века, происходит от того же корня, что и «довольно», и первоначально означало «быть достаточным», «хватать» (чего-нибудь, а не кого-нибудь!).

Вспоминается древнее изречение: «Довлеет дневи злоба его», что в переводе на современный язык означает: «Хватает дню его забот». (Уместно отметить, что старинное — в смысле «забота» — ныне забытое слово «злоба» — до сих пор сохранилось в словах «злободневный», «злободневность» и в выражении «на злобу дня».)

В настоящее время «довлеть», повторяем, в его первоначальном значении забыто, но еще сто лет тому назад оно было бытовым, всем понятным словом, которое употреблялось и в частной переписке.

Так в 1848 году А. И. Герцен в письме своему другу Н. П. Огареву писал: «Сколько ни имей сил, их не довлеет».

До сих пор существует — правда, отмирая, — старинное слово «самодовлеющий», которое означает «самостоятельный», «независимый», «обходящийся своими силами»...

Кроме этого основного значения «довлеть» имело еще смысл «удовлетворять», «соответствовать», «подобать».

Это ясно видно из одной реплики в драме «Смерть Иоанна Грозного» А. К. Толстого:

«...И почести, которые его
Пресветлому довлеют маэстату...»

Итак, указанное значение было у слова «довлеть» в течение ряда веков. Достаточно заглянуть во все словари, включая словарь Даля и академический словарь 1867 года, чтобы в этом убедиться...

И вдруг — лет тридцать тому назад — в силу чьей-то ошибки, основанной на внешнем звуковом сходстве, «довлеть» приобрело в нашей речи смысл «давить», «подавлять» и в этом новом своем качестве быстро вошло не только в разговорную речь, но и в язык периодической печати, радиопередач и даже художественной литературы.

Любопытно отметить, что все современные словари четко указывают на эту ошибку. (Разрядка в дальнейшем моя. — Б. Т.)

Так, в словаре Ушакова (1935 г.) сказано:

«С недавних пор стало встречаться неправильное употребление этого слова в смысле «тяготеть над кем-нибудь», — и далее указывается: «по ошибочной связи, по созвучию со словом «давление».

«Словарь современного литературного языка» Академии наук СССР (1954 г.) тоже пишет про «новое употребление под влиянием ошибочного отождествления со словами «давить», «давление», слова «довлеть».

Я рад, что в этом вопросе могу сослаться на автори-

тетное мнение замечательного знатока русской речи писателя Федора Гладкова, который в письме от 20 мая 1958 года писал мне из Москвы по поводу слова «довлеть»:

«Слово это — рудимент, пошло оно гулять по скандальному невежеству нашей интеллигенции. Смешали два слова «давление» и «довление», и получилось «довлеет над».

Об этом же писал он неоднократно и в периодической печати.

Однако радио, газеты и книги, несмотря на указания словарей и авторитетнейших писателей, продолжают насаждать неверное и заведомо ошибочное значение слова «довлеть» в смысле «давить», «подавлять», что, конечно, способствует внедрению этой ошибки в разговорную речь.

И не только в разговорную. Примеров ошибочного употребления слова «довлеть» в современной литературе можно найти множество. Трудно, напротив, отыскать пример правильного употребления этого слова. С большим трудом мне удалось обнаружить такой пример в стихотворении современника, старейшего поэта Николая Асеева «Терцина другу»:

«Стиху довлеет царское убранство...»

Итак, «довлеть над чем-нибудь» — это явная и доказанная ошибка...

Не будем же ее повторять и умножать!

* * *

«Одинарный»...

Этот сорняк на ниве русского языка появился недавно, но пытается укорениться.

Более того. Это слово находит даже своих защитников, как «происходящее от один». Во всяком случае мне это пытался доказать видный писатель...

Давайте разберемся в природе этого слова, ошибочного и враждебного духу и смыслу русского языка.

«Одинарный» — это искажение слова «ординарный», пришедшего к нам от французского «ordinaire» (орднэр), что означает «обычный», «рядовой», «порядковый», «заурядный». Французское «ordinaire», в свою

очередь, происходит от латинских — «ordo» (ордо) — «порядок», «ordinarius» (ординариус) — «порядковый», «обычный».

В эпоху Петра I слова, связанные с корнем «ордо», проникли в русский официальный язык. Так постепенно появились у нас слово «ординар» и производные от него, например: «Вода поднялась выше ординара», то есть выше обычного (среднего, нормального) уровня; «субординация» (воинское подчинение низших чинов высшим), «ординарный профессор», то есть занимающий штатную должность, «экстраординарный» (сверхштатный, внеобычный).

Возникли также слова «ординарец» — военнослужащий, состоящий при командире для выполнения поручений и передачи приказов, «ординатор» — врач лечебного учреждения, ведающий отдельной палатой... О человеке обыкновенном, заурядном, ничем не выдающемся стали тоже говорить «ординарный»...

Со временем «ординарный» в значении «обычный» стало противопоставляться понятию «двойной», означая «не двойной»: «ординарная комната», «ординарные рамы», «материя ординарной ширины»...

Но слово это было не всем понятно. Вот тут-то — при помощи не очень культурных людей — и вступила в свои права известная нам «народная этимология», то есть осмысление непонятого слова. Эта «народная этимология» очень близка по сути к «детской этимологии», о которой так много пишет Корней Чуковский в своей замечательной книге «От двух до пяти» («мазелин» вместо «вазелин», «копатка» вместо «лопатка», «папонки» вместо «запонки» и пр.).

Подобно тому, как непонятное слово «пиджак» (англо-голландского происхождения) превратилось в речи малокультурных людей в «спинжак», то есть в одежду, прикрывающую главным образом спину, как слово «поликлиника», происходящее от греческого «пóли» (много) и «клинíкэ» (врачевание, от «клíне» — постель), то есть «лечебница по многим специальностям», превратилось у тех же малокультурных людей в «полуклинику», то есть стало означать «полубольница», — так и слово «ординарный» превратилось (увы! — не только в речи малокультурных людей, но даже в прессе и в литературе) в «одинарный».

За примерами, к сожалению, ходить недалеко. (Дальнейшая разрядка моя. — Б. Т.)

Замечательный исследователь нашего Дальнего Востока писатель-путешественник В. К. Арсеньев в конце прошлого века писал: «Бедные фанзы с о р д и н а р н ы м и рамами». А в наши дни один очеркист, цитируя это место книги в своем газетном очерке, подает указанную цитату в «исправленном» (!) виде: «Бедные фанзы с о д и н а р н ы м и рамами».

Комментарии излишни!

А вот еще удивительный случай. В 1958 году Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам издало «Справочник по строительному черчению» Б. К. Звягина, где на стр. 10 напечатано: «Переплет оконный о р д и н а р н ы й глухой», а на стр. 62: «рис. 39, сечения элементов: а) — для о д и н а р н ы х переплетов...». Получается полный разнобой!

Некоторые защитники слова «ординарный» рассуждают так. «Ординарный» — иностранного происхождения, а так как в русском языке не существует слова, соответствующего понятию «не двойной», то приходится пользоваться словом «ординарный».

Вздорное утверждение! Существует русское слово «одионочный». Почему нельзя, например, назвать комнату для одного — или, как принято говорить, номер — «одионочным номером»?

Правда, некий присяжный спорщик сказал, что «одионочный номер» может вызвать нежелательные ассоциации с понятием «одионочная камера», однако я ему возразил, что он с таким же основанием должен отвергать слово «возвратный», например, в понятии «возвратная ссуда», потому что в природе существует «возвратный тиф»...

Нет! Говорить «ординарный» вместо «ординоарный» и «одионочный» так же нелепо, как говорить «дварный» и «триарный» вместо «двойной» и «тройной».

Перестанем калечить русский язык!

И будем помнить давние мудрые слова нашего славного Ломоносова:

«Не вове себя порабодай однако ж употреблению, если в народе слово испорчено, но старайся оно исправит...»

К этому же ряду слов-ошибок принадлежит и слово «крайний» в вопросительном словосочетании: «кто крайний?», хотя ошибочность здесь совсем другого рода.

«Кто крайний?..»

Эти слова вы можете услышать всюду, где образуется очередь. Я уверен, что этот вопрос, заданный в такой форме, раздражает не меня одного.

И раздражает не потому, что «крайний» — неточный, хотя иногда и довольно близкий синоним слова «последний», — например, в определениях «крайнее средство» и «последнее средство». (В дальнейшем мы увидим, что между словами «крайний» и «последний» может быть и существенное различие...)

Раздражает по той причине, что некоторые — то ли чрезмерно чувствительные, то ли слишком самоуверенные мещане — подводят под свой нелепый вопрос «идейную» базу: «Говорить «последний» — обидно, последних — нет!..»

Итак, поговорим о вопросе: «Кто последний?» — с точки зрения его «обидности»...

Очередь (я имею в виду понятие так называемой «живой очереди») — это ряд людей, стоящих друг за другом, то есть в определенном порядке. Естественно, что в каждой очереди есть «первый», а следовательно, и «последний». Ведь «последний» — это, собственно, «идущий по следу», «последующий», и по самому первичному смыслу этого слова оно более применимо к людям и вообще одушевленным существам. («Последний путник сильно устал», «Цельтесь в последнего волка!..»)

«Крайний» — это «находящийся на краю», и по первичному смыслу самого слова — оно более применимо к неодушевленным предметам. («Крайняя изба в деревне», «Крайний дуб над обрывом», «Крайняя скала»...)

Итак, повторяю, естественно, что в каждой очереди есть один «первый» и один «последний». Это так же точно, как то, что у поезда имеется «первый» вагон и «последний», у трамвая, состоящего из двух вагонов, есть «передний» вагон и «задний», а у сундука есть «верх» и «низ»...

А вот края у очереди два!

И «крайним» является в ней в совершенно равной степени и «первый» и «последний»...

В связи с этим даже вспоминается старинная народная шутка: идут по улице двое приятелей, а навстречу им — две девушки. Один из приятелей говорит другому: «Мне очень нравится одна из них». Второй спрашивает: «Которая?» И первый отвечает: «Та, что с краю...»

Теперь — главное: о нелепости (чтобы не сказать — глупости!) считать слово «последний» обидным.

Всем, которые испытывают такую «обиду», надо посоветовать прочитать рассказ А. П. Чехова «Корреспондент», написанный им в 1882 году.

Враг пошлости и тупости, великий писатель ярко изобразил фигуру богатого купца-самодура Ивана Степановича Трамбонова. Тот приходит в бешенство и выгоняет бедного старичка-корреспондента, принесшего на просмотр купцу приготовленную для печати заметку о местных меценатах, щедрых жертвователях на постройку прогимназии. Выгоняет по следующей причине: после фамилии Трамбонова в списке жертвователей в заметке следовало: «Последний обещал...» Дальше купец не стал читать...

Предоставим слово самому автору:

«Иван Степанович поднялся и побагровел.

— Кто последний? Я?

— Вы-с, только в каком смысле?

— В таком смысле, что ты дурак! Понимаешь? Дурак! На тебе твою корреспонденцию!..»

Далее «Иван Степанович с остервенением скомкал» заметку и из его уст «посыпались роскошные выражения, одно другого непечатнее...»

Трудно поверить, что и сейчас, через восемьдесят лет после появления этого рассказа, могут найтись советские люди, которые, уподобившись купцу Трамбонову, обиженно восклицают: «Кто последний? Я?..»

И снова я обращаюсь ко всем, кто усматривает в слове «последний» какой-то «обидный» смысл...

Неужели Сергей Есенин хотел себя унижить, когда писал:

«Я последний поэт деревни?»

Неужели Александр Фадеев хотел вложить обидный смысл в название своего романа «Последний из удэгов»?

И неужели Фенимор Купер хотел кому-то нанести обиду, когда писал роман «Последний из могикан»?

И вообще — что можно найти «обидного» в выражениях «последнее время», «последние известия», «перейти в последний класс», «последняя надежда», «последние цветы», «хорошо смеется тот, кто смеется последним»?

Ухитриться найти во всех этих выражениях хоть тень «обидного» — это значит проявить крайнюю глупость. (Я нарочно не употребляю «обидного» слова «последнюю»...)

Неужели так трудно понять, что у слова «последний», имеющего множество значений, действительно обидным является только одно: «последний человек» в смысле «пропащий человек», «пропойца»?!

Но ведь и от глагола «трогать» можно произвести слово «тронутый» в смысле «ненормальный», и от слова «граница» производится слово «ограниченный»!

Не будем же обижаться на вопрос: «Кто последний?» Вопрос правильный, и только так его и следует понимать.

Давайте говорить правильно по-русски!

В порядке примечания. Недавно мне сообщили, что одна гражданка при подписании акта, прочитав в тексте: «Я, нижеподписавшаяся...» отказалась поставить свою подпись, «гордо» заявив: «Я не ниже других!...»

**ОБ ОДНОЙ
МАЛЕНЬКОЙ НЕТОЧНОСТИ,
ЗАМЕТНОЙ ТОЛЬКО
ДЛЯ ЧУТКОГО УХА**

До сих пор мы говорили о явных ошибках в нашем разговорном языке.

Но ведь всякий язык, и особенно такой богатый, как русский, имеет множество тончайших смысловых оттенков, особенностей, если хотите, «капризов»...

Вот почему, отнюдь не желая кого-либо поучать и укорять, хочется поговорить об одной маленькой ошибке — или, скажем помягче, неточности, — заметной не всякому, а только чуткому уху...

«Закрой дверь!», «Открой окно!»

Правильно?

Не совсем...

Почему?

Предметы, имеющие крышку, как правило, открываются и закрываются, а предметы, имеющие створки, отворяются и затворяются. Вот почему сундук, шкатулка, коробка — закрываются, а дверь, окно, шкаф — затворяются.

Это отлично чувствует народ в своих пословицах и поговорках («Пришла беда — отворяй ворота!..»), а также в песнях.

Вспомним:

«Эх, Настасья! Эх, Настасья!

Отворяй-ка ворота!..»

Это же чувствовали и наши классики.

Вспомним строки Пушкина в «Евгении Онегине» (гл. V):

«И Таня в ужасе проснулась...

Глядит, уж в комнате светло;

В окне сквозь мерзлое стекло
Зари багряный луч играет;
Дверь отворилась...»

Вспомним у Лермонтова:

«Отворите мне темницу!»

Вспомним у Туманского:

«Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей...»

И еще у Ершова в «Коньке-Горбунке»:

«Братья двери отворили,
Дурака в избу впустили...»

Вспомним у Кольцова:

«Ворота тесовы
Растворились...»

Вспомним начало стихотворения А. К. Толстого:

«Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо...»

Вспомним, наконец, популярный романс Чайковского:

«Растворил я окно...»

Вспомним у Достоевского в «Братьях Карамазовых»: «— Сейчас отворю тебе! — сказал Иван и пошел отворять Алеше...»

И — запись в дневнике Льва Толстого, сделанную 28 октября 1910 года: «...обе двери отворены, так что малейшее мое движение слышно».

...Я предвижу вопрос читателя-оппонента: а почему же пушкинская Татьяна говорит няне:

«Не спится, няня: здесь так душно!
Открой окно да сядь ко мне...»?

Отвечаю:

Татьяна, по свидетельству самого Пушкина (гл. III, строфа XXVI):

«...по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалась с трудом
На языке своем родном...»

Где уж ей было знать такие тонкости, как различие между словами «отвори» и «открой» (как мы только что видели, сам Пушкин писал: «дверь отворилась»...)

Но читатель-оппонент — человек дотошный... Он приготовил еще вопросы.

А почему у Лермонтова в «Боярине Орше» сказано:

«Он входит в дом — в покоях ночь,
Закрыты ставни, пол скрипит...»?

И почему у Пушкина в «Евгении Онегине» есть строки:

«Закрыты ставни. Окна мелом
Забелены...»?

Отвечаю: нет правила без исключения и исключения подтверждают правила.

Я прошу моих читателей-критиков не затруднять себя поисками «противоположных» примеров у классиков. Такие примеры, конечно, есть. Да вот — в повести И. С. Тургенева «Три встречи» мы можем прочитать на одной странице два таких отрывка:

«Неужели растворится окно? Неужели в нем покажется женщина? Окно растворилось».

И... «Она закрыла окно, и через несколько мгновений огонь погас в доме».

А потому я прошу всех моих читателей-критиков и оппонентов — не «ломиться в открытую дверь!»

И всё же все мои доводы остаются в силе. Безусловно, можно говорить «закрыть дверь», но «затворить дверь», по моему убеждению, всё же правильнее...

Конечно, понятия «открыть» и «закрыть» — особенно первое — во много раз шире, чем «отворить» и «затворить». Вот почему можно «открывать собрание», «открыть остров», «открыть новый элемент», «закрыть проезд», «открыть подписку», «закрыть прием», «открыть предприятие», «закрыть прения» и т. д., не нарушая вышеизложенной особенности русской речи.

«Открыть» и «закрыть», как мы видим, кроме понятия, связанного с «крышкой», имеет множество отвлеченных значений. Ведь когда мы, например, говорим «день открытых дверей», мы имеем в виду не фактически отворенные двери, а широкий доступ всех

желающих ознакомиться с работой высшего учебного заведения.

Если я — всем вышесказанным — всё-таки не сумел убедить иного читателя в своей правоте, то я еще раз прошу обратить его внимание на название этого раздела: речь идет о маленькой неточности, и заметна она к тому же только чуткому уху, которым, как известно, обладает не всякий...

В порядке примечания. Никогда не следует путать слова «затворить» и «запереть», что случается со многими. «Запереть» можно только при помощи какого-либо запора: ключа, крючка, задвижки, щеколды и т. д.

Уходя надолго из дома, дверь не только затворяют, но и запирают. Конечно, всё сказанное относится и к слову «отпирать».

Поэтому следует признать, что черт, явившийся к Ивану Карамазову, отлично понимал тонкости русского языка, говоря Ивану в ответ на стук Алеши: «Отопри, отопри ему...»

О СЛОВЕ „УЧЁБА“

Немного о слове «учеба», которому хочется отвести в книге особое место: уж очень горячи споры вокруг этого слова!

Прежде всего о «возрасте» слова «учеба»: старое оно или молодое?

Ответ: и старое, и молодое. Точнее: в русском языке существует давно, но в широкое употребление вошло недавно.

Слова «учеба», «учба» упоминаются еще у Даля, но как областные. Во всяком случае слово «учеба» было распространено очень мало.

И только около сорока лет тому назад — в первые послереволюционные годы — оно стало широко распространяться и ныне прочно вошло в быт, имея ревностных защитников и яростных противников.

Кто же из них прав? Попробуем разобраться...

Слова «учение», «поучение» существуют в русском языке тысячу лет. (Вспомним «Поучение Владимира Мономаха детям», написанное в 1117 году.)

Слово «учеба», повторяем, вошло в нашу бытовую речь всего тридцать пять — сорок лет тому назад. А если так, то возникает вопрос: а есть ли в нем насущная необходимость? Ведь обходились же без слова «учеба» раньше?

Вспомним так называемые «прописные истины», знакомые нам всем со школьной скамьи: «Ученье — свет, а неученье — тьма, «Повторенье — мать ученья», «Корень ученья горек, но плоды его сладки», «Ученье — лучшее богатство» и т. д.

Можно ли сказать: «Учеба — свет, а неучеба — тьма» или: «Повторенье — мать учобы»?

Нет, нельзя! В первом случае — слова «неучеба» вообще не существует, а во втором — пропадает внутренний ритм. И вообще со словом «учеба» нет у нашего народа ни одной пословицы, ни одной поговорки...

Может быть, в слове «учеба» есть какой-то особый смысловой оттенок, отличный от слова «учение»?

Пожалуй, есть. «Учеба» — это заучивание.

Вспомним слова В. И. Ленина на III Всероссийском съезде комсомола 2 октября 1920 года: «...Старая школа была школой учобы, школой муштры, школой зубрежки...»¹

А что В. И. Ленин делал разницу между словами «учеба» и «учение», мы видим из его письма к М. Н. Покровскому от 5 мая 1920 года, где он писал о необходимости издать «словарь для пользования (и учения) всех, словарь, так сказать, классического, современного русского языка (от Пушкина до Горького...)».²

И в этом свете становится понятным, почему великий знаток русского языка А. М. Горький утвердил в 1930 году название «Литературная учеба» для редактировавшегося им в Ленинграде журнала, в первом номере которого он писал: «Наша задача — учить начинающих писателей литературной грамоте, ремеслу писателя, работе словом и над словом».

Следует заметить, что словосочетание «Литературная учеба» уже при его появлении в виде названия журнала многим казалось не совсем удачным. (Вспоминаю, как значительно позднее один литератор находил это сочетание слов подобным сочетанию «гипертоническая хвороба».)

Вообще в слово «учеба» есть что-то грубоватое, похожее на «трущобу», «чашобу» и уже упомянутую нами «хворобу»... (Я предвижу, что кто-нибудь укажет мне на слово «азноба»; напоминаю, что первоисточник этого слова — глагол «знобить», то есть «лихорадить».)

Попробуем сравнить «учебу» с другими сходными по звучанию отглагольными существительными: может

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 261.

² В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 381.

быть, отсюда удастся извлечь какое-нибудь общее правило?

Вспоминаем: «лечить» — «лечение», «вручить» — «вручение», «мельчить» — «мельчение», «перчить» — «перчение» и т. д. Ни «лечеба», ни «вручеба», ни «мельчеба», ни «перчеба» — не получают.

Итак — слово «учеба» имеет право на существование только в ограниченном смысле (заучивание), никак не заменяя и не вытесняя, а только дополняя слово «учение». А потому его повсеместное и монопольное распространение следует считать неоправданным.

В порядке примечания. В газете «Правда» от 28 ноября 1962 года в письме учащимся Вербской школы-интерната Н. С. Хрущев желает им: «...успехов в учении».

Я рад был увидеть слова «в учении»...

О НАЗВАНИЯХ СТЕПЕНЕЙ РОДСТВА

Мы уже знаем, что из нашего словесного обихода иногда выпадают и постепенно забываются отдельные слова.

Однако порой такая участь постигает не только отдельные слова, но и целые пласты слов. В наши дни, например, таким пластом стали названия степеней родства.

К этому явлению можно относиться по-разному: со спокойным равнодушием, считая его естественным и закономерным следствием распада патриархального быта, и с сожалением, как к обеднению языка и отмиранию исконно русских народных слов. Как бы к этому ни относиться, сам факт неуклонного исчезновения из нашего быта и словесного обихода названий степеней родства не изменится...

В самом деле. Часто ли наш современник, особенно молодой, употребляет в разговорной речи такие слова, как «шурин», «деверь», «свояченица», «золовка», «сноха»? А ведь это русские народные слова тысячелетней давности...

Как же это получилось? Почему в течение столетий наш народ нуждался в этих словах, а теперь вдруг перестал чувствовать в них необходимость?

В этом вопросе надо разобраться...

Прежде всего я хочу быть правильно понятым. Я далек от мысли бороться за воскрешение всех слов, определяющих степени родства: ведь тогда нам пришлось бы возрождать слова «стрый» (дядя — брат отца) и «вуй» (дядя — брат матери), хотя эти древнейшие русские слова обветшали и постепенно забылись уже в Московской Руси.

Почему?

Вероятно, они перестали быть нужными народу: не для чего стало различать дядю — брата отца и дядю — брата матери. Прежде такое различие существовало не только в древней Руси. Как мне сообщил один китаевед, подобное различие в наименованиях «дядей» (с отцовской стороны и с материнской) издавна существует в Китае, где брат отца — после отца самый уважаемый человек в семье — в случае смерти главы семьи, то есть своего брата, должен, по обычаю, содержать семью покойного. Дядя — брат матери — таких обязанностей не имеет, и отношение к нему другое...

Думается, что китайский переводчик «Евгения Онегина» будет поставлен в затруднительное положение уже первой строчкой: какой «мой дядя» «занемоги» у Евгения Онегина и как к нему следует относиться читателю?

Конечно, в вопросе о наименованиях степеней родства надо знать предел: излишне требовать восстановления старинного слова «ятровь», что означало «жена брата мужа», хотя следует признать, что в данном случае наши предки обходились одним словом там, где нам надо тратить три.

Следует отметить, что на Западной Украине до сих пор говорят в народе «стрыйко» и «вуйко», а их жен соответственно называют «стрыйна» и «вуйна». Не исчезла там и «ятровка»...

Однако вернемся к поставленному вопросу: почему наш язык стал менее нуждаться в словах для определения степеней родства, — в словах, которыми пользовался в течение долгих веков?

В самом деле, почему?

Когда-то, в дореволюционные времена, в так называемом «высшем обществе» эти слова считались слишком простыми, «мужицкими»: их заменяли французскими наименованиями: «бо-фрэр», «бель-сёр», «бо-пэр», «бэль-мэр», «кузен», «гранд-папá», «гранд-онкль» и т. д. Для «аристократического» уха эти степени родства были на русском языке слишком «грубы», «простонародны»: «сноха» и «золовка» звучали для него примерно так же, как «онучи» или «портянки».

Постепенно предубеждение против «простонародного» (а на деле чисто русского) языка проникло и в слои интеллигенции, где хотя и не «французили», но

стали «переводить» эти слова на русский язык описательными синонимами: «брат мужа», «сестра жены», «отец мужа», «брат жены» и т. д. Произошло явное обеднение русской речи, которому всячески помогал официальный язык канцелярий...

Насколько глубоко это вошло в наш современный язык, видно из того, что даже писатели, которые, естественно, должны быть хранителями русского языка, стали избегать упоминания этих старинных русских слов или употреблять их неверно. Последнее относится даже к весьма видным писателям. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на два примера.

В. И. Лебедев-Кумач в стихотворении «Родственничек», где речь ведется от лица мужчины, пишет:

«Мой шурин — лауреат, мой деверь — депутат...»

А между тем «деверь» — это брат мужа! То есть получается полная бессмыслица... Любопытно отметить, что этот «деверь», пройдя через руки многих редакторов (которые не знают и, что самое грустное, не хотят знать, что такое «деверь»), спокойно переходит из одного издания в другое. Где уж после этого молодежи учиться правильно говорить!..

Еще пример.

Даже такой знаток русского народного языка, как Демьян Бедный, допустил подобную ошибку. В стихотворении «Святая исповедь» он говорит о «бабушке Нениле», которая обращается

«То к свату Федору, то к шурину Вавиле...»

Однако «шурин» — это брат жены!.. Опять бессмыслица! При всем моем уважении к упомянутым поэтам, приходится признать здесь их ошибки и снова вспомнить старинные мудрые слова: «Платон мне друг, но истина дороже...»

В заключение необходимо отметить, что постепенно исчезают даже такие необходимые русские слова, как «отчим», «мачеха», «пасынок» и «падчерица»: всё чаще и чаще говорят «неродной отец», «неродная мать», «неродной сын» и «неродная дочь».

Это неправильно! Ведь все эти исчезающие слова постоянно встречаются в наших старинных сказках, песнях и пословицах. Мы должны беречь замечательное наследие нашего народа...

Итак, мне кажется, в данном случае происходит некоторое обеднение языка.

Иначе смотрит на это молодежь, во всяком случае некоторые ее представители. Один знакомый студент, например, прямо заявил: «Ваши степени родства устарели, как соха и лучина. Они являются пережитком патриархальных отношений в семье и современному человеку совершенно не нужны. Для чего мне самому запоминать слово «свояченица» и заставлять задумываться своего собеседника, когда можно сказать «сестра жены»? Просто и для всех понятно!..»

Опасная простота! Ведь если логично продолжать ход мыслей этого студента, то можно прийти к целому ряду других вопросов и «выводов». Например: для чего же запоминать слова «мизинец», «гривенник», «селезень», «щенок», когда можно сказать «пятый палец», «десять копеек», «самец утки», «детеныш собаки»? Тоже просто и для всех понятно!..

Конечно, многие из забываемых слов потеряли свое первоначальное значение, но ведь мы не «Иваны, не помнящие родства», и почему, бережно охраняя архитектурные памятники старины, мы должны с пренебрежением относиться к нашим словесным памятникам?

Конечно, своим «перочинным» ножом я не «чиню перьев», но я не хочу другого слова и не желаю называть свой перочинный нож никаким другим словом, например «карманным»... Или взять слово «пятиалтынный»: я не вижу никакого затруднения в том, что с детства знаю это слово, хотя легко могу сказать «пятнадцать копеек» и трехкопеечную монету уже не назову «алтыном». Но мне радостно хранить в памяти — среди множества других русских пословиц — «Не было ни гроша, да вдруг алтын», — и я не хочу заменять ее «общепонятным»: «Не было ни полкопейки, да вдруг три копейки...»

И всё же я должен закончить этот раздел признанием того факта, что именно последние слова — названия денежных единиц — являются, пожалуй, наиболее распространенным «пластом» вымирающих слов (после названий степеней родства).

Что для современного двадцатилетнего читателя слова «полушка», «грош», «алтын», «гривенник», «пятиалтынный», «двугривенный», «полтинник»? Вероятно, то же, что для меня «четвертак» (серебряная монета в двадцать пять копеек, которая была редкостью уже в моем детстве) или совсем мне неведомые «империал» (по Далю: «русская золотая монета в десять рублей серебром с копейками, смотря по курсу»), «полуимпериал» или «семитка» (опять же по Далю: «монета в две копейки серебром»...)

Времена меняются...

О СЛОВАХ ОБЛАСТНЫХ И ПО ИХ ПОВОДУ...

Иной спросит: «А существуют ли в настоящее время вообще областные слова? Не стал ли сейчас — при всеобщей грамотности, широком распространении периодической прессы и радио — наш язык единообразным, без различия местных особенностей говора и областных диалектов?»

Весьма возможно, что со временем так и будет, но пока еще такое различие существует. Приведу несколько примеров.

Та ручка, которой школьники выводят первые буквы, в Ленинграде называется «вставочкой». Насколько мне известно, дальше Ленинграда и области это слово не употребляется...

Детская игра, называемая в Ленинграде «пятнашки», носит в Москве наименование «сálки».

«Резинка» для стирания с бумаги следов карандаша носит в Одессе, да и в Москве, название «ластик». Впрочем, об «одесском» языке мы еще поговорим особо...

«Пахать» в Архангельской области означает «мести», «выметать», а «пахать» в общепринятом смысле («обрабатывать землю») там передается древним словом «орать» (что, в свою очередь, во всех других областях означает «громко кричать»)...

Иногда слова областного диалекта так сильно отличаются от общепринятого русского языка, что воспринимаются нами как иноязычные.

Вот несколько примеров.

«Дянки». Так называются в Новгородской области «варежки». «Осёк» — это «по-новгородски» «забор».

Богат областными словами Урал.

Приведу небольшой список «уральских» слов:

лопатына — одежда	вачеги — перчатки
заплот — забор	запон — передник
лыва — лужа	

Весьма богат донской словарь (лексика донских казаков и «иногородних»).

Приведу некоторые примеры, которые, между прочим, интересны тем, что объясняют происхождение иных «непонятных» фамилий:

бо́лдырь — сын русского и татарки
ба́бич — пеликан
воро́нец — антрацит
гу́ни — тряпки, лохмотья
ланту́х — брезент для покрытия возов
дунду́к — калмык
лева́да — маленькая тенистая роща возле дома
ка́рбыш — хомяк
нало́й — вода сверху льда
са́па — змея
чапы́га — деревянный остов плуга
чи́чер — мелкий дождь с ветром
це́бер — ведро
щербá — уха.

А вот маленький словарь псковских слов:

барка́н — морковь	блѣ́цы — грибы
ка́лица — брюква	аблае́жа — обжора
мости́на — корзина	истя́нка — подвал.

Еще примеры местного говора Калининской области:

галя́ма — множество
гомзу́ля — краюха
дрю́пень — разиня
грэ́здень — проросшая луковица

Иногда целая фраза состоит из настолько непонятных слов, что весь ее смысл не доходит до подавляющего большинства русских.

Вот например: «У тѣе парáто ба́ска кошу́ля»...

Так в некоторых местах нашего Севера говорят, когда хотят сказать: «У тебя очень красивая шуба».

Или: «Однако ланысь с братаном сандалою тянигу-

сом хлыняли по елани». Так в Сибири звучит фраза: «В прошлом году мы с двоюродным братом по пороше ехали рысцей на одной лошади по мелколесью...» («Однако» — непереводимое, но очень распространенное сибирское слово.)

А вот фраза, понятная только наполовину: «Не ўзди гóблю, возьми скипу!» Так в Вологодской области выражают мысль: «Не ешь без хлеба, возьми кусок хлеба!»

И всё же такие слова нельзя считать искажением русского языка: это — особенности местного говора, диалектизмы...

* * *

Итак, условимся: надо всегда различать границы местного говора, диалекта, народной языковой особенности той или иной области, не считая их коверканьем общерусского, национального языка...

Но когда говорят: «Раздень калоши!» вместо «Сними калоши!» или «Где вы идете?» вместо «Куда вы идете?» — это уже не особенности местного говора, а искажение русского языка.

Самое удивительное, что подобная порча происходит не от отсутствия образования и общей культуры, а из особого «языкового упрямства».

Здесь речь идет не об искажителях по незнанию, о которых мы уже упоминали, а о тех воинствующих искажителях, которые продолжают свое коверканье русского языка даже при наличии высшего образования и хорошего знакомства с русской классической и современной литературой, о тех, кто при споре старается «обосновать» свои искажения ссылкой на то, что «у нас так говорят...»

Приведу несколько примеров, записанных мною изустно. Все они взяты из «говора» южных областей Советского Союза, и хотя этот «говор» нередко называется «одесским», он географически распространен значительно шире: и на юге всей Украины, и в Донской области, и на Кубани, и на Кавказе...

Итак — переходим к примерам. В скобках я привожу «перевод» на обыкновенный русский язык.

«Ты старше за меня» (старше меня).

«Это к нам не касается» (это нас не касается).

«В кабинете он сам» (он один).

«Рядом нас» (рядом с нами).
«Они положились спать» (они легли спать).
«Он есть» (он здесь).
«Вы смеетесь с меня» (вы смеетесь надо мной).
«Я скучаю за вами» (я скучаю о вас).
«Я не знаю или он придет» (...придет ли он).
«Чтоб ты скорей вернулся!» (возвращайся скорее!).
«Раздел очки» (снял очки).
«Не тряси диван: ты лопнешь пружины!»
(...ты ломаешь пружины!)
«Сюдой», «тудою», «кудою» (сюда, туда, куда).

Нет! Все эти выражения — не местная особенность говора, не диалект, а самая обыкновенная неряшливость речи, связанная с неуважением к родному языку...

* * *

Один южанин, защищавший форму вопроса «где вы идете?» вместо «куда вы идете?» — утверждал: «Так вежливее. Кроме того, у нас считают, что если спросить «куда?» — дороги не будет. Некоторые на вопрос «куда?» обижаются и отвечают: «Ну, закудакал!..»

Так вот оно что! Тут, оказывается, собран целый букет тонких эмоций: и тонкость воспитания, и деликатность натуры, и мистическая вера в «сглаз» и в приметы...

Какие тонкие, суеверные натуры! Для них нелепый вопрос: «где вы идете?», оказывается, того же происхождения, что и пожелание охотнику: «Ни пуха ни пера!» И до чего же деликатные! Считают вопрос «куда?» невежливым, грубым... Вероятно, эти «обидчивые» сродни тем, кто «обижается» на вопрос: «вы последний?» (о крайней нелепости этой «обидчивости» мы уже писали).

Интересно знать, как они воспринимают арию Ленского: «Куда, куда, куда вы удалились?». Неужели, бормоча: «ну, закудакал!», требуют более «вежливой» формы: «Где, где, где, где, где, где вы удалились?»

О ЖАРГОНЕ И „МОДНЫХ“ СЛОВЕЧКАХ...

До сих пор мы много говорили о коверканье языка. Но следует коснуться и вопроса об особых отклонениях от норм общеупотребительного русского языка и разобраться в причинах этого явления.

Поговорим о языковой традиции, о жаргоне, о так называемых «арготизмах», о профессиональной лексике, затронем вопрос о «модных» словечках

* * *

Когда надо говорить «я пришел» и когда «я приехал»? Странный вопрос! — заметит иной читатель. — Совершенно ясно, что «пришел» — это означает «пешком», «собственными силами», как говорится, «на своих на двоих», а «приехал» — это значит воспользовался чужой тягой: живой (лошадь, верблюд, осёл, собаки), полумеханической (велосипед) или механической (автомобиль, трамвай, троллейбус, поезд), то есть добрался до места назначения «на машине».

Ну, а корабль? Как на нем: «пришел» или «приехал»? Казалось бы, надо говорить тоже «приехал»: корабль (парусник, пароход, теплоход, электроход, атомоход) — это ведь тоже «машина», с тою только разницей, что передвигается она не по суше, а по воде?

Ан нет! Почему?

Но сперва предоставим слово писателю-классику...

И. А. Гончаров в романе «Фрегат Паллада» пишет: «Боже вас сохрани сказать когда-нибудь при моряке, что вы на корабле «приехали»: покраснеет! «Пришли», а не «приехали»...

А, собственно, почему? По какому правилу?

В силу обычая, привычки, языковой традиции...

Вообще в «морском языке» есть много слов, иногда иностранного происхождения (главным образом, английского и голландского), иногда чисто русского, заменяющих обычные, общеупотребительные слова.

Приведем несколько примеров.

Лестница — «трап», пол — «палуба», потолок — «пóд-
воло́к»; стена — «переборка», окно — «иллюминатор»,
порог — «ко́мингс», кухня — «ка́мбуз», повар — «кок»,
кровать — «койка», уборная — «галю́н», прикрепить —
«прина́йтовить», начистить — «надраить», берегись —
«полундра» и т. д.

Но это еще не всё. Морская языковая традиция вводит не только новые, особые слова, но иногда изменяет ударения в общеупотребительных словах (вместо «ко́мпас» — «компа́с», вместо «ра́порт» — «рапо́рт»).

И даже вместо «во флоте» (по аналогии со словосочетанием «в армии») — моряки говорят «на флоте»...

Впрочем, «язык» некоторых других профессий может изменить не только ударение, но и род слова.

Так, железнодорожник, говоря о своей личной жизни, скажет: «Я избрал себе другой жизненный путь», но в служебной обстановке он выразится на своем профессиональном «языке» иначе: «Состав поставлен на запасную путь». Слово «путь» вдруг приобретает женский род!

А как своеобразен язык летчиков... В отличие от таких древних «профессиональных языков», как морской, он возник всего в начале XX века, но уже сильно развился и продолжает развиваться.

Не касаясь слов иностранных, но общепонятных (например, «ас», дословно «туз», по-французски и по-немецки — военный летчик самого высшего класса), остановимся на чисто русских, разговорных словах, получивших у летчиков особое арготическое значение.

«Самоварить» — допускать перегрев радиатора до кипения.

«Побегушка» — деталь магнето, часто отказывающая в работе из-за замасливания.

«Божья коровка» — летчик пассажирской линии.

«Жилец» — посторонний предмет, по недосмотру попавший в цилиндр мотора.

«Козел» — произвольный скачок самолета при посадке.

«Петух» — волна, бьющая при взлете гидросамолета под второй выступ днища.

Некоторые фигуры высшего пилотажа у летчиков носят фамильярные названия, например: «штопор», «бочка», «колокол», «змейка».

* * *

Слово «прокол» у людей, причастных к автомобильному транспорту, — это прежде всего проколотая крышка или камера, а затем уже «прокол» контролером водительских прав в случае нарушения существующих правил движения...

А вот у артистов-гастролеров «прокол» означает внезапно сорвавшийся, то есть отмененный спектакль или концерт!

Можно, наконец, найти множество специальных, профессиональных выражений, которые широко используются в иносказательном смысле; например: «приземлился» — о пьяном, свалившемся на землю, и т. д.

* * *

Какие разновидности зайца знаете вы, дорогой читатель? Русак... Беляк...

И всё?

А вот охотникам известны еще: пестряк, яровик, настовик, летняк, травник, листопадник... Это — не считая общепринятых синонимов (косой, лопоухий, куцый) и местных наименований: скоромча, выторопень, куян, ушкан, кривень, норный, туляй, билей...

Есть еще «тумак» — помесь русака с беляком.

Ну, а какие разновидности рубанка знаете вы?

Рубанок... Фуганок...

Однако кроме них столяру известны еще горбач, галтель, калёвка, медведка, дорожка, шлихтик, шерхебель, шпунтубель, зензубель.

Из этих двух примеров ясно, как много разновидностей, известных только специалистам, имеют те существа и предметы, которые большинству из нас известны только в одном-двух названиях...

Каждая профессия имеет множество нужных ей по работе профессиональных слов и технических терминов, которые не входят ни в литературный язык, ни в разговорную речь по той простой причине, что они непонятны подавляющему большинству населения.

Уже в 1843 году, то есть более ста лет тому назад, этих «техницизмов» накопилось так много, что появился специальный словарь Бурнашева, носивший название: «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного». Этот словарь насчитывает 25 000 слов. Нет никакого сомнения, что современный подобный терминологический словарь был бы во много раз больше!..

Итак, техницизмы созданы самой жизнью: они необходимы для работы, для профессионального труда.

Но ведь существуют и особые слова, свойственные людям, связанным общностью одного занятия — именно не труда, а занятия, соединенного с отдыхом, — спортсменам, туристам, охотникам, рыболовам...

Здесь будет уместно вспомнить определение Марка Твена: «Работа заключается в том, что мы обязаны делать, а игра заключается в том, что мы не обязаны делать. Вот почему — изготовление бумажных цветов есть работа, а восхождение на Монблан — удовольствие...»

Сделать труд удовольствием сможет только коммунистическое общество...

Однако мы отклонились от основной темы нашего разговора...

Итак, следует признать, что и техницизмы, и «язык» людей, объединенных общим трудом (и «язык» людей, объединенных одним занятием, доставляющим отдых и удовольствие), — всё это явления языковой традиции: их следует считать особенностью речи отдельных групп населения, а никак не порчей общенародного языка.

Но что же в таком случае «жаргон»? Ведь это тоже особенность языка, свойственная отдельным группам населения?

Если диалект — в лингвистике понятие терри-

ториальное, а техницизм — понятие профессиональное, то жаргон — понятие социальное.

И прежде всего он бытует в деклассированных слоях классового общества: в мире воров, нищих, бродяг...

И хотя провести четкую границу между диалектом и жаргоном не всегда бывает легко, всё же «парижское арго», например, есть в основном язык «апашей» и прочих представителей парижского «дна», а не парижан вообще.

«Жаргон» (или «арго») — слово французское. Арго (argot) имеет два значения: в ботанике — это засохшая ветвь, а в быту — воровской язык, отвлечение от общенародного языка...

Итак, арго — это специальная лексика замкнутых групп населения, условный язык (в первую очередь уголовных элементов), имеющий целью изолировать говорящих на нем от основного общества, засекретить, сделать непонятным свой язык, скрыть свои темные дела от общества, закона и правосудия.

Однако жаргон всегда существовал не только у преступных элементов, но и у некоторых других социальных групп, например — у мелких торговцев. (Как видно, разница между обманом и торговлей считалась иной раз не такой уж большой, что явствует хотя бы из того, что античный бог Гермес (Меркурий) был одновременно покровителем и купцов и плутов. Да и русская народная мудрость «Не обманешь — не продашь!» — подтверждает это.)

Причина подобного явления — та же: сделать свой язык непонятным для непосвященных...

О «блатной музыке» — жаргоне уголовников — писалось уже много. Гораздо менее известен так называемый «офенский», или «мазовецкий» (от слова «маз» — приятель), язык, которым в дореволюционные времена пользовались бродячие торговцы (офени, коробейники, щепетильники), приказчики, базарные торговцы и вообще мелкий торговый люд.

Этот язык очень любопытен с филологической стороны, так как в нем — наряду с выдуманными словами — встречаются слова древнегреческие, выдающие историческую связь этого «языка» с Византией, главной страной, торговавшей с древней Русью.

Вот для примера счет (от одного до десяти) по-

офенски: еко́й, ко́кур, ку́мар, дще́ра, пе́нда, шо́нда, се́зюм, вбо́ндара, де́вера, де́кан. Здесь числа «5» (пе́нда) и «10» (де́кан) — явно греческого происхождения («пе́нта» и «де́ка»).

Вот еще слова и короткие фразы офенского, или мазовецкого, языка: «ма́сья» (мать), «а́стона» (жена), «ю́сы» (деньги), «ко́сать» (бить), «во́ксари» (дрова), «ропа́ кима́ть» (пора спать), «рыхло́ полумёр-ко́ть» (скоро полночь) и т. д.

В настоящее время мазовецкий язык, естественно, вымер, и людей, имеющих о нем понятие, осталось, вероятно, очень немного.

Вот образцы мазовецкой речи, которые мне сообщил инженер (ныне пенсионер) А. А. Лебедев, проживающий в селе Калачево, Сонковского района, Калининской области:

1. «Обтыривай, маз! Дуле́ц-то яма́нный!» (Обвешивай, приятель! Мужик-то простоват!)

2. «В курёху бряем, галямо терма́ем: алено́! алено́!» (В деревню въезжаем, громко кричим: масло! масло!)

3. В театре во время представления: «Зеть-ка, маз, стибу́ху-то дули зо́нят...» (Смотри-ка, приятель, старуху-то мужики несут.)

Итак, повторяем, основная цель подобного жаргона: сделать свой язык непонятным для непосвященных. (На это — как видно из первого примера — у говорящего имелись все основания!)

Следует заметить, что иногда в языке воров и нищих попадались слова «незашифрованные» и настолько меткие и образные, что они полноправно вошли не только в нашу разговорную речь, но и в литературный язык.

Как на пример такого явления можно указать на слово «двурушник»...

Означая первоначально нищего, который занимается своим «ремеслом», с точки зрения своих товарищей, «нечестно», то есть, стоя на паперти, в тесном ряду других просящих нищих, протягивает за подаванием не одну руку, а сразу две, — это слово, очень яркое и выразительное, вскоре вошло в нашу речь и в литературный язык как созданное по аналогии со словом «двуличный». И когда мы в газете прочтем в публицистической статье выражение «политический двурушник», — это выражение будет воспринято как вполне понятное...

Но иногда жаргон применялся в разговорной речи без всякого намерения сделать свою речь непонятной, а просто так, — из озорства, из подражания, следуя своеобразной «моде». Здесь жаргон — с а м о ц е л ь...

Такой жаргон бытовал и бытует главным образом среди молодежи, особенно артистической. Это язык так называемой «богеми» и тех, кто подражает ее представителям.

Летом 1960 года мне довелось побывать в Берлине. И вот, когда я был в Берлинском цирке, я с удивлением заметил, что плохо понимаю двух клоунов, хотя вообще немецкий язык я знаю достаточно хорошо. В чем же дело? Оказывается, как мне объяснили, клоуны говорили на своеобразном «берлинском арго», представляющем смесь языка улицы, «богеми» и берлинских «стиляг».

К сожалению, это явление достаточно распространено и среди части нашей молодежи. Каковы причины его?

Их несколько. Своеобразная «мода», подражание, языковой нигилизм, переходящий в словесное озорство или даже хулиганство, речевое «стиляжничество»...

Порой ко всему этому примешивается своеобразный протест против словесных штампов, бюрократического языка канцелярий, однообразия тусклой, обыденной речи, просто — желание сказать острое словцо, пооригинальничать, отличиться, что так свойственно молодежи во все времена. Об этой «языковой игре» мы еще поговорим особо...

Но из большого количества отдельных «словечек» и «модных» выражений вырастает и складывается тот жаргон, который не может не вызывать возмущения у каждого любящего наше драгоценное достояние — великий русский язык.

Примеров, увы, достаточно...

«Ну, как?» — «Вырубил четыре шара». — «Железно! А я рухнул. И шпора не помогла...» — «Вот ла́жа!» — «Ну, похиляем... Надо еще успеть покимарить: вечером на хате у одного чувака будет большой кир...»

Когда я передал этот странный разговор одному

моему молодому знакомому, тот сразу определил, что в данном случае говорили студенты, из которых один сдал экзамен на четверку, а другой провалился, несмотря на шпаргалку, что вызвало у собеседника реакцию сочувствия. Затем неудачник предложил прогуляться и сообщил о желании выпасться до того, как идти к приятелю на вечеринку (точнее — пьянку).

У студентов музыкальных учебных заведений и вообще у молодых музыкантов есть сверх «общемолодежного» свой собственный жаргон. Так, сами они — «лабухи», деньги у них — «ба́шли» (отсюда «побашлять» — заработать), скандалить — «кашпырять», а «играть на похоронах» передается выражением «лаба́ть жмурику» («жмурик» — покойник: он «зажмурился»).

Вообще лексика некоторой части нашей молодежи весьма «своеобразна». Можно вспомнить анекдотический разговор молодых особ в Москве во время пребывания там Дрезденской картинной галереи:

«На Дрезденке была?» — «Ага!» — «Сикстинку видела?» — «Ага... Не звучит!»

Однажды я услышал, как две студентки неодобрительно говорили о третьей, называя ее «рахиткой». Вероятно, это были медички. Впрочем, другое слово, взятое тоже из медицины, широко вошло в разговорный язык не только молодежи. Это слово «псих», которое стало заменять понятия «нервный», «странный», «оригинальный», «чудаковатый». Появился даже глагол «психовать», что означает «нервничать». (Последнее слово очень «модное», притом большой смысловой емкости...)

* * *

В «молодежном» языке всё время появляются новые выражения, которые никак нельзя признать украшениями нашей разговорной речи.

Так, например, с недавних пор появилось выражение «тянуть резину», означающее «долго говорить», от которого «отпочковалось»: «без резины!», то есть — короче.

Недавно я услышал, как девушка, показывая на шляпку подруги, сказала: «Тебе личи́т», что, как можно было понять, означало: «Тебе к лицу!..»

Будем надеяться, что это странное выражение не найдет «продолжателей» среди нашей молодежи.

Итак — приходится признать, что разные уродливые, засоряющие наш язык слова и выражения существуют. Печально, что они особенно «привились» в студенческой среде, где выковываются новые кадры нашей интеллигенции. Кроме того, эти «словечки» постепенно распространяются и в широких кругах нашей рабочей молодежи.

«Прошвырнуться» и «прохилать» вместо «прогуляться», «шамать» и «рубать» вместо «есть», «отхватить» и «оторвать» вместо «купить» и «приобрести», «кóреш» и «чувак» вместо «приятель», «махнуться» вместо «обменяться», «добрал» и «припух» (в дополнение к «кимарить») вместо «поспал», «выдать» вместо «рассказать», «забросить кости» вместо «зайти», «свистеть» вместо «лгать» — вот далеко не полный перечень тех «модных» вульгаризмов, которые отравляют разговорную речь нашей молодежи...

Особенно пышно «расцвели» выражения, являющиеся по смыслу синонимами слов «отлично», «прекрасно», «очень хорошо»... Чего тут только нет! И уже упомянутое «железно», и «законно», «потрясно», «клёво», «колоссально», «мировó», — с вариантами «мировецки» и «мировенько», — «сильнó», «классно» — здесь так и мелькают.

Любопытно отметить, что один старшеклассник, прочитав в какой-то книге о классной даме, был уверен, что речь идет об особенно интересной и эффектной особе, одним словом, о «классной» даме!

Русский язык очень богат. Огромное количество слов имеет синонимы, выражающие иногда тончайшие оттенки речи. Вместо «отлично» можно сказать не только «прекрасно», но и «чудесно», «восхитительно», «великолепно», «дивно», «замечательно», «отменно», «бесподобно», «обворожительно», «блистательно», «волшебнó» и т. д. Но всего этого богатства слов для известного слоя нашей молодежи, видимо, недостаточно. Их почему-то привлекают грубые, дикие и нелепые неологизмы, идущие порой из весьма сомнительных источников...

Нас всех, конечно, беспокоит распространение среди молодежи всяких «модных словечек», но что должно вызвать настоящую тревогу, так это проникновение

вульгаризмов в бытовую речь наших детей-школьников!..

К ним в первую очередь относятся «ата́с» и «плебей»...

Слово «ата́с» существовало до недавнего времени только в жаргоне уголовников. Происхождение его точно не выяснено; вероятно, это видоизмененное французское слово «attention» (аттансьон), что означает «внимание!», и пришло из международного воровского жаргона. Невозможно понять, каким образом оно добралось до наших школьников (иногда даже младших классов), означая то же самое: «внимание!», «опасность!».

Но еще более непонятно внедрение в детскую лексику слова «плебей». Трудно себе представить слово более неподходящее в устах советского школьника!

Ведь слово «плебей» происходит от латинского слова «плебс»: это не «народ» («народ» — «populus» (популюс), отсюда «популярный»), а «чернь», то есть народ в понимании аристократии. По-гречески «аристократия» означает «власть лучших»; нетрудно догадаться, кем изобретено такое слово!

Как, когда и откуда оскорбительно-нелепое слово «плебей» добралось до речи наших школьников, повторяем, совершенно непонятно!

Борьба с грубыми вульгаризмами вообще дело не новое.

В 1934 году А. М. Горький в статье «О бойкости» писал: «Нет никаких причин заменять слово «есть» словом «шамать».

Нам остается добавить: неужели понадобилось еще одно новое «заменяющее» словечко «рубать»?

«Борьба за очищение книг от «неудачных фраз» так же необходима, как и борьба против речевой бессмыслицы. С величайшим огорчением приходится указать, что в стране, которая так успешно — в общем — восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогатился такими нелепыми словечками и поговорками, как, например, «мура», «буза», «волынить», «шамать», «дай пять», «на большой палец с присыпкой», «на ять» и т. д. и т. п.»

Так писал основоположник советской литературы А. М. Горький в 1934 году в статье «О языке» на страницах газеты «Правда».

Приходится с грустью признать, что и почти через тридцать лет вопрос о чистоте нашего разговорного языка стоит с такой же остротой...

Как же бороться с засорением нашего языка? Запретом? Но «запретный плод сладок»... Ожиданием, что жаргон умрет естественной смертью? Но уж очень противно еще, может быть, десять — пятнадцать лет встречать весь этот словесный мусор...

Смехом! Высмеять жаргон, показать его в смешном и глупом виде — вот, по-моему, единственно правильный путь... Только так можно бороться с жаргоном, бороться за правильность и чистоту русского языка, за культуру нашей речи...

* * *

Еще о «модных» эпитетах...

«Правильный (ая, ое)». Это слово за последнее время распространилось в неожиданном «качестве».

«Закуска правильная» — это означает, что закуска хорошая, подходящая.

«Дождь правильный» — это означает, что дождь сильный, независимо от того, желателен он говорящему в данное время или нет.

«Правильный мужик» — это означает «хороший человек». Иногда «правильный» заменяется словом «законный», хотя к юриспруденции никакого отношения не имеет. О слове «мужик» мы поговорим немного дальше...

После разговора о жаргонах уместно упомянуть о том «модном», нарочито огрубленном языке, который весьма распространен не только среди молодежи, но и среди лиц значительно более старшего возраста — особенно среди интеллигентных женщин, где подобная манера выражаться, по-видимому, считается своеобразным «шиком» и особой бравадой...

Приведем несколько примеров.

«Мужик»...

Тысячу лет это слово было грубоватым синонимом понятия «крестьянин». До революции — в речи так называемых «высших классов» — в это слово вкладывался пренебрежительный смысл.

Иногда оно превращалось в откровенно бранное слово, обозначая невоспитанного, грубого человека.

Вспомним слова помещицы Поповой в чеховском водевиле «Медведь»: «Вы мужик! Грубый медведь!»

У самих крестьян это было обыкновенное бытовое слово.

Вспомним некрасовские строки:

«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»

Конечно, иногда, в виде исключения, оно могло заменять и слова «человек», «мужчина» в разговорно-шутливой форме. Помните — в стихотворении «Юбилейное» у Маяковского:

«А Некрасов
Коля,
сын покойного Алёши —
он и в карты,
он и в стих,
и так
неплох на вид.
Знаете его?
вот он
мужик хороший».

Но это было исключением...

За последнее время слово «мужик» приобрело необычайную популярность, оторвавшись от своей крестьянской сущности, а его шутливое значение «гипертрофировалось»: оно стало в разговорном языке заменять слова «человек», «гражданин», «мужчина», «гость», «знакомый», «муж», «возлюбленный»...

То и дело слышишь в речи горожан и особенно горожанок:

«Приходите, будут интересные мужики!...»

«Он — мужик деловой» («правильный», «законный»)...

«Мужики сели играть в преферанс»...

«У нее новый мужик»...

«Мужики на банкете изрядно выпили»...

Не надо думать, что этим не к месту сказанным «мужиком» ограничивается то нарочитое огрубление нашей речи, о котором мы сейчас говорим...

«Я так ржала, что чуть не сдохла!..»

Это выражение я недавно услышал из «модно» накрашенных уст одной молодой женщины, особы с высшим образованием (подчеркиваю последнее обстоятельство).

Услышал и подумал: а почему она не сказала просто «я так смеялась...» или «я так хохотала...»?

Прислушиваясь внимательно к бытовому языку современных интеллигентных женщин, я с удивлением заметил у многих явное и нарочитое стремление огрубить свою речь.

Вероятно, это нечто вроде моды.

Вот несколько образцов (кроме уже приведенного) этой модной манеры выражаться, — все они «списаны с натуры»...

«Ввалиться» (войти).

«Морда» (лицо, притом свое собственное).

«Намазать» (накрасить, — относится к собственному лицу).

«Завалиться» (лечь спать).

«С копыт свалилась» (устала).

«Бабка» (женщина преимущественно молодая, о которой хотят сказать одобрительно).

«Зануда» (скучный человек) и т. д.

Прошу понять меня правильно: я совсем не против синонимов, иногда даже и грубоватых, если они придают речи особую выразительность и помогают оттенить тонкость мысли, и всячески ратую за обогащение языка, но решительно возражаю против такого «обогащения»...

Обыкновенно в порче нашей разговорной речи обвиняют молодежь. Еще раз подчеркиваю: в данном случае мода охватила разные возрасты.

Тем печальнее...

НЕМНОГО О ТАВТОЛОГИИ

Стоит остановиться и на неправильном словосочетании, известном всем по примеру «масло масляное».

Немало подобных выражений можно заметить в нашей речи...

Но, подходя к этому вопросу, сразу же оговоримся: существует тавтология скрытая и тавтология явная. Скрытая — или настолько давно переосмыслена и прочно вошла в нашу речь, что не может вызвать никаких возражений («черные чернила», «красная краска»), или заметна только для немногих, потому что связана с иностранными словами, известными далеко не всем.

Вот примеры скрытой тавтологии, основанной на иностранных словах:

«Pro forma» (про форма) — по-латыни означает «для формы». Между тем всегда говорится «для проформы», то есть, по существу, «для для формы».

«En face» (ан фас) — по-французски означает «в лицо» (в отличие от понятий «в профиль» или «в три четверти»). Однако мы тоже всегда говорим «в анфас», то есть «в в лицо».

Греческое слово «травма» (точнее «траума») — означает «повреждение». И всё же мы говорим «травматическое повреждение», впадая в скрытую тавтологию.

Латинское слово «informatio» (информацию) и происходящее от него французское слово «information» (информасьон) — означают «осведомление», «разведывание», «сообщение». И опять-таки мы говорим «информационное сообщение», что, собственно, означает «сообщительное сообщение».

«Serenata» (серената) — по-итальянски означает «вечерняя песня» (от «sereno» — «ночная прохлада»). Таким образом, говоря «вечерняя серенада», мы, по существу, произносим «вечерняя вечерняя песня».

К этой же категории относятся «экспонаты выставки» («экспонат» — по-латыни «выставляемый напоказ») и такое распространенное словосочетание, как «народная демократия» («демократия» — по-гречески «народная сила»). Впрочем — здесь можно говорить о противопоставлении «буржуазной демократии»...

Но тут надо поставить рубеж, после которого тавтологию нельзя признать допустимой, хотя она и связана с иностранными словами.

Здесь уже начинается явная тавтология именно потому, что она имеет место не только в разговорном языке, но и в печати.

«Патриот своей родины...»

А почему не просто «патриот»? Ведь «патриот» происходит от латинского слова «patria» (патриа), в свою очередь восходящему к греческому «пáтра», что означает «родина». И как человек по факту своего рождения может иметь только одну родину, так и быть патриотом можно только своей родины, поэтому такое добавление является совершенно излишним. (Замечу в скобках, что существовавшее некоторое время название нашего журнала «Патриот родины» было по настоянию многих читателей изменено на «Советский патриот»...)

К этому же ряду принадлежат: «памятные сувениры», «свободная вакансия» («занятая» вакансия — уже не «вакансия», как «заполненная» пустота — уже не «пустота!»), «своя автобиография», «биография жизни», «монументальный памятник» (к этому словосочетанию мы еще вернемся), а также многие выражения, столь любимые ораторами, как-то: «полное право», «лично я», «целиком и полностью», «в общем и целом» и др.

Просторечие добавляет к ним: «за зря» и «напополам», хотя совершенно достаточно сказать «зря» и «пополам»...

Особо следует упомянуть о чрезвычайно распространенном выражении «на сегодняшний день». Это выражение, несомненно рожденное (не так давно) в недрах канцелярий, несмотря на свою явную неправильность,

широко бытует не только в нашей разговорной речи, но и в периодической печати.

«Сегодня» — означает «сего дня», «этого дня». Если про «вчера» и «завтра» можно говорить «вчерашний день» и «завтрашний день», то говорить «сегодняшний день» неправильно: это громоздкое словосочетание отлично укладывается в слово «сегодня».

А потому вместо канцелярско-бюрократического «на сегодняшний день» следует говорить «на сегодня»...

О СОКРАЩЕНИИ СЛОВ И ПО ЭТОМУ ПОВОДУ...

Поговорим немного о сокращенных словах, — главным образом о названиях учреждений и служебных должностях.

Что эти сокращенные слова (не хочется говорить иностранное слово «аббревиатуры») представляют большое удобство при служебной переписке и деловых переговорах — спорить не приходится. Мы уже не говорим о тех сокращенных словах, которые давно стали словами-символами, навсегда вошедшими в русский язык (да и не только в русский) как неотъемлемые части нашего словарного фонда: «комсомол», «профсоюз», «совнархоз», «горком» и многие другие.

Близко к ним стоят слова-памятники, отражающие явления, ныне исторически изжитые, но оставившие след в истории, в культуре и в литературе: «рабфак», «комбед», «политрук», «ревком», «ликбез» и др.

Но есть и слова-трупы, исчезнувшие вскоре после своего возникновения, например «шкраб» (школьный работник).

И есть слова-призраки, забытые как выражения явлений, но существующие в быту по закону «инерции речи», например «жакт» (жилищно-арендное кооперативное товарищество). Наименование это, как «летучий голландец», до сих пор носится порой по волнам нашей бытовой речи, подменяя собой понятия «домоуправление» и «домовая контора».

Сокращения слов всегда создавались для удобства. Существуют они и за границей — как в политической жизни («НАТО», «СЕАТО»), так и в торговой («ФИАТ»).

Были они и в дореволюционной России. Можно вспомнить «Ропит» (Российское общество пароходства и торговли), «Юротат» (Южно-русское общество торговли аптекарскими товарами), «Осфрум» (Общество содействия физическому развитию учащейся молодежи).

Как легко заметить, в большинстве случаев эти сокращения создавались по принципу акростиха, то есть из сочетания начальных букв слов названия.

Но особенно расцвели сокращения слов в послереволюционное время. Это и понятно. В жизнь вошли сотни новых учреждений, предприятий, должностей, рожденных революцией... Сразу возникли такие слова, как «жилотдел», «женотдел», «домкомбед», «гортон», «гороно», «райсобес», «вуз» и многие, многие другие.

Сокращения — по принципу «соединений усеченных слов» — коснулись даже области бытового языка, не носившего «официального» характера: так в разговорную речь вошли слова: «домохозяйка», «жилплощадь», «зарплата», «сберкнижка» и многие другие.

Названия должностей выражались словами, о смысле которых догадаться было весьма затруднительно.

Вот как, например, я именовался по своему служебному положению в сентябре 1919 года: «воентраг Тоцуса». Ничего «трагического» в слове «траг» не было: я был военно-транспортным агентом транспортного отдела Центрального управления снабжений. А через год я был уже «теаclubинструктором Агитпропчасти Поарма 3», то есть клубно-театральным инструктором Агитационно-пропагандистской части Политического отдела 3-й армии. Таких длинных наименований было тогда великое множество, и никто им не удивлялся...

Многие сокращения слов существуют и сейчас, действительно помогая в деловой переписке и вообще в работе. Ведь достаточно, например, упомянуть учреждение, название которого начинается со «слова» «Гипро», чтобы каждый понял, что речь идет о «Государственном институте по проектированию», а за буквосочетанием (да простится мне такое слово!) «НИИ» — прозрачно скрывается «научно-исследовательский институт»...

Некоторые сокращенные названия учреждений, в силу своей громоздкости и трудной произносимости, едва ли уж так удобны...

Я открываю наугад «Список абонентов Ленинградской

телефонной сети» и сразу натыкаюсь на «Ленгорметалло-ремпромсоюз» и на «Ленгоршвейтрикотажпромсоюз»... Не думаю, чтобы эти «сокращенные» словечки, состоящие из 24 и из 26 букв, были бы уж так удобны в служебных разговорах и деловой переписке!..

Некоторые названия не так длинны, как отменно неудобны для произношения. Вот, к примеру, «ВНИИСЛВП»: словечко, напоминающее заплетающуюся речь пьяного. Впрочем, к этому есть «основание»: это слово расшифровывается как «Всесоюзный научно-исследовательский институт спиртовой и ликерно-водочной промышленности»...

Следует признать, что названия некоторых учреждений невероятно длинны: вот, например, «Главное управление по торговле автомобилями, тракторами, сельскохозяйственными машинами, запасными частями и другими товарами производственного назначения для сельского хозяйства и по поставкам народному хозяйству продукции автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения при Совете Министров Киргизской ССР». Ровно 34 слова! После этого надо признать сокращенное название «Киргизглавторгмаш» (16 букв) очень коротким...

Это, конечно, крайности.

Но вообще сокращения слов полезны и даже необходимы: они действительно экономят время (например, «ТАСС», «ГАИ», «ГУМ» и многие, многие другие)...

Хочется поговорить еще об одном виде сокращения слов, вызываемом удобством.

Существуют слова, которые из-за своей длины сокращенно выговариваются и еще более сокращенно пишутся. Пример: «килограмм» в устной речи часто заменяется словом «кило», а пишется «кг». (Подчеркиваю: пишется, а не произносится, «ка-ге»!) По этому же «правилу» мы пишем «сорок руб.», «десять коп.», но читаем «сорок рублей», «десять копеек», а «не сорок руб.», «десять коп.». Мы пишем «в 20-х гг.», но читаем «в двадцатых годах», а не «в двадцатых ге-ге». Примеры легко умножить.

Тем непонятнее нелепая «история» со словом «гектар». Эта мера площади имеет, как это принято в метрической системе, сокращенное н а п и с а н и е «га». Причем под словом «написание» следует иметь в виду главным

образом чертежи, статистические таблицы, отчеты и пр., а совсем не любую статью или заметку в газете, а тем более не художественную литературу, где совершенно спокойно может существовать «гектар». А в стихах «га» выглядит как пародия!

Но по какому-то недоразумению, а может быть и по чьему-то недомыслию, это самое «га» стало произноситься. Слово «гектар» заменилось гусиным гоготанием. Прислушайтесь к передачам по радио — особенно на сельскохозяйственные темы, — и вы в этом убедитесь...

Что же это дает? Экономия времени? Однако уж так ли много времени тратится на то, чтобы произнести слово «гектар»? Слово короткое и к тому же склоняющееся, что безусловно делает его еще более понятным и удобным. Мы говорим: «более гектара», «на этом гектаре», «десять гектаров», «по одному гектару» — все ясно и понятно.

Так для чего же употреблять в речи «пересокращенное» слово-обрубок «га»? Имеет ли какое-нибудь значение «экономия» от того, что произносятся две буквы, а не шесть? И «га» к тому же не склоняется, что мешает ясности речи («к этому га», «менее га», «некоторые га», «за этим га», «по га» и т. п.).

Так ли, повторяем, существенна эта экономия времени? Ведь мы же спокойно произносим слова и более длинные, чем «гектар»: например, «километр»...

Да и вообще, откуда это стремление к обязательному сокращению слов нашей речи? То, что осмысленно и целесообразно, скажем, при передаче телеграмм, может иметь место в быту только в силу канцелярско-бюрократической «инерции», что мы уже видели, когда разбирали сокращенные названия некоторых организаций...

В самом деле. Ведь хватает же у нас времени (в быту и по радио) и места (в газетах) для того, чтобы произносить и писать «Общество по распространению политических и научных знаний» без всяких сокращений, и никто не терпит от этого никакого ущерба.

Почему нельзя произнести «главный бухгалтер» и «главный врач», а обязательно надо говорить «главбух» и «главврач»?

Если можно еще согласиться со словом «завуч» вместо длинного «заведующий учебной частью», то «помреж» и «техред», право, не обязательны... Ведь не гово-

рит же никто про дежурного милиционера «дежмил», а про судебного исполнителя «судисп»?! И про директора школы никто не скажет «диршколы», и директора санатория не назовет «дирсан», и про главного дирижера не скажет «главдир»!..

* * *

Чтобы закончить этот раздел, следует сказать несколько слов еще об одном чрезмерном увлечении сокращениями: о названиях наших машин, в частности — сельскохозяйственных. Ведь если было возможно дать нормальные «человеческие» названия легковым автомобилям «Москвич», «Запорожец», «Волга» и т. д., то почему же надо так упорно держаться за трактор «АСХ-ТЗ-Нати-ДТ-54» («А-Эс-Ха-Те-Зе-Нати-Де-Те-пятьдесят четыре»)?!

И не случайно на XXII съезде КПСС, когда выступавший знатный механизатор-новатор, бригадир тракторной бригады А. В. Гиталов рассказывал об отличной работе двухрядного комбайна «ККХ-2» («Ка-Ка-Ха-два»), изготовленного на херсонском заводе имени Петровского, тов. Н. С. Хрущев заметил: «Я читал когда-то в газете статью, в которой правильно критиковались названия наших сельскохозяйственных машин. Попробуйте выговорить и понять, что это такое «Ка-хе-два», «Ка-хе-ка» и черт его знает еще как! (*Смех в зале. Аплодисменты.*) Что это за собачий язык нам навязывают. (*Смех в зале. Аплодисменты.*) Назовите по-человечески, чтобы было ясно, что это за машина. Нельзя засорять язык разными «Ка-хе-ка» и «ха-ха»! (*Смех в зале. Продолжительные аплодисменты.*)¹

В самом деле. Почему бы этот самый двухрядный комбайн херсонского завода не назвать просто и понятно, например, «Херсонец»?

И не пора ли вообще перестать увлекаться чрезмерными сокращениями слов, которые, давая совершенно ничтожную экономию времени, засоряют и уродуют нашу речь? Следует помнить, что чрезмерное обилие сокращений слов — тоже вид порчи русского языка...

---

¹ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 1, стр. 513.

О СЛОВАХ ИНОСТРАННЫХ — НУЖНЫХ И НЕНУЖНЫХ

Владимир Ильич Ленин в 1920 году в заметке «Об очистке русского языка» писал:

«Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно»...¹

Прошло более сорока лет с момента написания этих знаменитых слов, а русский язык продолжает засоряться ненужными и иностранными словами.

Как же происходит этот процесс? И почему происходит? Попробуем разобраться.

В русском языке, как и в любом другом, великое множество слов иностранного происхождения. Это вполне естественно. Развиваясь в течение многих столетий в экономическом и культурном общении русского народа с другими народами, как находящимися ныне в пределах нашей Родины, так и с зарубежными, наш язык впитал в себя огромное количество слов нерусского происхождения, слов, понятных всем, общеупотребительных и прочно вошедших в речь нашего народа.

Очень многие такие слова давно стали междunarодными, например, «революция», «коммунизм», «социализм», «демократия», «капитализм», «империализм», «космос», «коллектив», «библиотека», «профессор», «доктрина», «аудитория», «лекция», «медицина» и многие, многие другие...

К этой группе относятся многочисленные научно-технические термины: «атом», «электричество», «радио» и т. д. Эти слова звучат одинаково или почти одинаково у всех народов мира, и посягать на них, конечно, бессмысленно и невозможно.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 274.

Следует отметить, что и многие русские слова, родившиеся в послереволюционное время, вошли в международный язык. Таковыми являются: «Советы», «ленинизм», «большевизм», «колхоз», «ударник», «пятилетка», «спутник», «лунник», «семилетка» и др.

(Заметим в скобках, что французская Академия наук официально внесла в словарь французского языка слово «allunir» — точный перевод русского нового слова «прилуниться».)

Отдельные слова иностранного происхождения постепенно вошли в наш язык настолько прочно, что даже отдаленно не воспринимаются как некогда иностранные. Ведь когда мы, например, говорим «студент второго курса», мы не задумываемся над тем, что из этих трех слов только «второго» — исконно русского происхождения, настолько и «студент», и «курс» давно и окончательно «обрусели»...

Множество таких слов, находясь в русском словарном фонде, ничем не выдает своего иностранного происхождения, и только филолог сможет выяснить их первооснову, взятую из чужого языка.

Вот, например, слово «руль»: немногим придет в голову, что это слово взято из английского языка и в свое время вытеснило старинное русское слово «правѣло», означавшее то же самое, что и руль. Можно ли об этом догадаться, читая лермонтовскую строку:

«Без руля и без ветрил»...

А слово «фартук»? Взятое из немецкого языка «фартух» («передний платок»), оно хотя и не вытеснило слово «передник», но издавна «сосуществует» с ним. И когда мы читаем строки известного стихотворения «Каменщик, каменщик в фартуке белом...» ни у кого не возникает мысль: почему В. Я. Брюсов написал «иностранное» слово «фартук», а не русское «передник»?

Ну, а слово «пономарь»? Уж это, вероятно, древнее русское слово, появившееся у нас вместе с христианством.

Нет! Это слово действительно пришло к нам вместе с христианством, но оно — правда, в несколько видоизмененной форме — греческое: «парамонáриос» — по-гречески «привратник храма».

Множество, повторяем, иностранных и иноязычных

слов уже в течение ряда столетий находится в нашем словарном фонде. И, конечно, только лингвист может разобраться в том, что, например, такие русские слова, как «армяк», «амбар», «арбуз», взяты из тюркского языка, «алмаз» — слово арабское (на букву «а» есть вообще только одно чисто русское — церковнославянское — слово (имя существительное) «азбука!»), «картуз» — голландское, «курган» — половецкое, «тетрадь» — древнегреческое и т. д.

Мы читаем на вывеске слово «Бакалея» — и не задумываемся над тем, что «бакáль» по-арабски «торговец свощами», мы говорим «старая карга» — и нам не приходит в голову, что «карга» по-татарски «ворона», мы встречаем в книгах ныне устаревшее слово «лабаз» и не догадываемся, что это французское слово «la base» (ля баз), что означает «склад»... Так же мы не догадываемся, что «русские» слова «облапошить» и «палисадник» происходят от французских слов «la poche» (ля пош) — «карман» и «la palissade» (ля палиссад) — «изгородь около дома».

Наконец, мы говорим «брюки» — и не знаем, что когда-то в России особое фландрское сукно, из которого шили эту существенную часть мужского костюма, шло из голландского города Брюгге и называлось «брюкиш»...

Но довольно! Подобных примеров так много, что из них можно составить целый том...

Однако цель этой книги — иная.

В ней речь идет не об «иностранных» словах такого рода и не о том, чтобы «переводить» и переделывать на русский лад все слова нерусского происхождения: это попытка бессмысленная, ненужная и давно осужденная историей. Достаточно вспомнить адмирала Шишкова, который в начале прошлого века рьяно, но безуспешно пытался внедрить, например, слово «мокроступы» вместо «галоши». Непримируемый адмирал в своем реакционном рвении думал таким «славяноречьем» бороться с «крамольным» влиянием идей Запада, шедших главным образом из революционной Франции. Известно, что все его попытки, как и старания его друзей по «Бесед», ровно ни к чему не привели...

Наш знаменитый лексиколог, замечательный знаток русского языка В. И. Даль, желая очистить русский язык от ненужной иностранщины, хотел ввести некото-

рые русские слова взамен иностранных. Он предлагал, например, употреблять вместо слова «горизонт» — «глазоём», вместо «алкоголь» — «йзвинь», вместо «антикварий» — «древник» и т. д. Но и эти слова были обречены на небытие...

Кстати, можно заметить, что в других славянских языках коренных славянских слов значительно больше, чем в русском.

В 1955 году, когда пишущий эти строки в группе советских туристов посетил Югославию, мы были поражены обилием исконно славянских слов в сербо-хорватском языке. Так, «лифт» называется там «двйгало», «типография» — «тискáрня», «турист» — «путник», «солдат» — «вóйник», «театр» — «глядйлиште» (в Словении) и даже страна «Нидерланды» именуется «Низкоземска». А со словами «футбол» и «волейбол» там успешно борются слова «ногомёт» и «рукомёт»...

Ну что ж! Всё это только доказывает, что словарный фонд каждого народа составляет своим путем и общего правила здесь нет.

Великий русский критик Виссарион Белинский писал:

«Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус» («Взгляд на русскую литературу 1847 г.»).

Значит, следуя завету великого критика, надо искать равносильное русское слово. И при этом не торопиться внедрять первое попавшееся иностранное слово, что — увы! — пока еще делается довольно часто...

Речь идет не вообще о борьбе с иностранными словами в русском языке, а о борьбе с ненужными иностранными словами, со словами, которые являются совершенно лишними в нашем языке.

Как пример такого ненужного иностранного слова Владимир Ильич Ленин в упомянутой уже нами заметке «Об очистке русского языка» приводил слово «дефекты», которое легко заменяется словами «недочеты», «недостатки» и «пробелы».

А. М. Горький считал, например, ненужным слово «конденсация» при наличии русского слова «сгущение».

Чрезмерное обилие ненужных иностранных слов всегда тревожило всех, любящих русский язык.

Но для того чтобы решить, какое иностранное слово, вошедшее в русский язык, «нужное» и какое «ненужное», надо всегда задуматься над вопросом: а нет ли в этом слове-иностранце чего-нибудь такого, что привносит в наш язык какую-то особенность, новый оттенок, хотя бы маленькое своеобразие, если можно так выразиться — некий словесный привкус?

В интересной книге литературоведа А. Г. Горнфельда «Муки слова» было сказано: «Удачно замечено, что язык не терпит бесполезных двойников: если в языке есть слово тождественное с заимствованным, оно получает лишь новый оттенок значения или будет извергнуто».

Там же приводится ряд иностранных слов, значение и смысл которых трудно передать исконно русскими словами: «серьезный», «шатен», «экипаж», «фамилия», «риск», «лунатик», «юмористический»... Да, пожалуй, только «экипаж» может быть заменен «коляской».

Всё это, конечно, верно, но, к сожалению, некоторые совершенно ненужные иностранные слова-двойники не так-то просто поддаются изгнанию, о чем мы поговорим дальше.

Нельзя не согласиться с тем, что в нашем языке могут «сосуществовать» такие «словесные пары», как, например, «архитектор» и «зодчий», «диспут» и «спор», «аллегория» и «иносказание», «анакорет» и «отшельник», «эпизод» и «случай», «гигант» и «великан», «афоризм» и «изречение», «абстрактный» и «отвлеченный» и многие другие.

Можно спорить о том, что слово «призыв» не вполне заменяет слово «лозунг» и что не всякая «конденсация» есть «сгущение», но сколько всё же в нашем языке абсолютно ненужных, лишних иностранных слов!

И — что самое грустное — число их продолжает увеличиваться из года в год...

Я предвижу атаку со стороны некоторых критиков-читателей: «Вы — пурист! Укажите точно, какие именно иностранные слова вы считаете ненужными. Укажите и докажите, что они являются лишними. Иначе, пожалуй, придется в угоду таким, как вы, перевернуть вверх дном всю нашу научную терминологию!..»

Отвечаю: нет, я не пурист, видящий в замене иностранных слов самоцель. А слова, которые вы от меня

требуете, я найду и докажу, что они только засоряют наш язык.

Перехожу в контратаку...

Зачем мы, например, за последние 20—30 лет стали говорить «продлонгировать», когда есть русское — точное и короткое слово — «продлить»? Может быть, в слове «продлонгировать» есть какой-то особый оттенок, отличающий его от слова «продлить»? Отнюдь нет! Ведь обходились же мы без этого надуманного слова сотни лет?!

Для чего мы (тоже за последнее время) говорим «лидировать», когда существуют русские слова «возглавлять», «идти первым», «вести состязание», «первенствовать»? Без слова «лидировать» мы тоже как-то обходились в течение столетий! Почему надо так часто употреблять слово «мизерный», когда есть слова «ничтожный», «жалкий», «нищенский», «незначительный», «неважный», «малоценный»?..

Так ли уж обязательно нам говорить «репродуцировать», когда есть русское слово «воспроизводить»? Неужели в слове «лимитировать» есть что-то такое, чего нет в слове «ограничивать», а в слове «превалировать» — то, чего нет в «преобладать»? Чем «рентабельный» лучше «выгодного»?

Подобных примеров можно привести множество...

Кто же виноват в этом злоупотреблении иностранными словами? Кто их насаждает и распространяет?

Многие, защищая речевую иностранщину, любят ссылаться на специфику предмета, на необходимость технических терминов, на невозможность обходиться в науке без иностранной терминологии.

Так ли это?

Еще на заре русской науки — царь Петр дал указание своему заграничному послу: «Реляции свои писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов».

А. И. Герцен с горечью говорил о той «ревнивой касте» ученых, которая «окружает науку лесом схоластики, варварской терминологии, тяжелым и отталкивающим языком...»

«Мы не охотники до ученых терминов и употребляем их только в случае крайней необходимости...» — писал Н. А. Некрасов.

«Наука должна сойти со своего пьедестала и заговорить языком народа...» — таков завет знаменитого ученого К. А. Тимирязева.

«Нельзя злоупотреблять техническими терминами...» — учил молодых писателей А. М. Горький.

Вот об этом-то — о злоупотреблении — сейчас и пойдет речь.

Здесь я снова предвижу выступление читателя-оппонента:

«Но ведь язык науки — благодаря греческому и латинскому языкам — интернационален. Не хотите ли вы ослабить эту международную общепонятность? Не предлагаете ли вы заменить, например, слово «атом», что по-гречески значит «неделимое», каким-нибудь другим, русским словом, ну хотя бы словом «неделим»?»

Нет, не предлагаю. Я глубоко понимаю великое значение классических языков для международной науки.

Возьмем для примера медицину. Я за то, чтобы в медицине осталась общепринятая терминология, понятная людям, говорящим на разных языках, но не вижу никакой беды в том, что в народном языке рядом с научными названиями бытуют и другие. Никому не вредит и — увы! — не помогает то обстоятельство, что «чирей», например, носит «официальное» название «фурункул», а «грудная жаба» — «ангина пекторис», и что древние «удар» и «разрыв сердца», от которых умирали наши деды и прадеды, носят теперь название «инсульт» и «инфаркт»... Я совсем не за то, чтобы заменять научную терминологию в медицине словами «антонов огонь», «горячка», «краснуха», «синюха», «трясовица», «прострел» и т. п., но если эти названия существуют в народном языке, повторяю, в этом нет никакой беды...

Речь идет о злоупотреблении научными терминами во всех областях.

В самом деле. Неужели всякий термин, взятый из иностранного языка, необходимее и понятнее, чем то же слово в переводе?

И почему вообще всякий новый термин в науке надо обязательно называть позаимствованным иностранным словом? Ведь можно же было создать термин «искусственный спутник земли», а не «искусственный спутел-»

лит»? И такое новейшее достижение науки, как «п-о-л-у-проводники», названо ведь тоже по-русски...

Неужели рабочий-путеец, изучающий дорожное дело, скорее поймет слово «рихтовать», от немецкого «рихтен» (направлять), чем «выправлять» и «выпрямлять»?

Неужели студент-медик и молодой врач должны забыть всем понятное слово «выстукивать» и заучить вместо него «перкутировать» только оттого, что по-латыни «выстукивать» — «percutere» (перку́тэрэ)?

Так ли необходимо называть «выделяемую слюну» «сецернируемой»?

И неужели необходимо говорить и писать, даже в документах, которые не будут прочитаны больным или его родственниками, — «этот симптом манифестирует малигнизацию» вместо того, чтобы сказать и написать: «этот признак свидетельствует о злокачественности»?

К сожалению, наблюдается и такое явление: некоторые старинные русские термины, в угоду большей «научности», заменяются иностранными!

Вот пример из области минералогии...

Издавна в горном деле был известен «змеевик» — горная порода, по виду и цвету схожая со змеиной чешуей. Это древнее русское слово пришло в русскую науку от уральских горняков и рудознатцев.

Не так давно какой-то чинуша-бюрократ из поклонников иностранщины заменил это старинное русское общепонятное слово иностранным термином «серпентинит» (от французского «serpent» (серпан) — «змея»).

А вот пример из области спорта.

В течение долгого времени в классической борьбе существовало точное общепонятное и общепринятое выражение (термин) «положить на обе лопатки». За самые последние годы появился вместо него новый термин: «тушировать» (от французского «toucher» (тушэ) — «прикасаться»). Может быть, этот термин немного короче, но до чего ж он не точен! Нет, на мой взгляд, спокойно можно обойтись без него: старый термин гораздо точнее и понятнее, а потому и лучше...

* * *

Теперь — по поводу утверждения некоторых о том, что всякая замена иностранного термина русским сло-

вом или перевод его значения на русский язык являются «шишковщиной»...

Вспомним, что во времена Петра I, когда в русскую жизнь, — а следовательно, и в русский язык, — хлынул широкий поток новых понятий, слов и терминов, наша речь сразу заполнилась сверх всякой меры различной иностранщиной. Только в середине XVIII века, благодаря гению великого русского ученого Михаила Ломоносова, наш язык значительно очистился от иностранных слов без всякого ущерба для русской науки. Вспомним, что благодаря Ломоносову мы имеем слово «чертеж», а не «абрис», «рудник», а не «бергверк», «маятник», а не «перпендикула», «воздушный насос», а не «антлия пневматическая»...

Тот же великий Ломоносов дал русской науке слова «кислород», «водород» и «углерод», переведя с латинского «оксигениум», «гидрогениум» и «карбонеум».

Почему же нельзя перевести на русский язык и другие научные термины?

А вся наша грамматика? Ведь и «наклонение», и «имя существительное», и «глагол», и «предлог», и «наречие» — являются близкими переводами соответствующих иностранных слов.

А естественные науки? Как точно, например, переведено латинское слово «insectum» (инсектум) — «насекомое», которое, в свою очередь, не что иное как перевод с греческого «энтомон»: ведь и по-гречески и по-латыни это слово именно и означает «насекомое». (Представители этого рода животных названы так по «насечкам», отделяющим один членик от другого.)

Значит, можно переводить иностранные термины, не нанося никакого ущерба науке! Необходимо продолжать этот путь, указанный нам великим Ломоносовым и другими передовыми представителями русской науки прошлого...

* * *

В настоящее время беда состоит в том, что многие ненужные иностранные слова насаждаются и внедряются в разговорный язык периодической печатью и радиопередачами.

Вот, например, недавно я прочитал в газете объявление:

«Покупайте в павильонах и ларях, на рынках и в специальных магазинах райпищеторгов питательные и дешевые субпродукты!»

Что за дьявольщина? Впервые встречаюсь со словом «субпродукты»! Что же это за новинка? Какие такие «подпродукты» предлагаются моему вниманию? Может быть — что-нибудь заморское и редкое? Но тогда почему «дешевые»?

Из дальнейшего текста объявления узнаю, что «субпродуктами» называются «говяжьи рубцы», «свинные головы» и «свинные ножки».

Ба! Да ничего нового в этом нет! Однако задаю себе вопрос: как же на Руси назывались все эти «головы», «ножки» и «рубцы» до «изобретения» кем-то слова «субпродукты»? Справляюсь у Даля и узнаю: «сбой» (голова и ноги убитой скотины) и «требуха» (рубец, брюховина, сычуг, кутырь, ветрюх). Так для чего же вводить слово «субпродукты»? (Конечно, «требуха» не очень красивое слово, но Даль упоминает даже «требушников», то есть любителей требухи...)

И если такому сложнейшему изобретению, как «полупроводники», мы нашли русское название, так неужели свиную и говяжью требуху надо обязательно называть по-латыни?

Как-то я включил радио и услышал «беседу» (кстати, всякая беседа требует собеседников, а не просто слушателей) «об опытной партии гидрофобизированных тканей». Далее я узнал о новом гидрофобном составе, причем слово «гидрофобный» было переведено довольно громоздким словом «водоотталкивающий».

Слушая, я подумал: а для чего, собственно, вводить новый термин «гидрофобный» («водоотталкивающий»), когда можно сказать немного короче «водовраждебный», что, кстати, является более точным переводом с греческого? А может быть, вообще не стоило вводить это новое слово — при наличии простых и общепонятных «водоупорный» и «ненамокаемый»?

Но если в данном случае еще можно спорить, то вот пример совершенно ненужного употребления иностранного слова.

В одной стоматологической клинике (я не против иностранных слов там, где они нужны: «сто́ма» — по-гречески «рот», и так как в этой клинике лечат не только

зубы, но и всю полость рта, ее следует называть не «зубной», а «стоматологической») я увидел плакат — «Фронтальные зубы». И сразу подумал: а почему не «передние»? Ведь слово «фронтальный» происходит от латинского слова «frons» («фронс», род. падеж «фронтис») — «лоб»; следовательно, слово «фронтальные» означает «лобовые»! Для чего же через латынь внедрять понятие «лобовые» (или «лобные») зубы, если можно написать просто, ясно, точно и понятно: «передние зубы»?

Или вот еще одно слово — «апробация»... Оно происходит от латинского «approbatio» (апробацио). Но ведь в русском языке есть давно «обрусевшее» слово «проба» и существуют слова «одобрение», «утверждение», «опробование» и «проверка»!

Подобных примеров можно привести очень много. Невольно вспоминается слово «кювет», что по-французски означает «водосточная канава» (буквально «лоханка», «чан»). Однако с военного времени (а на «военном» языке придорожная канава называется «кюветом») это слово прочно вошло в нашу речь, угрожая вообще вытеснить слово «канавка».

Всё же, справедливости ради, следует признать, что именно наша военная техника выделяется обилием своих чисто русских обозначений и наименований. В любом наставлении по материальной части оружия вы найдете слова «стебель», «гребень», «чека», «салазки», «люлька», «щёчки», «ударник», «личинка» и т. д.

Хорошо бы многим другим отраслям техники позаимствовать этот хороший пример!

* * *

В. Г. Белинский писал: «У языка есть хранитель надежный и верный: это его же собственный дух, гений. Вот почему из множества вводимых иностранных слов удерживаются только немногие, а остальные сами собой исчезают».

Действительно. Иногда сам народ начинает так дружно противиться иностранному слову, что быстро вытесняет его из родного языка как инородное тело.

Так произошло, например, со словом «фрыштыкать» (завтракать), взятым из немецкого языка («фрюштык-

кен») и бытовавшим в мещанских кругах лет пятьдесят-шестьдесят тому назад.

Иногда русский перевод иностранного слова успешно и довольно быстро вытесняет слово-предшественник.

Так случилось с футбольными терминами. Когда в начале XX века английская игра футбол стала распространяться в России, все знали только английские названия: «голкипер», «бек», «хавбек», «форвард», «рефери», «корнер» и т. д. Так говорили все. Однако, как только футбол стал массовой народной игрой, эти слова бесследно исчезли, а на месте их появились: «вратарь», «защитник», «полузащитник», «нападающий», «судья», «угловой удар» и т. д.

На заре авиации — в начале века — все говорили «аэроплан» и «авиатор», но эти иностранные слова («аэр» — по-латыни «воздух», а «авис» — «птица») были довольно скоро вытеснены словами «самолет» и «летчик».

Вспомним вышедший еще в 1913 году сборник «Пощечина общественному вкусу», где предлагались «словоновшества в языке», среди которых было, например, вместо слова «аэродром» предложено слово «летбище», созданное по образцу слова «стрельбище». Но «летбище» не вошло в язык народа.

В наше время слово «санаторий» вытесняется словом «здравница», а «геликоптер» уже уступил место «вертолету», так же как «виадук» — «путепроводу»... (К сожалению, некоторые произносят это слово «путе-прóвод»!)

Сейчас мы являемся свидетелями того, как слово «водитель» борется со словом «шофёр»... Надо думать, что «водитель» победит и войдет в нашу речь так же, как некогда вошел «вагоновожатый» (слово довольно громоздкое, но всем предельно понятное).

Вывод. Введение новых иностранных терминов в большинстве случаев не вызывается необходимостью: вместо этих слов, при желании, можно найти равносильные и равноточные русские слова.

Ненужные иностранные слова — вид засорения русского языка...

И это подтверждают слова А. П. Сумарокова, который еще в середине XVIII века писал: «Восприятие чужих слов, а особенно без необходимости, есть не обогащение, но порча языка».

Но из всего изложенного вовсе не следует, что всякое вновь введенное иностранное слово является языковым беззаконием: со временем оно может стать закономерным.

Я отлично помню, как при появлении троллейбуса на наших улицах и этого слова в нашем языке один мой знакомый, старый учитель, говорил: «Слово придется заменить: «троллейбус» — противопоказано русскому языку и русскому уху и никогда не войдет в нашу речь».

Насколько он был прав — судите сами...

Такие же голоса раздавались и относительно слова «бульдозер»: однако и оно спокойно вошло в нашу речь.

Ломоносов, переводя ряд иностранных слов, некоторые из них вводил без перевода, говоря, что эти слова «сперва покажутся несколько странны, однако, надеюсь, что они со временем через употребление знакомее будут...»

Мы уже писали о нашем «ревнителе языка российского» адмирале Шишкове и его бесплодных попытках освободить наш язык от иностранных слов.

Подобные «ревнителю» были и в других странах.

Так в Германии — в конце XVIII века — яростно выступал профессор Кампе, призывая изгнать из немецкого языка все иностранные слова, главным образом французские...

Шиллер ответил ему эпиграммой:

ПУРИСТ

Рьяно готов ты язык очистить от слов иностранных, —
Прямо, приятель, ответь: как по-немецки «педант»? ¹

А сейчас — об одной любопытной эволюции слова...
«Автомобиль» — «мотор» — «машина»...

Собственно говоря, «официально» никакой словесной эволюции нет: «автомобиль» (от греческого «ауто» — «сам» и латинского «мобилис» — «движущийся», то есть

---

¹ Перевод мой, — Б. Т.

«самоход»), получивший свое наименование при рождении в конце прошлого века, до сих пор называется «автомобилем». (Правда, в производных словах для удобства это название сокращено до «авто»: «автодело», «автодеталь», «автолюбитель», «автогонки» и т. д.)

Но рядом с этим названием вскоре (в начале XX века) появилось другое: в разговоре, в быту всё чаще стало звучать слово «мотор»...

Люди старшего поколения должны это хорошо помнить. Прокатные автомобили, ездившие по определенной таксе, официально так и назывались: «Таксомоторы». Это слово опять-таки наша скороречь вскоре сократила до «такси» (слово существует до настоящего времени). Сохранилось воспоминание о «моторе» и в словосочетании «таксомоторный парк».

В газетах того времени писали: «Лошадь испугалась мотора и понесла», «Собака попала под мотор»,—и все понимали, что это произошло на улице и речь идет не о заводском моторе, а об автомобиле.

Однако слово «мотор» (для определения автомобиля) постепенно стало забываться: его вытеснило странное по неопределенности слово «машина»... Это само по себе удивительно. Ведь XX век—век машин. Если в середине XIX века, когда появилось железнодорожное сообщение, вместо «приехать на поезде» говорили «приехать на машине», то непонятно, почему рядом со «швейной машиной», «пишущей машинкой» и сотнями других машин—возникло слово «машина» как синоним автомобиля. А между тем так именно и произошло...

Почему автомобиль не превратился, по аналогии с «аэропланом», ставшим «самолетом», в «самоход», «самовоз» или «самокат»? Непонятно.

Итак «автомобиль—мотор» стал называться «машиной». Мы говорим: «Я приехал на машине», «у него своя машина», «персональная машина», «служебная машина»—и всем ясно, о чем идет речь. Вызывая такси, вы не говорите: «Можно получить автомобиль?», а «Можно получить машину?» И слышите в ответ: «Вам легковую или грузовую?» Впрочем, за самое последнее время, у слова «машина» появились «соперники»—марки автомобилей. Всё чаще и чаще слышишь: «К вам выходит «Победа», «Он приехал на «Запорожце», «У него свой «Москвич», «Думаем купить «Волгу» и т. д.

Видимо, это показатель и следствие того, что «машин» появилось много и они прочно вошли в быт...

А что произошло с названиями других средств сообщения?

Здесь сказалась техническая революция: «век пара» сменился «веком электричества», а последний стоит на пороге перехода в «век атома»... «Паровоз» (первоначально «локомотив») сменился «тепловозом» и «электровозом». На очереди — «атомовоз»...

Ту же эволюцию прodelьывает «пароход», ставший «теплоходом» и «электроходом» и становящийся «атомоходом».

Любопытно отметить, что при своем рождении пароход носил в России название «пироскаф» (от греческого «пюр» — огонь и «скафос» — корабль), а «пароходом» назывался... паровоз!

Так, у Пушкина читаем: «Пироскаф тронулся; морской, свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег». («Участь моя решена», 1830).

А в «Попутной песне» М. И. Глинки на слова Н. В. Кукольника поется:

«Быстро мчится в чистом поле пароход...»

Однако вскоре слово «пароход» ушло с железной дороги и «перешло на воду», вытеснив оттуда в небытие слово «пироскаф». Таковы иногда приключения слов!

* * *

А случается ли, что иностранное слово произносится правильно, а употребляется неправильно?

Да. И вот готовый пример.

В извещениях для лиц, поступающих в высшие учебные заведения, постоянно упоминаются «абитуриенты» в смысле «поступающие в вузы». Между тем «abituriens» (абитуриенс, род. падеж абитуриэнтис) на латинском языке означает «собирающийся уходить», то есть «оканчивающий курс обучения». А поскольку «собирающийся уходить» по окончании курса средней школы часто одновременно является и «собирающимся поступать в высшую школу» — и произошла упомянутая путаница. Ошибка незначительная, но зачем же допускать даже маленькую ошибку, если можно ее избежать?

А всего проще заменить слово «абитуриент» словом «выпускник». Просто и общепонятно.

Еще пример. Многие называют «кариатидами» декоративные статуи, не делая разницы между мужскими и женскими фигурами (этой ошибки не избег даже словарь Ушакова).

Между тем «кариатидес» означает по-гречески «карийские девы» (жрицы храма Артемиды в Карии, области Лаконии). Это название утвердилось в архитектуре за упомянутыми фигурами.

Что же касается аналогичных архитектурных мужских фигур, то они имеют свое специальное название — «теламоны» или иногда называются «атлантами» (в память Атланта — по античному мифу титана, поддерживающего небесный свод). Итак, при входе в Эрмитаж в Ленинграде стоят отнюдь не кариатиды, а теламоны или атланты...

* * *

Мы не касаемся здесь тех слов, которые произносятся неправильно только по причине малограмотности и недостаточной общей культуры, например, «веласапед», «колидор», «секлетарь», «Фильянский вокзал» и пр., поскольку это не является темой настоящей книги.

Однако есть слово, которое произносится неправильно зачастую людьми весьма образованными — отчасти по небрежности, отчасти в силу той «инерции речи», о которой мы еще будем говорить.

Это слово «гомеопатия», произносимое многими «ге-меопатия».

И вот почему. «Кровь» — по-гречески «га́йма» (род. падеж «га́йматос»). От этого слова произошло довольно много весьма распространенных словообразований, которые в русской транскрипции начинаются с «гема» или «гемо» («гематоген», «гемоглобин», «геморрой» и т. д.).

«Гомеопатия» происходит от совершенно другого слова — «гóмойос» (точнее, «хóмойос»), что означает «подобный», так как основной закон гомеопатии гласит: «Подобное лечится подобным». Это случайное звуковое сходство двух различных греческих слов и породило путаницу...

„ФРАНЦУЗСКОЕ С НИЖЕГОРОДСКИМ...“

В мою «коллекцию» неправильностей разговорной речи занесены и некоторые примеры, которые я позволю себе назвать общим наименованием «Французское с нижегородским»...

Так, один собеседник сказал: «Наш директор удваивает и даже утрирует результаты продукции своего завода», явно считая глагол «утрировать» литературным синонимом глагола «утраивать»...

Между тем «утрировать» происходит от французского глагола «outrager» (утрэ), что означает «преувеличивать», «впадать в крайность».

И здесь погоня за иностранным словечком не приводит к добру...

А вот еще пример:

«У него есть протяже в университете: как-нибудь протянет его сынка на экзаменах...»

Явление того же порядка! Русский глагол «протягивать» — в смысле «помогать» — смешан с французским словом «protégé» (протэжэ) — «опекаемый», «любимец»...

И, наконец, еще пример.

Один мой знакомый сказал: «Я желаю поговорить с нею тэт на тэт...»

Этим он хотел «свою образованность показать»; «французил», хотя и с ученым видом, но весьма неудачно.

Французское выражение «tête-à-tête» (тэт-а-тэт) — дословно «голова к голове» — он переиначил «на язык родных осин» по аналогии с русским «так на так».

Не проще ли было сказать по-русски — «с глазу на глаз» или еще короче и проще — «наедине»?

Вообще у многих наблюдается стремление вставлять в свою речь французское словечко, но по незнанию французского языка слову придается значение, вытекающее из его внешнего, чисто звукового, сходства, то есть слова употребляются совершенно неправильно.

Классический пример такого неправильного употребления французского слова — это слово «будировать», о котором писал В. И. Ленин еще в 1913 году в заметке «Образованные депутаты» («Правда» от 10 апреля 1913 г.).

Поводом для заметки явилась речь депутата — октябриста Люца, заявившего в Государственной думе, что депутаты-большевики, «стремятся будировать чувства рабочих для того, чтобы их поднять на какие-нибудь эксцессы».

Владимир Ильич писал: «Французское слово «bouder», передаваемое русским «будировать», означает — сердиться, дуться. А г. Люц, очевидно, производит это слово от «будоражить», или, может быть, «возбудить». Как смеялись г.г. буржуазные депутаты и буржуазная пресса, когда в I Думе один крестьянин употребил слово «прерогативы» в смысле «рогатки»! А между тем ошибка была тем простительнее, что разные «прерогативы» (т. е. исключительные права) господствующих являются, на самом деле, рогатками для русской жизни. Но образованность г. Люца не «возбудировала» смеха его образованных друзей и их печати».¹

К этому же вопросу — неправильному употреблению иностранных слов — и к примеру со словом «будировать» Ленин еще раз возвращается в начале 1920 года в заметке «Об очистке русского языка», в которой он пишет: «Перенимать французски-нижегородское словопотребление значит перенимать худшее от худших представителей помещичьего класса, который по-французски учился, но, во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык».²

Однако и в настоящее время нетрудно встретить оратора, который горячо призывает «будировать вопрос»,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 32.

² В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 274.

вероятно, думая, что сказать «поднять вопрос» — слишком просто, не «по-ораторски»...

Между тем слово «будировать» когда-то понималось у нас правильно. Так, Ф. М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» устами черта говорит Ивану Федоровичу:

«Возьми душу русского просвещенного атеиста и смешай с душой пророка Ионы, будировавшего во чреве китове три дня и три ночи».

По библейскому мифу, пророк Иона находился «во чреве китове» в сердитом уединении и уж, конечно, никого не «будил» и не «возбуждал».

(Заметим в скобках, что ныне забытое, но когда-то весьма популярное слово «будуар» происходит от того же французского глагола «boudier» (сердиться, дуться) в его прямом значении: «будуаром» называлась во французских (а затем — в подражание — и в русских) буржуазных домах комната, в которой жена могла находиться в уединении — «дуться» — после ссоры с мужем...)

К сожалению, повторяем, слово «будировать» до настоящего времени употребляется многими с «образованностью г. Люца», то есть совершенно неправильно, — по случайному звуковому сходству французского «boudier» (будэ) с нашим русским «будить»...

В порядке примечания. «БСЭ» в слове «контаминация» приводит в виде примера «н е п р а в и л ь н о е (разрядка моя. — Б. Т.) употребление глагола «будировать», который «со временем» входит «в языковую норму». С подобным утверждением никак нельзя согласиться. И хотя история языков знает подобные «узаконенные ошибки» (с одной из них мы встретимся в конце этой книги), — делать это сознательно не следует: «будировать» в смысле «будить» осталось и сейчас такой же языковой ошибкой, как в 1913 году, когда о ней писал великий Ленин...

И еще пример!

«Проминаж»... Вы думаете, может быть, что это «прогулка» от французского «promener» (променэ) — «гулять», «прогуливаться»? Ошибаетесь! Говоривший так производил его от русских слов «проминуться», «промяться», «проминка», а суффикс «аж» прибавил «для шика»!

Кстати о словах с окончанием «аж»...

Все они — французского происхождения: «пейзаж», «багаж», «пассаж», «типаж», «каботаж», «саботаж», «репортаж», «дренаж», «плюмаж», «вернисаж», «стаж», «паж» и т. д.

Русскому языку такое окончание не свойственно. Я долго искал чисто русское слово с этим окончанием, но кроме... «аж» («даже» — в просторечии) ничего вспомнить не мог. Появилось было в памяти слово «раж» («войти в раж»), но тут же рядом всплыло французское слово «rage» (раж), что означает «ярость», «бешенство», «чрезмерная страсть»... Тут же вспомнились такие «русские» слова, как «куражиться», «обескуражить» и др.

За последнее время появилось слово «подхалимаж» вместо правильного — «подхалимство».

Я уверен, что слово «подхалимаж», вошедшее в нашу речь лет двадцать — тридцать тому назад, употреблялось сперва как бы в кавычках, в виде высмеивания любителей иностранщины, но затем утерало свой иронический смысл и вошло, к сожалению, в наш разговорный язык. Думаю, что и Сергей Михалков употребил слово «подхалимаж» в своей басне «Заяц во хмелю» иронически, но оно уже было воспринято всерьез.

Так же вызывают сомнение и слова «листаж», вместо «объем книги», хотя оно и имеет преимущество в краткости, и «жонгляж», вместо «жонглирование»...

Следует отметить, что среди нас встречаются порой любители произносить иностранные слова еще «иностранныее», чем они есть на самом деле: так некоторые, например, говорят не «реакция», а «реагаж» (!)

«Обрусение» иностранных слов — в частности, французских — явление обычное.

Взять хотя бы слово «мушкетер». По-французски оно пишется «mousquetaire» и произносится «мускетёр». Лет пятьдесят тому назад название популярного романа А. Дюма «Три мушкетера» произносилось только так: «Три мушкетера». Но за последнее время появилась неправильная форма произношения — «мушкетёр»,

которая постепенно вытеснила правильную форму «мушкетер».

Правомерно ли это?

Ведь мы говорим «репортёр», «бреттёр», «позёр», потому что эти слова так произносятся по-французски. Но это совершенно не значит, что все слова, взятые с французского и оканчивающиеся по-русски на «ер», надо обязательно произносить как «ёр»: не говорим же мы вместо «премьер» — «премьёр»?!

Так почему же произносить французское «мускетэр», как «мушкетёр»?

Вероятно, только в силу «инерции речи», по аналогии не только со словом «репортёр», но и с чисто русскими словами «полотёр», «краскотёр», «бузотёр»...

Впрочем, некоторые еще говорят «гренадёр». Вероятно, по созвучию с «горлодёром» и «живодёром»!

Неужели они и поют:

«Во Францию два гренадёра...»?!

То же самое произошло с французским словом «фуникулер», которое у нас давно утвердилось, как «фуникулёр», хотя по-французски «канатная железная дорога» называется «chemin de fer funiculaire» (шмен де фэр фюникюлэр).

А вот французское слово «cortège» (кортэж) — «торжественное шествие с сопровождением» — многие произносят «кортёж». Вероятно — по чисто звуковому сходству со словами «картёж» (увлечение карточной игрой) и «галдёж» (от глагола «галдеть»).

* * *

Этот раздел хочется закончить очень ярким примером, взятым из жизни.

В одном доме отдыха директор, борясь с иностранщиной, распорядился заменить «французское» слово «меню» (тепи) — «мелкий» — им самим сочиненным «истинно русским» словом «разблюдаж».

Дальше, как говорится, ехать некуда...

ОБ УДАРЕНИЯХ И ПО ИХ ПОВОДУ...

Теперь поговорим об ударениях, помня, что неправильные ударения в значительной мере уродуют и коверкают наш разговорный язык.

Русский язык — язык сложных и подвижных ударений. Во французском языке, как известно, все слова имеют ударения на последнем слоге, в польском — на предпоследнем, во многих языках встречаются ударения на третьем слоге от конца...

А в русском языке зачастую ударения приходится не только на четвертый слог от конца (напр.: «с^олнечное», «ящерица», «ла^сковая», «ра^доваться», «па^дчерица») или на пятый («ра^ссле^дование», «гу^сеничные», «вы^воротные»), но даже на шестой («вы^служившемуся», «вр^эзывающийся») и седьмой («берег пруда был полон выкараб^кивающимися лягушками»). Как курьез можно привести даже слово с ударением на десятом слоге от конца («вы^кристаллизова^вшемуся»)!

Большой мастер русской поэзии Валерий Брюсов написал целую книгу стихотворений «Опыты», где собраны его стихи такого рода, которые показывают большое разнообразие сложных по ударению рифм. Например, в стихотворении «Холод»:

«Холод, тело тайно скóвывающий,
Холод, душу очарóвывающий...
От луны лучи протягиваются,
К сердцу иглами притрагиваются...»

и т. д. до конечных строк:

«Над последними привязанностями,
Над святыми недосказанностями...»

Есть много русских слов с двойными ударениями, например, «высоко́» и «высо́ко», «далеко́» и «далёко», «и́наче» и «и́на́че», «и́здавна» и «и́здавна́» и т. д.

Многие говорят наряду с «заслу́женный» — «заслу́жённый». Думается, что «заслу́женный» правильное.

* * *

«Мы должны в срок закончить строительство путе-провода...»

Некоторые, к сожалению, упорно продолжают говорить «путепро́вод», хотя всем известно, что существуют «водопро́вод», «газопро́вод», «нефтепро́вод» и имеется «про́вод»: телеграфный, телефонный, электрический...

Уверен, что такие ораторы говорят и «кв́артал» вместо «квартáл»...

Как мы видим, вопрос об ударениях иногда бывает спорным. Бывают случаи, когда ударение меняется с течением времени: так, при Пушкине говорили не «му́зыка», а «музы́ка». Вспомним:

«Гремит музы́ка боевая...»

Это объясняется влиянием французского слова «му́-
sique» (мюзи́к). Как только это слово «обрусело» — оно потеряло французское ударение.

Иногда с течением времени меняется ударение и в чисто русских словах, причем за примерами не надо ходить очень далеко.

Всего шестьдесят — семьдесят лет тому назад в словаре, одобренном академиком Я. К. Гротом, значились, как правильные, слова с таким ударением: «просе́ка», «на́рост», «пахотá», «разору́жить». Теперь они произносятся: «прóсека», «на́рост», «па́хота», «разору́жить»...

Однако всё это разнообразие русских ударений и спорность некоторых из них совершенно не оправдывают те безусловно неверные ударения, которые в огромном количестве встречаются в нашей разговорной речи, а также в выступлениях на собраниях, в докладах и даже в передачах по радио...

«Кв́артал», «а́тлет», «прóцент», «пóртфель», «дó-
цент», «а́мпер», «па́ртер», «мага́зин», «ро́ман», «меди-
ка́менты», «ко́клюш» — так и слышатся со всех сторон...

Мне могут возразить, что все приведенные слова —

иностранный происхождения, и потому их неправильное произношение может быть объяснено незнанием иностранного языка и соответствующего ударения. Допустим. Но почему же тогда так часто коверкаются ударения в исконно русских словах? Ведь нередко говорят: «средствá», «свеклá», «искрá», «дóбывчá», «сíроты», «мóлодежь», «хозяевá», «стóляр» (хорошо еще, что не стали говорить «мáляр!»), «танцовщíца», «твóрить», «нáчать», «полóжить», «теснó», «óтчасти», «в случáе» и многие, многие другие. Этот «скорбный список» легко продолжить...

Происходит «борьба» в целом ряде иностранных слов между греко-латинским ударением, например, «индúстрия», «металлúргия», и французским ударением, например, «индустри́я», «металлургíя». Я склонен считать более правильным первоначальное — классическое, а не более позднее, французское... Ведь никто же (пока!) не говорит, к примеру, «геодези́я», «геометри́я», «типографи́я», «географи́я», «биографи́я», «фотографи́я»? Откуда же появилось модное слово «кинематографи́я»? Ведь происхождение от греческого «грáфо» — «пишу» — требует ударения «грáфия»! И греческое «э́ргон» — «работа» — требует окончания «...ýргия».

Не так ли?

А вот слово «буржуази́я» правильнее произносить с ударением на предпоследнем слоге: это слово французское и должно сохранить французское ударение...

Часто говорят «кило́метр», что также неверно. Ведь никто же не произносит «кило́грамм», хотя сокращенно и говорится «кило́»! Здесь французская манера произношения вполне уместна: метрическая система была впервые введена во Франции.

Неправильно произношение «библиóтека»: надо произносить «библиотéка», так же как «пинакотéка» (собрание картин), «картотéка», «фильмотéка» и др., сохраняя ударения греческого первоисточника («тéка» — от «укладываю», «вместилище»).

Неправильные ударения из бытовой речи переключали даже в высокий жанр поэзии.

Открываю популярный журнал и читаю стихи современного поэта:

«Цвели у девушки глаза,
Ее глаза,

Ее краса,
Сияли синею игрой,
Пронзали золотой искрбй...»

И сразу в ухо ударяет «искрбй»!..

Посмотрим, как обстоит дело со словом «искра» у классиков?

Вспомним у Пушкина:

«В вас йскру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел...»

И у Полонского:

«Йскры гаснут на лету...»

«Йскре» нет основания делаться «искрбй»...

* * *

И в споре о слове «звонйт» или «звбнит» у меня припасена цитата из «Бориса Годунова», слова Пимена:

«А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонйт
К заутрене...»

Итак — у Пушкина «звонйт». (Я убежден, что это было правильно сто пятьдесят лет тому назад, правильно сейчас и будет правильно в будущем...)

А что вы можете предъявить, товарищи оппоненты?

* * *

Немного об ударениях в иностранных словах, особенно в радиопередачах...

Мне приходилось слышать, например: «газета Сьюисс», тогда как надо говорить «Сюйсс», — так по-французски называется Швейцария, где, кстати, треть населения говорит на французском языке.

Приходилось мне слышать и «Драпо руж», тогда как название бельгийской газеты «Драпó руж» («Красное знамя»).

Не лучше и с произношением названий некоторых немецких городов: все дикторы поголовно говорят, на-

пример, «Потсда́м», тогда как надо говорить «Пóтс-дам»...

А ведь к произношению дикторов прислушиваются десятки миллионов людей, считая его образцом правильности речи; так оно и должно действительно быть!

В произношении иностранных слов иногда есть не-правильности настолько укоренившиеся, что с ними за давностью невозможно бороться. Взять хотя бы известнейшие фамилии. Но выделим этот разговор в особый раздел.

О ФАМИЛИЯХ

Фамилия великого английского поэта Вильяма Шекспира должна произноситься с ударением на первом слоге «Ше́кспир». Однако все мы говорим «Шекспёр»: так повелось со времени появления Шекспира на русской сцене. Фамилию другого великого английского поэта Байрона мы произносим правильно. Достаточно вспомнить лермонтовские строки:

«Нет, я не Байрон. Я другой,
Еще неведомый избранник...».

Заметим, кстати, что и имя знаменитого шекспировского героя «Гамлет» долгое время всеми в России произносилось с неправильным ударением, на последнем слоге, — «Гамлёт», но за последнее время вошло в норму правильное произношение — «Га́млет».

(Но «Макбёт» надо произносить с ударением на последнем слоге: это, в сущности, «Мак Бет», то есть в старинной шотландской форме «сын Бета»...)

Из иностранных фамилий, несравненно более новых, чем Шекспир, поражает неправильность произношения фамилии великого немецкого ученого Рентгена: ее надо произносить «Рёнтген», с ударением на первом слоге, но мы почему-то приносим ее на французский манер: «Рентгён».

Зато фамилия великого французского ученого Пастёра многими произносится на немецкий лад: «Пáстер».

(Любопытно заметить в скобках, что сами французы своим произношением неузнаваемо изменяют иностран-

ные фамилии: так Генрих Гейне звучит у них, как «Анри́ Эйне́», а Рихард Вагнер — как «Риша́р Ванье́»...)

Что касается русских фамилий, то следует остановиться в первую очередь на самой распространенной фамилии — «Иванов», которая произносится двояко: «Ива́нов» и «Ивано́в».

Как правильнее? Мне кажется, что спорить тут не о чем: надо произносить «Ива́нов».

Почему? Да хотя бы потому, что мы делаем такое ударение во всех схожих фамилиях: «Степа́нов», «Рома́нов», «Богда́нов», «Улья́нов», «Демья́нов», «Ка́сьянов», «Селифа́нов», «Епифа́нов», «Валери́анов» и т. д. Ведь никому же не придет в голову говорить «Степа́нов», «Романо́в» и т. д.?

Отметим также, что фамилии всех известных «Ивановых» произносятся правильно: художник Александр Ива́нов, композитор Ипполитов-Ива́нов, писатель Всеволод Ива́нов. Думается, что нет основания коверкать фамилию и всех остальных многочисленных Ива́новых.

И пьесу Чехова «Иванов» тоже никто не произнесет «Ивано́в», а только «Ива́нов».

Существует, наконец, известное словообразовательное правило: ударение в фамилии идет от ударения в родительном падеже производящего ее существительного: огня — Огнёв, волка — Во́лков, окуня — Окунев, ящерицы — Ящерицын (есть такая фамилия!) И потому же — Петро́в, Па́влов, Серге́ев, Ива́нов ..

Возьмем ряд односложных имен: Петр, Клим, Глеб, Фрол, Влас, Зот, Фирс, Марк... Фамилии от них следуют только что приведенному правилу: Петро́в, К्ली́мов, Гле́бов, Фроло́в, Вла́сов, Зо́тов, Фи́рсов, Ма́рков. Правда, уже с «Фролом» есть некоторый разнбой: то же и с «Титом» — фамилию произносят не «Тито́в», а «Тито́в»...

А как с фамилиями от односложных слов? Проверим: «зверь» — «звёря» — «Звёрев», «царь» — «ца́ря» — «Ца́рёв»... Как будто всё сходится. Но уже «конь» — «ко́ня» — «Ко́нев» не сходится: фамилию произносят «Ко́нев»...

Иногда вопрос о правильности произношения фамилии решается очень просто.

Как, например, надо говорить: «Одобе́вский» или «Одо́евский»? Правильнее, конечно, «Одобе́вский», так

как фамилия происходит от города Тульской области, который называется Одбев...

Существует и такое правило: фамилию произносят так, как произносит (или произносил) ее сам носитель фамилии.

Есть исторические сведения, что Мусоргский сам произносил свою фамилию «Мўсоргский», производя ее от прозвища своего предка «Мўсорги» (что Ушаков связывает с греческим «мўсоргос», — «преданный музам», «художник»).

...Многие знакомые спрашивают меня: от какого слова происходит фамилия «Еропкин» и почему я произношу ее с ударением на последнем слоге? Имеет ли она отношение к имени «Ерофей»? Нет! Если бы она происходила от этого имени — то было бы «Ербшкин». А здесь корень — глагол «ерепёниться». Даль в своем словаре прямо приводит слова «еропá» — «надутый», «чванный», «самодовольный» и «еропítь» — «чваниться». К последнему слову он делает приписку: «Есть прозвание Еропкин».

Вообще же вопрос об ударениях в русских фамилиях очень сложен и противоречив.

Вот, к примеру, два названия птиц: «лéбедь» и «сбóл», оба двусложные, оба с ударением на первом слоге. А фамилии от них звучат почему-то по-разному: «Лéбедев» и «Соколóв», и никто не произнесет их «наоборот»: «Лебедёв» и «Сбóлов».

Таких примеров можно набрать множество.

Здесь зачастую главную роль играют не какие-то точные грамматические правила, а привычка, традиция, обычай...

ОБ ИМЕНАХ

Ну, уж если разговор зашел о фамилиях, поговорим и об именах...

Каждый человек нашей эпохи, конечно, волен иметь любое имя, не считаясь с поповскими «святцами», но если подойти к этому вопросу с историко-филологической стороны, то может выясниться кое-что любопытное и имеющее отношение к теме этой книги.

Подавляющее большинство наших имен — греческого происхождения: они пришли к нам из Византии вместе с христианством. Значительно меньше имен латинских (римских) и еврейских, и уже совсем мало — славянских, которые резко выделяются среди других своей смысловой ясностью (Вера, Надежда, Любовь, Владимир, Владислав, Всеволод, Богдан, Людмила и др.) Встречаются отдельные имена арабского, индийского, персидского, сирийского, халдейского, готского и германского происхождения.

Все они вошли в так называемые «святцы» русской православной церкви. Каждое имя обозначало что-либо на своем языке, главным образом нечто положительное, добродетельное и достойное похвалы.

Так, например, Акакий означало «незлобивый», Ириней — «мирный», Модест — «скромный», Астион — «приветливый». Не были забыты достоинства и другого рода: Парамон — «твердый», Андрей — «храбрый», Никита — «победитель», Каллистрат — «хороший воин», Пахомий — «широкоплечий».

Из женских имен отметим: Агния — «чистая», Гликерия — «сладкая», Анфиса — «цветущая», Агафия — «добрая», Глафира — «гладкая», Евтропия — «благонравная»...

Не следует, однако, думать, что все имена касались только добродетелей и положительных качеств. Среди освященных церковью имен были и многие такие, которые едва ли могли найти себе применение, если бы родители знали, что, собственно, означают эти имена на своем языке.

Достаточно упомянуть такие имена, внесенные в святцы: Азат — «скопец», Памфамир — «всего лишенный», Кесарь — «вырезанный», Ардалион — «замаранный», Екдит — «раздевшийся», Маруф — «безволосый», Ириний (не путать с Иринеем!) — «плачущий», Филоктимон — «любостяжатель», Фока — «морская собака», Агав — «саранча», Вианор — «насильник», Псой — «мясо на чреслах»...

Не лучше и такие женские имена: Варвара — «грубая», Прискилла — «старая», Клавдия — «хромоногая», Васса — «пустыня», Сира — «петля». Ксантиппа — «рыжая лошадь»...

Каждое имя имело своего «шефа», то есть какого-то «святого», чья память ежегодно отмечалась церковью в один и тот же день; этот день назывался в быту «именины». Некоторые наиболее распространенные имена имели или нескольких «святых» или праздновались несколько раз в году. Так, Иоанн (Иван) отмечался 70 (!) раз в году, Петр — 33 раза, Павел — 20, Мария — 11 раз. (Заметим, кстати, что Антоний (Антон) имел в году 16 «именинных дней», так что гоголевскому городничему не стоило праздновать свои именины еще и «на Онуфрия», имевшего всего 3 «именинных дня»!)

Итак, все святые — а следовательно и имена — были церковью точно, но неравномерно распределены по календарным дням года: в некоторые дни в святцах был большой выбор имен, а в некоторые — весьма скудный, что иногда доставляло родителям немало хлопот.

Вот как, например, описывает Гоголь выбор имени для героя повести «Шинель»: «Родительнице предоставили на выбор любое из трех, какое она хочет выбрать: Мокия, Соссия, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. «Нет, подумала покойница, имена-то все такие».

После того как ей предложили еще три имени: Трифилий, Дула и Варахасий, она сказала: «Уж если так,

пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий...

Что касается «святых» и причисления их к «лику святых», то всё это было делом очень неясным: едва ли, например, была обоснована «святость» жестокой и мстительной княгини Ольги. Не меньше путаницы в этом вопросе было и у католиков: достаточно вспомнить, что в 1431 году Жанна д'Арк была сожжена на костре как еретичка и враг католической церкви, а в 1910 году она же была официально объявлена Ватиканом святой!

Не обходилось и без курьезов. Так, православной церковью в начале XX века было «установлено», что святые Инна и Римма, имена которых считались до этого женскими, были мужчинами, почему впредь эти имена следовало давать только новорождённым мальчикам...

Многие имена вошли в наш быт в двоякой форме: в официальной (означенной в святцах) и в форме народного просторечия, то есть с некоторыми — иногда довольно значительными — отклонениями от установленной формы.

Примеров можно привести много: Мелания («черная») — Маланья, Гликерия («сладкая») — Лукерья, Ирина («мир») — Арина, Евдокия («доброславная») — Авдотья, Ксения («гостья») — Аксинья, Акилина («орлица») — Акулина, Георгий («земледелец») — Егор, Исидор («дар Изиды») — Сидор, Иоаким («утверждение бога») — Аким, Киприан («зрелый плод») — Куприан, Дионисий («бог виноделия») — Денис и т. д.

Следует заметить, что из огромного числа имен, упомянутых в святцах, в быту в течение веков употреблялось не более четверти: остальные имена — все эти Дула, Псой, Завулон, Лупп, Павсикакий, Бидзин, Гад (имеется и такое имечко!), Хоздазат, Голиндуха, Христодула, Епихария и многие другие — или совсем не давались новорождённым, или давались в редчайших случаях...

* * *

Революция, преобразовав все стороны нашей жизни, принесла с собой и новые имена.

Некоторые из них полны глубокого смысла, красивы

и удобны в быту. Таковы — Владлен, Нинель, Вилена, Маркс, Марат, Спартак... Появились и такие новые имена: Радий, Вольт, Идея.

Конечно, повторяю, каждый советский гражданин и каждая советская гражданка вольны выбирать себе и своему ребенку имя по вкусу, не считаясь с поповскими святыми, но мне кажется, что такие имена, как «Электрификация» или «Индустриализация», не жизненны хотя бы из-за трудного произношения...

Да и некоторые «красивые» имена не всегда хороши при соединении с отчеством или фамилией, например, «Идея Глупова»...

Едва ли заслуживает поощрения и увлечение мифологическими именами (Афродита, Венера, Диана, Титан, Атлант), а также иностранными, такими, как Ричард, Вильямс, Генриетта, Матильда, Эльвира и т. д.

«Почему?» — предвижу я вопрос некоторых читателей.

Да совершенно по той же причине, по которой новому поселку где-нибудь на целинных землях естественнее дать название, например, «Красноград», чем «Ред-таун», «Вилльруж» или «Ротбург». И главную улицу в нем лучше (понятнее, проще, естественнее, логичнее) назвать «Большая», чем «Биг-стрит», «Гранд-авеню» или «Гроссштрассе»...

У каждого народа есть свои национальные традиции, обычаи и привычки, которые отлично могут ужиться с его интернациональными чувствами дружбы с другими народами, с его уважением к искусству, национальному по форме, к чужим народным обычаям и привычкам.

И не оттого нашему сердцу милее такие имена, как Иван, Илья, Алексей, Мария, Елена и др., что им соответствовали какие-то мифические «святые», а потому, что в памяти нашего народа живут и «Иван-царевич», и «Илья Муромец», и «Алеша Попович», и «Марья Краса», и «Елена Премудрая»...

Думаю также, что если новорожденную дочь любящие родители назовут Энергией или Электрификацией, то нашей энергетике это не поможет, а здравому смыслу повредит.

Не стоит рубить березы, чтобы на их месте сажать платаны, не стоит нашему Олегу делаться Оливером.

И пусть Роман остается Романом, а не превращается в Ричарда; оставим Ричарда англичанам, у которых в памяти народа сохранился Ричард Львиное Сердце!

И здесь не будем гоняться за ненужной иностранщиной...

В порядке примечания. Не следует забывать, что у нас принято называть людей по имени и отчеству, почему «Долорес Ивановна», «Карменсита Степановна» и «Ромуальд Лукич» будут звучать весьма нелепо, равно как и «Венера Кузьминична» и «Геракл Петрович»...

Но осложнения с отчествами на этом не кончаются. Ведь со временем легко могут появиться довольно нелепые сочетания, например, «Мария Радиевна», «Анна Титановна», «Лев Электронович» или «Василий Космосович».

Говоря об иностранных именах (впрочем, теперь понятие «иностранные имена» постепенно исчезает), можно отметить одно любопытное явление: имена английских и французских королей и королев мы почему-то произносим иначе, чем имена других представителей английской и французской наций, в том числе и весьма известных.

В самом деле. Мы называем английских королей и королев: Иоанн (Безземельный), Карл, Георг, Мария, Елизавета. Но никогда не скажем «Иоанн Пристли», «Карл Диккенс», «Георг Байрон», «Мария Пикфорд», «Елизавета Тейлор» (киноартистка), а только «Джон Пристли», «Чарльз Диккенс», «Джордж Байрон», «Мэри Пикфорд», «Элизабет Тейлор»...

То же самое с французами: мы говорим: Генрих IV, Людовик XIV, Карл X, но никогда не скажем «Генрих Барбюсс», «Людовик Пастёр», «Карл де Голль», а только «Анри Барбюсс», «Луи Пастёр», «Шарль де Голль».

Вероятно, это отголоски тех давних времен, когда имена «коронованных особ» произносились на латинский лад: «Каролюс», «Людовикус» и т. д.

(Заметим в скобках, что слово «король» по предположению некоторых ученых, как это видно из «Этимологического словаря» А. Г. Преображенского, произошло в славянских языках от имени Карла Великого, произносимого именно в такой латинизированной форме.)

«Андреян» или «Андреян»? Что правильное?

Ни то, ни другое...

Почему?

Да совершенно по той же причине, по которой нельзя говорить ни «Адриатическое море», ни «Андреятика»...

И вообще такого имени «Андреян» никогда не существовало даже в старых святцах.

Был «Адриан», что по-гречески означает «уроженец Адрии» (местности на берегу Адриатического моря).

Именно так звали римского императора Адриана (76—138). Отсюда название города: Адрианополь (ныне турецкий город Эдирне).

И русское имя имеется только одно — Адриан,

Отрицательные положения не доказываются. Поэтому я ограничусь тем, что предложу всем сомневающимся открыть пушкинского «Гробовщика» и прочесть начальные строки: «Последние пожитки гробовщика Адриана Прохорова были взвалены на похоронные дроги, и тощая пара в четвертый раз потащилась с Басманной на Никитскую, куда гробовщик переселялся всем своим домом».

И нашего великого зодчего — бессмертного строителя Адмиралтейства А. Д. Захарова — звали Адрианом, хотя в «Большой Советской Энциклопедии» он и назван «Андреяном».

При всем моем огромном уважении к этому грандиозному изданию, должен прямо сказать, что в данном случае оно допустило ошибку: имени «Андреян» официально в России никогда не существовало... Чем же я могу опровергнуть то, что напечатано на бумаге? Тем, что высечено на мраморе: подойдите к Центральной башне Адмиралтейства в Ленинграде, где сейчас находится главный вход в Военно-морское училище имени Дзержинского, и вы прочтете на мемориальной доске:

Зданіе
Главнаго Адмиралтейства
построено въ 1811 году
по проекту
русскаго зодчаго
АДРІАНА ЗАХАРОВА

А ведь доска была сделана вскоре после смерти А. Д. Захарова...

Как на дополнительное доказательство, сошлюсь на книгу В. Я. Курбатова «Петербург» (1913), где на стр. 303 помещен портрет А. Д. Захарова работы С. С. Шукина и имеется подпись «Адриан Дмитриевич Захаров». Так же «Адрианом» назван он у С. Н. Кондакова в «Юбилейном справочнике Академии художеств», изданном к ее 150-летию (1914), стр. 332. Наконец — сама «БСЭ» ссылается на статью Н. Е. Лансере «Адриан Дмитриевич Захаров» («Архитектура Ленинграда», 1937, № 1).

Однако почему же с «Адрианом» происходит путаница, которой нет с другими именами?

А вот почему.

По-гречески «анёр» (род. пад. «андрѳс») означает «мужчина», а «андрѳйос» — «мужественный», «храбрый». Отсюда множество греческих имен с корнем «андр»: «Андрей», «Андроник», «Андрокл», «Александр», «Никандр» и др.

Опять мы сталкиваемся с тем явлением, которое я себе позволю назвать «инерцией речи» или, как принято называть, «законом аналогии»: случайное звуковое сходство одного слова с целым рядом других, совершенно различных по значению, заставляет и это одно слово подчиняться правилам, существующим для ряда других слов. Вот почему возникает путаница...

Другой пример действия того же закона.

«Арсений» по-гречески означает «мужественный», «стойкий». Почему же это имя часто коверкается и превращается в «Арсентия»? Да потому, что существует целый ряд таких имен, как «Дементий», «Клементий», «Лаврентий», «Терентий», «Мелентий», «Леонтий», «Силантий» и др. Все они кончаются на «тий».

Вот почему «Арсений» — в силу языковой «инерции» — так часто превращается в «Арсентия»...

Впрочем, он не одинок. Судьбу «Арсения» разделяет и «Парфений», что означает по-гречески «девственный» (от этого же словесного корня — знаменитый «Парфенон»). Однако в силу той же «инерции» «Парфений» очень часто — почти всегда — превращается в «Парфентия».

О СКЛОНЕНИИ ИМЕН И ФАМИЛИЙ

А теперь рассмотрим совершенно другой вопрос, хотя он тоже касается имен и фамилий.

Склоняются ли иностранные имена и фамилии?

Да, склоняются, если они относятся к лицам мужского пола и кончаются на согласную букву.

Мы говорим: «трагедия Вильяма Шекспира», «басня Жана Лафонтена», «баллада Фридриха Шиллера», «опера Рихарда Вагнера» и т. д. (А если мы говорим «роман Жорж Санд», то это потому, что «Жорж Санд» — псевдоним женщины Авроры Дюдеван.)

Это же правило относится и к современникам. Поэтому — вопреки мнению некоторых — надо говорить «концерт Поля Робсона» (а не «Поль Робсона» и не «Поля Робсон») и «песенки Ива Монтана» (а не «Ив Монтана»).

И хотя существует у некоторых мнение, что Жюль Верн — по давнему обычаю — не склоняется, я не могу с этим согласиться, тем более, что в «Литературной газете» от 3 ноября 1962 года я прочитал в статье С. Маршака: «С увлечением, но далеко не всё понимая, читал я в 11—12 лет пожелтевшие страницы случайно попавших мне в руки французских романов — вперемежку с «Капитаном Гаттерасом» Жюля Верна, «Всадником без головы» Майн-Рида и «Мучениками науки» Рубакина».

Так что, пожалуй, «несклоняемость» оставим только полумифическому Робин Гуду...

До сих пор речь шла о личностях знаменитых или известных. А как быть с обыкновенными гражданами, живущими среди нас. Как, например, следует писать адрес: «Карлу Ивановичу Мюллеру» или «Карлу Ивановичу Мюллер»? (Я уже не говорю о совершенно неграмотном «Карл Ивановичу Мюллер»...)

Только в первой форме — «Мюллеру». Писать в дательном падеже «Мюллер» можно лишь его жене, скажем, «Марии Робертовне Мюллер».

А как быть с иностранными фамилиями, которые принадлежат тоже мужчинам, но кончаются на гласную букву?

Они, как правило, не склоняются...

В самом деле. Мы говорим: «роман Дюма», «поэма Гёте», «опера Верди», «драма Гюго», «комедия Сарду», «картина Гойя» и т. д. Про писателя Дюма́, художника Дегá, архитектора Бренна́ абсолютно нельзя сказать «роман Дюмы́», «картина Дегí», «архитектура Бренны́».

Написав это, я подумал: а почему мы говорим «сонет Петрарки», «мемуары Казановы», «статуя Кановы»? Да и о картине Гойя можно сказать «картина Гойи»!

Отсюда можно сделать вывод: русскому языку свойственно склонение фамилий вообще, в том числе и иностранных. Этому можно найти подтверждение в том, что иностранные фамилии, кончающиеся на одну гласную, легко сокращаются именно на эту гласную, после чего легко склоняются, то есть делаются удобными для склонения.

Так, фамилия великого итальянского поэта Данте давно звучит по-русски как «Дант». Достаточно вспомнить пушкинское:

«Суровый Дант не презирал сонета...»

То же самое произошло с фамилией другого знаменитого итальянского поэта Тассо, которая стала звучать по-русски — «Тасс». (Я не привожу в виде примера превращение итальянской фамилии «Буонапарте» в «Бонапарт»: прежде чем она была таким образом «руссифицирована», она была «офранцузена» — и прежде всего самим Наполеоном.)

Это же явление — стремление к возможности склонения — можно заметить в том, что иногда французские фамилии, кончающиеся при произношении на гласную и потому несклоняемые (Гизо, Дидро, Беранже и т. д.), по-русски превращаются в склоняемые путем использования их французской транскрипции и превращения невыговариваемых букв в выговариваемые.

Вспомним, как у Пушкина граф Нулин едет из Парижа «в Петрополь»:

«С ужасной книжкой Гизота...»

«С последней песней Беранжера...»

А ведь Пушкин превосходно знал французский язык...

Быть может, кто-либо мне возразит: «Ну, это же поэтическая вольность, вызванная, вероятно, необходимостью сохранить размер или найти подходящую рифму...» Но вот мы раскрываем роман Достоевского «Братья Карамазовы» и читаем во второй главе слова Федора Павловича: «Простите, я последнее, о крещении-то Дидерота, сам сейчас присочинил...»

А как обстоит дело с фамилиями славянскими — русскими, украинскими, белорусскими, польскими, чешскими, — если они оканчиваются на гласную? Склоняются они или нет?

Да, как правило, склоняются. Но с некоторыми оговорками.

Вот, для примера, такие фамилии, как русская «Глинка», украинская «Гребенка», белорусская «Крапива́», польская «Сапе́га», чешская «Сме́тана»... Мы говорим «музыка Глинки», «стихи Гребенки», «басни Крапиви́», «войско Сапе́ги», «опера Сме́таны»... Чтобы убедиться в правильности этого утверждения, достаточно взглянуть на памятники Глинке в Ленинграде и в Смоленске, где на граните пьедестала четко выбито: «Михаилу Ивановичу Глинке».

Но уже с фамилиями на «ко» такого единства нет. Большинство из нас, к примеру, говорит «стихи Шевчен ко», но наряду с этим существует старинная форма «стихи Шевчен ка», а в разговорной речи встречается иногда форма «стихи Шевчен ки»...

А как быть с такой украинской фамилией, как «Шульга» (что, кстати, по-украински означает «левша»;

вспомним древнеславянское слово «шуйца»)? Здесь действует тот же «закон склоняемости». Я говорю: «Я учился с Шульгой», а не «я учился с Шульга», «я был в гостях у Шульги», а не «я был в гостях у Шульга» и т. д.

Когда в Доме творчества в Комарове жил покойный ныне писатель Виталий Бианки с женой, то, вспоминается, нередко говорилось: «Иду к Бианкам...» Следовательно, и фамилия «Бианки» (итальянская по происхождению) подчинялась в разговоре «закону склоняемости»...

Вывод: русскому языку свойственно склонение фамилий вообще, в том числе иностранных и иноязычных.

И не только фамилий...

* * *

Но прежде чем перейти к «закону склоняемости» в русском языке, хочется упомянуть об одном «новшестве», которое получило сейчас повсеместное распространение.

Разговор идет об исчезновении доброй русской традиции писать перед фамилией какого-либо лица его инициалы, то есть начальные буквы его имени и отчества, довольствуясь только одной начальной буквой его имени, например: «А. Петров», «Б. Сидоров», а не «А. А. Петров», «Б. М. Сидоров».

Русскому древнему обычаю (в отличие от зарубежных стран) свойственно называть не очень близко знакомого человека по имени и отчеству; следовательно, и при сообщении о нем в печати надо перед его фамилией ставить две буквы, а не одну. (Исключение можно иногда только делать при упоминании великих и всем известных фамилий, которые вообще можно не сопровождать инициалами; вспомним знаменитую эпитафию «Здесь лежит Суворов...»)

Итак, обозначение инициалов, повторяю, старый русский обычай, к которому мы (во всяком случае люди старшего поколения) привыкли с детских лет.

Нет никаких оснований менять эту традицию...

О „ЗАКОНЕ СКЛОНЯЕМОСТИ“

Всем образованным людям известно, что слова иностранного происхождения, кончающиеся на «о», не склоняются. К этим словам относятся: «пальто», «трюмо», «пианино», «депо», «метро» и т. д.

Но почему же с таким упорством склоняются они в просторечии? Почему нам нередко приходится слышать «в пальтё», «без пальтá» и даже множественное «пóльта»?..

Потому что так яснее и понятнее.

В самом деле. Возьмем для примера исконно русские слова, оканчивающиеся на «о», — с ударением как на последнем слоге, так и не на последнем: «письмо», «крыльцо», «сито», «дело», «озеро», «марево».

Все они, конечно, всегда склоняются.

И вот, когда в просторечии встречается такое «обрусевшее» слово, как «пальто», у некоторых появляется желание сказать: «без зимнего пальтá», «в новом лётном пальтё» и т. д.

(Еще раз прошу понять меня правильно: я не призываю к склонению слова «пальто», а только пытаюсь обосновать «закон склоняемости» в нашей разговорной речи...)

Но этот «закон» в какой-то степени распространяется не только на иностранные слова, кончающиеся на «о», но и на такие, в конце которых стоят другие гласные: «а» (боа), «е» (кофе), «и» (жюри), «у» (рагу), «ю» (меню).

И здесь, хотя и в небольшой степени, чувствуется «напор» рассматриваемого нами «закона».

Но тут надо иметь в виду следующее: русский язык

естественно стремится превратить в склоняемое (в целях большей ясности и понятности в разговорном употреблении) каждое слово чужого языка, которое он освоил. Чем шире распространение данного слова, тем скорее протекает процесс наращивания на него суффиксов словоизменения (а затем и словообразования). Именно поэтому демократическое «пальто» рвется в склоняемые, а куда более робкое «меню» как бы выдерживает напор «закона склоняемости». Помогает такой «выдержке» и фонетический облик слова: «пальто» находит себе образец в словах «сито» или «болото», а у «меню» такого соблазна нет...

Насчет склонения заимствованных слов в русском языке. Следует различать слова с ударным конечным звуком, например, с «а» (боа) и с безударным конечным «а» (пижа́ма). Последнее слово — английское, но индийского происхождения (pujamas) — стало широко склоняться по образцу «обрусевшего» слова «реклама»: «в полосатой пижаме», «без новой пижамы» и т. д.

«Кофе» — для удобства склонения — превратилось в просторечии в «кофий» и «кофей»: «я привык к кофию», «пойду за кофием», «распивать чай — кофей»...

Впрочем, этот вопрос требует некоторого уточнения: слова «кофей» (на слух) и «кофий» (по буквам) идут от голландского названия этого напитка («koffie»), а «кофе» — параллельное, более позднее заимствование, отражающее арабское слово «кахва» (от названия местности на юге Эфиопии — Каффа)...

Английское «кепи» быстро «обрусело», приобрело русский суффикс «к(а)» и превратилось в «кепку».

Вот «рагу» и «меню» держатся...

Впрочем, в моей «коллекции» исковерканных слов есть совершенно поразительный пример, уникальный для моей записной книжки.

Так, однажды в ресторане, где в меню значилось «рагу», посетитель, пришедший с женой и сыном, сказал официанту: «Три рага́!» Самое удивительное, что официант его моментально понял и принес три порции рагу...

И еще один пример, взятый из жизни и, пожалуй, такой же уникальный: недавно я услышал, как одна девушка сказала своей подруге: «Вчера я купила два трика́...»

Вот пример эволюции иностранного слова в силу всё того же «закона склоняемости»: слово «какао» быстро превратилось у одной особы (невысокого культурного уровня) в слово «какава», после чего она говорила, что «сменила кофий на какаву» и т. д., склоняя «какава», как «канава»...

А вот пример того, как слово давнего иностранного происхождения, кончающееся на «о», «официально» приобрело право склонения... в одном падеже!

Это слово — «эхо».

В древней Руси такого слова не существовало. Для обозначения всем известного акустического явления было слово «отгулье». «Эхо» — слово иностранное, греческое. Но оно так давно прижилось на Руси, прочно войдя в нашу речь и без остатка вытеснив «отгулье», что уж не кажется нам иностранным. И всё же оно до недавнего времени подчинялось правилам, которые существуют для слов «пальто», «трюмо», «пианино» и т. д., то есть не склонялось.

Пушкин писал:

«И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа...»

Никто, пожалуй, и сейчас не скажет: «Я здесь не слышу эха», «прислушайтесь к эху», «знаю об этом эхе», но почти все — и в прозе, и в стихах — говорят и пишут: «звучит далеким эхом», «отозвалось эхом» и т. д. Поэты любят даже рифмовать «эхом» со «сме-хом».

Итак, слово «эхо» приобрело один творительный падеж! Лет через пятьдесят, вероятно, оно приобретет и остальные...

* * *

Можно привести еще один очень яркий пример «закона склонения», когда ему — правда, тоже только в одном падеже — подчинилось... наречие!

«Не может быть! — скажет читатель-скептик. — Наречие никогда не склоняется...»

И всё же...

Что такое «завтра»? Наречие.

Склоняется ли оно?

Но прежде поговорим о самом этом слове...

Не вызывает сомнений, что «завтра» — это видоизмененное «за утро», «заутра». В современной бытовой речи последнее слово исчезло. Никто в наши дни не скажет, например: «Заутра мне надо платить за квартиру», да и в современной поэзии это слово можно встретить очень редко. Но в поэзии прошлого века «заутра» употреблялось часто. Достаточно вспомнить у Пушкина:

«Но решено: заутра двину рать!...»
(«Борис Годунов»)

«Блеснет заутра луч денницы...»
(«Евгений Онегин»)

«Заутра казнь. Но без боязни
Он мыслит об ужасной казни».
(«Полтава»)

И у Лермонтова:

«Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...»
(«Бородино»)

Но вернемся к наречию «завтра», несклоняемость которого кажется всем очевидной.

Так ли это?

Не случилось ли вам слышать, как школьники спрашивают: «Что задано к завтраму?»

«Но ведь это школьники, дети, — скажет сомневающийся читатель, — что с них спрашивать?..»

Допустим. А не приходилось ли вам слышать, как вполне взрослые дяди и тети говорят: «Надо приготовить к завтраму отчет...»

«Ну, это просторечие, а не литературный язык, — ответит тот же читатель-оппонент, — дайте пример литературного языка, что-нибудь из наших классиков».

Извольте.

Я подхожу к книжному шкафу и беру с полки том А. Н. Островского. Открываю «На бойком месте». Последнее действие. Аннушка говорит Миловидову: «...И умру к завтраму, ты уж мне поверь!..»

Беру другую книгу — рассказы А. П. Чехова. Читаю самый конец рассказа «Perpetuum mobile»: «... В карты

засели! — сказал он и махнул рукой. — Теперь до завтраго отсюда не выберемся...»

И, наконец, беру с полки том стихов Сергея Есенина и читаю стихотворение, написанное в 1919 году, которое начинается словами: «Всё живое особою метой...» Нахожу строки:

«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму всё заживет...»

Итак, если «завтра» и не склоняется полностью, то, как мы видим, может иметь родительный и дательный падежи, так же как «эхо» приобрело творительный.

Вывод: русскому языку свойственно склонение слов, свойствен «закон склоняемости»...

Ну, а как обстоит дело с этим «законом» в применении к названиям населенных пунктов?

Впрочем, об этом — в числе других вопросов — лучше поговорим в следующем разделе.

ЯЗЫК И НЕМНОГО ГЕОГРАФИИ...

Склоняются ли названия населенных пунктов? Как правильное говорить: «Я живу в Комарово» или «Я живу в Комарове»?

Тут прежде всего надо внести различие между языком военным и официально-административным, с одной стороны, и разговорно-бытовым, с другой.

Военный язык с давних пор — в интересах точности — знает несклоняемую форму названий: «восточнее Пулково», «севернее Саблаино» и т. д.

То же в языке железнодорожников и вообще транспортников.

При выезде из Зеленогорска в сторону Ленинграда мы видим на шоссе огромную надпись: «До Репино — 10 км».

В верхнем течении Невы имеются пристани «Овцыно», «Ивановское», «Отрадное», «Острова».

И опять-таки официальный язык знает: «билет от Ивановское до Овцыно», «проезд от Острова до Отрадного...»

В быту во всех приведенных случаях каждый скажет: «восточнее Пулково», «севернее Саблина», «до Репина», «от Ивановского до Овцына», «от Островков до Отрадного».

Вспомним строки из стихотворения Лермонтова «Бородино»:

«Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина...»

или письмо Чехова к Горькому от 9 мая 1899 года, написанное Чеховым по приезду в Мелихово: «Живу у

себя в Мелихове...», или стихотворение Маяковского «Дачный случай», которое он написал, приехав в подмосковное дачное место «Пушкино»:

«Я
нынешний год
проживаю опять
в уже
классическом Пушкине...»

Итак, в силу давней русской речевой традиции правильнее говорить: «Я живу в Комарове...»

И вообще русскому языку свойственно склонение названий населенных пунктов. Постараюсь подтвердить этот вывод примерами.

В Советском Союзе есть ряд городов и поселков с названиями во множественном числе: «Великие Луки», «Струги Красные», «Ново-Сокольники», «Лубны», «Шахты», «Котлы» и т. д.

Эти названия в разговорно-бытовой речи всегда склоняются: «в Великих Луках», «в Стругах Красных», «в Ново-Сокольниках», «в Лубнах», «в Шахтах», «в Котлах» и т. д.

Склоняются они и тогда, когда «множественное число» сомнительно, — например, при названиях «Кимры», «Лиски», «Тарханы»: «в Кимрах», «в Лисках», «в Тарханах».

Но в Советском Союзе существуют также иноязычные названия городов и поселков, по внешней форме схожие с нашим множественным числом, но по сути, конечно, не имеющие с ним ничего общего: «Ессентукй», «Друскёники», «Дубулты» и т. д.

Конечно, строго по грамматике, эти названия не должны склоняться. И всё же в быту все говорят: «В Ессентуках», «в Друскёниках», «в Дубултах»...

Более того. Подобное происходит даже с названиями иностранных городов, внешне похожими на наше «множественное число». Так, например, в очерке «Немного Финляндии» А. И. Куприн передает рассказ своего собеседника о японских детях: «Идет, представьте себе, по самой людной улице в Нагасаках этакий огарыш, лет пяти-шести...».

Я сам слышал, как один моряк говорил: «Наш корабль подошел к Салоникам...» А разве мы не говорим:

«Это было в Сиракузах», «Байрон умер в Миссолунгах»?

Значит, многие иностранные названия городов — «Нагасаки», «Салоники», «Сиракузы», «Миссолунги» и пр. — поддаются «закону склоняемости».

Многие, но не все. Никто не скажет про столицу Финляндии Хельсинки: «Я был в Хельсинках». И про французский курорт Виши не скажет: «Я приехал из Вишэй».

И никто не будет склонять названия советских городов «Тбилиси», «Боржоми», «Сухуми», «Батуми»... А вот с названием «Сочи» происходит любопытная эволюция: кое-кто стал склонять это слово по образцу слова «ночи»: «Я только что из Сочэй», «Побывал в Сочах» и т. д.

...В момент, когда я писал эти строки, пришло письмо от моей племянницы. Она пишет: «Сегодня я приехала в Алма-Ату...» Следовательно, в бытовой речи «Алма-Ата́» склоняется так же, как «Чита». Возможно, что скоро будут говорить «приехал в Алму-Ату».

Вот примеры, подтверждающие «закон склоняемости».

* * *

«Новгородщина»...

Откуда это? Раньше в такой форме говорили только про области Украины, что составляло национальную особенность украинской речи.

Позднее появились «Смоленщина», «Брянщина», «Орловщина»: украинская словесная форма названий территорий двинулась на север, в русские области.

Теперь в периодической печати встречаются «Новгородщина», «Рязанщина», «Тамбовщина» и даже «Архангельщина»...

Скоро, вероятно, появятся «Тульщина», «Калужщина», «Ярославщина» и т. д., а за ними — «Пермщина», «Свердловщина» и, наконец, «Ленинградщина» и «Московщина», что совершенно не имеет корней в русской народной речи...

Я рад, что в этом вопросе я снова могу сослаться на подтверждающее мнение Ф. В. Гладкова, который писал мне: «Вы указываете на слова с суффиксом «щин»: «Полтавщина», «Киевщина» и т. д. как на форму украинскую в названии территории. Это — верно. У нас же

эта форма сейчас воспринята некритически. Опять по незнанию русского языка».

В связи с этим можно отметить одно своеобразное языковое явление. Многие (но не все) слова с суффиксом «щин» обозначают бытовые явления и идейные течения с оттенком отрицательного отношения к ним (на что указывает и академическая грамматика): «барщина», «безалаберщина», «вкусовщина», «поповщина», «любовительщина», «патриархальщина», «кустарщина», «обломовщина», «белогвардейщина», «колчаковщина» и т. д.

Как мы видим, это «правило» соблюдается и в словах бытовых, и в исторических, и в словах, взятых из литературы...

* * *

«Оренбуржье»...

Это странное слово для определения Оренбургской области можно встретить в газетах и услышать по радио. Думаю, что это слово не родилось в недрах народного языка, а сочинено в недрах канцелярско-редакционных.

Что хорошо для «Поволжья», то не годится для «Оренбуржья». Во всяком случае никогда не существовало ни «Петербуржья», ни «Екатеринбуржья», ни «Ямбуржья»...

* * *

«Зеленоградск»...

Так назван маленький курортный городок (б. Кранц) в Калининградской области.

А почему не «Зеленоград»? Почему древнейшее русское слово «град» заменено искусственным, противоречащим духу русского языка словом «градск»? Ведь не существуют ни «Ленинградск», ни «Кировоградск», ни «Калининградск», ни «Волгоградск», а есть Ленинград, Кировоград, Калининград, Волгоград...

Откуда же взялся «Зеленоградск»? Использовать в данном случае модель на «ск» (Магнитогорск, Зеленогорск, Зеленодольск, Красноборск) можно было только будучи глухим к русскому языку: ведь одно дело слова «гора», «дол», «бор», требующие окончания «ск» в названиях городов, и совершенно другое дело — слово «град», абсолютно не требующее окончания «ск»...

У нас сохранились некоторые совершенно нелепые географические названия, доставшиеся нам по наследству от прошлого. Например: «Голодная степь». Наименование — нетерпимое ни по форме, ни по содержанию... Теперь появился еще и «Голодностепский канал» (1)

Неужели нельзя найти этой преобразованной территории и этому величественному сооружению достойные названия?

***

«Ставропольский край»...

Это ударение на «по» мы постоянно слышим по радио.

А почему не «Ставропольский», ведь город называется «Ставрополь»? Или — если в этом случае ударение слишком удалено от окончания — «Ставропольский»?

Ведь окончание в названии города «Ставрополь» происходит от греческого слова «пблис» (город), а не от русского «пбле»!.. А окончание «поль» (от «полис») никогда не произносится под ударением: «Севастополь», «Симферополь», «Ольвиополь», «Мелитополь» и т. д.

Откуда же «Ставропольский край» и «Ставрополье»? Ведь никто же не скажет «Севастопольский район», а только «Севастопольский»...

Почти все наименования русских городов с окончанием «поль» составлены из греческих слов при заселении Новороссии во второй половине XVIII века и имеют на греческом языке свой смысл: «Севастополь» — «величественный» или «священный» город, «Симферополь» — «сплоченный» город, «Мелитополь» — «медовый» или «пчелиный» город, «Ставрополь» — «крестовый» город и т. д.

С названиями этих городов не следует путать названия, составленные из русских слов, где окончание «поль» — сокращенное русское «поле»; например, Чистополь образовался из села «Чистое поле», город Каргополь — из поселения «Каргополе» и т. д. Некоторые города сохранили в своем названии слово «поле» полностью: например, города «Лодейное Поле», «Гуляй-Поле».

Во Владимирской области есть город, официально именуемый «Юрьев Польский» («Атлас СССР, 1954 г.»).

Но название города не имеет никакого отношения к братскому польскому народу, а происходит также от русского слова «поле». И в народе именуют его «Юрьев Польской».

Вот те примеры, когда хранителем чистоты русского языка выступают не солидные издания, не радио, а живой «просторечный» язык...

* * *

Как называются жители отдельных городов?

По-разному. В Москве живут москвичи, в Ленинграде — ленинградцы, в Киеве — киевляне, в Минске — минчане, в Курске — куряне, в Перми — пермяки, в Архангельске — архангелогородцы, в Омске — омичи, в Туле — туляки, в Одессе — одесситы, в Тамбове — тамбовцы и т. д.

Эти наименования существуют сотни лет.

Однако за последнее время появилось стремление (усердно насаждаемое газетами и по радио) «стричь всех под одну гребенку», то есть стараться всюду внедрить суффикс «чан». Так появились «мурманчане», «горьковчане», «свердловчане», «кировчане»...

А почему не «мурманцы», «горьковцы», «свердловцы», «кировцы»? Ведь никто не говорит «саратовчане», «астраханчане», «казанчане», «куйбышевчане»?! И о жителях молодого города Чехова никто не скажет «чеховчане»...

Здесь будет весьма уместным вспомнить следующие строки С. Н. Сергеева-Ценского: «Как объяснить такое: Тургенев был орловцем, я на заре туманной юности — тамбовцем; теперь же мы с Тургеневым стали: он — орлов-чан-ин, а я — можете представить себе — тамбов-чан-ин! И я готов спросить кого угодно: не знаете ли, в какой бондарной мастерской сработаны эти неуклюжие «чаны»?»

Почему «харьковчане» и «ростовчане», а не «харьковцы» и «ростовцы»? Если в доказательство правомерности первой формы мне укажут на песню о «тачанке-ростовчанке», которая существует лет тридцать, то я сошлюсь на русскую фамилию «Ростовцев», существующую столетия. Ведь «Ростовцев», а не «Ростовчанинов»!.. Да и вообще лет пятьдесят тому назад я слышал

только «харьковцы» и «ростовцы». В самом деле. Если существуют «тамбовцы», «черниговцы», «львовцы», «львовцы», и «гдовцы» — почему должны исчезнуть «ростовцы»? Впрочем — увы! — вместо «львовцев» уже появились... «львовяне»!

Хотелось бы по этому поводу услышать мнение самих жителей двух городов, носящих название «Ростов», а также г. Харькова. (Один читатель задал мне «ехидный» вопрос: «А почему мы говорим «англичане» и «датчане», а не «английцы» и «данийцы»? Я ответил: «Потому же, почему мы говорим «бельгийцы» и «индийцы», а не «бельгичане» и «индичане»...)

За последнее время появились еще и «полтавчане». Почему? Ведь сотни лет существовали «полтавцы»... Доказательство? Думаю, что будет достаточно одной «Наталки Полтавки»...

До какой нелепости можно дойти в этом направлении, показывают слова «муромчане» и «муромляне», которые появились как наименования жителей древнего города Мурома, хотя в народной памяти живет великий предок и земляк современных «муромчан» — славный русский богатырь Илья Муромец!

В заключение отмечу, что стремление пристегивать «чане» к жителям разных городов не ограничивается пределами нашей страны. Недавно в одном нашем журнале я прочитал корреспонденцию из югославского города Дубровника, жителей которого журналист именует «дубровчанами».

Ну, что ж! Подождем появления «лондончан» и «берлинчан»...

* * *

«На Москве-реке» или «на Москва-реке»?

Правильная форма только первая...

Почему? Попробуем разобраться.

Прежде всего о составных словах вообще. Возьмем официальные названия должностей: «премьер-министр», «генерал-лейтенант», «инженер-механик», «шеф-повар» и т. д. Во всех этих составных словах склоняется только второе слово: «у премьер-министра», «от генерал-лейтенанта», «к инженер-механику», «с шеф-поваром» и т. д. (Однако всё это не непреложно: можно, например, сказать и «к инженеру-механику».)

Это — в отношении людей. А как обстоит дело с изодушевленными предметами? Например, с историческими памятниками старины?

Вспоминаю «хрестоматийные» строки полувековой давности:

«Кто царь-колокол поднимет?
Кто царь-пушку повернет?»

И здесь склоняется только второе слово. Это естественно. Не скажешь же «царя-пушку»!

Вспоминаются еще строки:

«Отыщу я до зарницы
Перстень красной царь-девицы...»

И здесь, конечно, не скажешь «красного царя-девицы»! Откуда, кстати, эти стихи? Из ершовского «Конька-Горбунка». Ага! Мы говорим «Конька-Горбунка», а не «Конёк-Горбунка»; значит, здесь склоняются оба слова!

Попробуем обратиться к вечному кладезю мудрости, к чистому роднику русского языка — к нашим народным сказкам. И сразу вспоминаем о «скатерти-самобранке» (а не о «скатерьть-самобранке»), о «сапогах-сороходах» (а не о «сапоги-сороходах»), о «бабе-яге» (а не о «баба-яге»)...

Переберем в памяти множество сказочных образов, состоящих из двух или нескольких слов: кроме «жар-птицы» и «разрыв-травы», мы не найдем ни одного примера несклоняемого первого слова.

Вывод: склоняемость обоих слов более свойственна русскому языку, хотя в наименованиях должностных лиц мы встречаем и обратное. (Вероятно, потому, что все эти слова — «премьер», «генерал», «инженер», «шеф» — явно иностранные.)

Ну, а как обстоит дело с географическими составными названиями?

Среди них есть наименования разной формы и «прочности» слитности.

1. Наименования из двух слов, прочно слившиеся в одно. Вспомним многочисленные озера Карелии: «Сям-озеро», «Ведлозеро», «Кимасозеро» и т. д. Здесь и произношение, и написание абсолютно слитны, и о самостоятельном склонении первого слова не может быть и речи.

2. Есть составные названия, которые хотя и пишутся не слитно, а через дефис, но тоже являются прочно слитыми с несклоняемым первым словом: «Китай-город», «Медведь-гора», «Сапун-гора»,

Вспомним у Лермонтова:

«У Казбека с Шат-горою
Был великий спор...»

3. И есть, наконец, составные названия, обе части которых склоняются. Таковы словосочетания, состоящие из собственного названия и слова «река»: здесь родовое понятие «река» не сливается с собственным наименованием, как это мы видели в примерах со словом «озеро», здесь собственное название реки может употребляться отдельно, имея самостоятельное значение. Мы можем сказать «на Волге-реке», «на реке Волге» и просто «на Волге»: города «Волга» нет, и никакой словесной путаницы произойти не может. Так же мы говорим «на Каме-реке» и «за Сестрой-рекой» (рекой под Ленинградом, на которой стоит город Сестрорецк) и т. д.

Но с такими реками, как Москва или Луга, дело обстоит сложнее: ведь есть город Москва и река Москва, город Луга и река Луга. Тут для ясности после собственного имени «Москва» добавляется слово «река», но слияния двух слов в одно не достигается, почему и требуется склонение обоих слов.

Об этом уже много писалось. В известной статье Федора Гладкова «О культуре речи», напечатанной в журнале «Новый мир», автор пишет: «В свое время мне удалось добиться склонения «Москвы-реки»...

Еще раз приходится возвращаться к вопросу о «Москве-реке» только потому, что некоторые современные поэты не хотят расставаться с излюбленной рифмой «Москва-реки — фонарики» и даже с рифмой «взявшись за руки — вдоль Москва-реки»!

(Дабы восполнить брешь в их поэтическом хозяйстве — предлагаю в обращение рифмы «Москвы-реки — лирики, сатирики, панегирики, эмпирики»...)

А для того чтобы окончательно подкрепить свои слова примерами из классики, я приведу ряд цитатных доказательств.

И прежде всего сошлюсь на древнюю летопись об

основании Москвы Юрием Долгоруким: «Юрий взыде на гору и обозре очима своими семо и овамо, по обе стороны Москвы-реки и Неглинной, и повелел сделать там древян град...»¹

Теперь перейду к примерам из русской классической литературы, а также из произведений наших современных писателей (разрядка везде моя. — Б. Т.):

1. «Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе...»

(М. Ю. Лермонтов. *«Песня про купца Калашникова»*)

2. «Мы расстались с молодым человеком у Дорогомиловского моста на Москве-реке, а встречаемся на берегу Оки-реки».

(А. И. Герцен. *«Записки одного молодого человека»*)

3. «Зачем, кажется, было будочнику находиться на берегу Москвы-реки!»

(И. С. Тургенев. *«Первая любовь», гл. XXI*)

4. «В великий пост мы на Москве-реке
Еще с тобою встретимся на славу...»

(А. К. Толстой. *«Царь Федор Иоаннович». Действие 2-е*)

5. «И придется тебе бежать на Каменный мост да бросаться в Москву-реку».

(А. Н. Островский. *«Свои люди — сочтемся». Действие 4-е. Явление 3-е*)

6. «Дом Григорьевых с постоянно запертыми воротами и калиткою на задвижке находился за Москвой-рекой на Малой Полянке».

(А. А. Фет. *«Ранние годы моей жизни»*)

7. «Ваше письмо получено мною уже на новой квартире. Квартира моя за Москвой-рекой».

(А. П. Чехов. *Письмо Н. А. Лейкину. Собр. соч., т. 11*)

8. «У нас на Москве-реке этот способ называется ловлей на тюкалку».

(М. М. Пришвин. *Очерк «Москва-река» из книги «Лесной хозяин»*)

---

¹ Цитировано по книге В. Назаревского «Из истории Москвы». М., 1914.

9. «Петр Максимович вышел из Кремля, спустился к Москве-реке и пошел по набережной».

(К. Г. Паустовский. *«Повесть о лесах»*. Собр. соч., т. 2)

10. «Во Москве-реке
карась

смотрит

в дырочку сквозь грязь...»

(В. В. Маяковский. *«Немного утопии про то, как пойдет метрошка»*. 1925)

Примеры можно умножить. Думается, что и этих десяти достаточно.

Наши ученые-языковеды Д. Н. Ушаков, С. И. Ожегов и другие указывают, что надо говорить «на Москве-реке».

Будем надеяться, что вопрос этот можно считать исчерпанным...

* * *

Хотя вопросы этимологии, то есть происхождения слов, не входят в прямую задачу этой книги, однако они стоят очень близко к нашей теме.

Почему, например, мы говорим «Париж»? Ведь сами французы называют свою столицу «Парí», англичане — «Пéрис», немцы — «Парíс».

А вот почему.

О существовании Парижа древняя Русь впервые узнала не от французов, а от итальянцев, с которыми мы издавна поддерживали торговые сношения. А итальянцы называют французскую столицу «Париджи». Отсюда — следуя итальянскому произношению — и мы стали называть этот город «Париж».

ПОГОВОРИМ О НАЗВАНИЯХ УЛИЦ...

Вопрос этот не нов и привлекал уже внимание нашей общественности, однако стоит вернуться к этой теме хотя бы потому, что она касается быта всего нашего взрослого населения, то есть десятков миллионов людей.

Название улицы — это довольно значительная область культуры быта, связанная и с историей всего народа, и с памятью великих событий и людей прошлого, и с историческими событиями отдельных городов, и с народными обычаями, и с историей языка, и с географией родной страны...

Ведь такие названия, как «Красная площадь» в Москве, «Невский проспект» в Ленинграде и «Крещатик» в Киеве — это не просто наименования улиц и площадей, а славные страницы истории нашего великого народа, памятники нашей старины, вехи нашего исторического пути. И если мы бережно охраняем исторические памятники архитектуры, то как же нам не охранять памятники языка нашего народа, выраженные в названиях улиц, площадей, набережных?

Но название улицы, кроме исторически-мемориального значения, должно отвечать одному необходимому условию: оно должно быть удобным для населения, то есть в первую очередь — кратким.

Что это значит — «кратким»?

А то, что название «Советская улица» или «Октябрьская улица» удобнее для населения, чем, например, название «Улица памяти Революции 1905 года» (есть такая улица в Москве), и название «Комсомольская улица» удобнее, чем «Улица имени 30-летия ВЛКСМ»

(есть такая улица в Кировске), а «Башенная улица» удобнее, чем «Улица Сторожевой Башни» (есть такая улица в Выборге).

Возьмем пять названий улиц:

Ул. имени А. С. Пушкина.

Ул. имени Пушкина.

Ул. А. С. Пушкина.

Ул. Пушкина.

Пушкинская улица.

Какая форма (подчеркиваем это!) названия наиболее соответствует духу русского языка, строю народной речи, народной традиции, истории и, наконец, привычке и удобству населения, то есть народа?

Последняя: «Пушкинская улица».

Почему? Постараемся это доказать...

Вполне естественно желание народа связать имя великого и дорогого ему человека с названием улицы, что является своеобразным памятником, однако для великого имени нет совершенно никакого умаления, если это название будет изложено по возможности кратко и в той форме, которая соответствует русской исторической традиции и строю русского языка. В стремлении к краткости — следовательно, и к удобству населения — нет абсолютно ничего предосудительного.

Прежде всего заметим, что в быту почти никогда не произносится и полностью не пишется слово «улица». В разговорном языке это слово пропускается как само собою разумеющееся, а в письме превращается в «ул.».

В самом деле. Никто не скажет: «Я живу на углу Невского проспекта и Садовой улицы», а просто: «Я живу на углу Невского и Садовой». И не удивительно, что именно этот угол, который более двадцати лет именовался «Угол проспекта 25-го Октября и улицы 3-го Июля», снова, по воле народа, превратился в угол «Невского и Садовой».

Так же не мог долго просуществовать в Ленинграде «Угол улицы Красных Зорь и Первой улицы Деревенской Бедноты»...

Право же, «Кировский проспект» в общеречии просто «Кировский» — гораздо жизненнее, проще и удобнее, чем «Улица Красных Зорь».

И уж совсем искусственным и нежизненным явля-

лось название, существовавшее до самого недавнего времени в Ленинграде: «Улица Красной площади» (?)

Заметим, кстати, что совершенно неправильным является наблюдаемое иногда стремление писать слово «улица», то есть фактически «ул.», впереди названия, например, «Ул. Социалистическая», а не «Социалистическая ул.».

Некоторые считают обязательное упоминание слова «имени» при названиях улиц более парадным и торжественным.

Так ли это? Разве прекрасное наименование «Ленинские горы» звучит менее величественно, чем «Горы имени Ленина»?

Конечно нет!

А чем не парадно звучат «Пушкинская улица», «Лермонтовский проспект», «Гоголевский бульвар», «Суворовская площадь», «Пироговская набережная»?

Для чего же добавлять «имени»? Для ясности? Но ведь никто же не подумает, что, например, «Улица Глинки» означает принадлежность всех домов на этой улице одному Глинке?! (Это, между прочим, случалось в дореволюционные времена; «Горсткаина улица» в старом Петербурге была названа так потому, что все дома на этой улице принадлежали капиталисту Горсткому.)

Итак — наиболее удобная форма названия улиц-памятников именно такая: «Тургеневская улица», «Репинская улица», «Разинская улица». Поэтому всячески надо приветствовать (и взять себе за образец) наименования новых проспектов в Москве: «Ленинский проспект», «Ломоносовский проспект», «Кутузовский проспект»...

Недавно в ряде городов переименованы улицы в честь летчика-героя, первого космонавта Юрия Гагарина. И опять появилась «Ул. имени Юрия Гагарина». А ведь «Гагаринская ул.», право, лучше! И, конечно, всем будет ясно, о каком Гагарине идет речь...

Ну, а как быть с улицами, которые связаны с такими фамилиями великих людей, как Чернышевский, Дзержинский, Маяковский?

Вот тут, пожалуй, надо оставить форму «проспект Чернышевского», «площадь Дзержинского», «улица Маяковского»... Ведь если дать название «Чернышевский проспект» или «Маяковская улица», то это будут

улицы, названные не в честь Чернышевского и Маяковского, а в честь каких-то никогда не существовавших Чернышева и Маякова...

Впрочем, тут уместно будет вспомнить, что одна из книг Маяковского называлась «Маяковская галерея» и что имеющиеся в Ленинграде улицы Чайковского и Жуковского в быту очень часто называют «Чайковская» и «Жуковская». Таков неписанный закон русского языка...

Любопытно отметить, что в некоторых случаях этот «закон» победил официально: в Москве есть станция метро «Маяковская», а в Ленинграде — станция метро «Чернышевская».

Но почему я так долго останавливаюсь на этом вопросе?

А вот почему.

Прислушайтесь к разговорам в автобусе, троллейбусе и трамвае:

«Вы выходите на Каляева?» — «Нет, я на Пестеля...»

«Вы — на Гоголя?» — «Нет, я на Герцена...»

А иногда приходится слышать и такое: «Я выхожу на Марате»...

Однажды в Ленинграде на Кировском проспекте недалеко от площади Льва Толстого я случайно в разговоре двух студентов услышал: «Выйдем на Льва...»

А уличные разговоры?

«Пойдите по Салтыкова-Щедрина, поверните на углу Радищева и по Некрасова дойдете до Чехова...»

Один современный поэт даже написал в стихах:

«На Маяковского я вышел...»

* * *

Некоторые считают наиболее удобными порядковые, номерные наименования улиц, по примеру линий Васильевского острова, Советских и Красноармейских улиц в Ленинграде или Тверских-Ямских и Звенигородских улиц в Москве.

Оставим истории существующие — весьма немногочисленные — номерные названия улиц и отнюдь не будем подражать таким названиям, которые имеются в г. Калинин: «1-я ул. за линией Октябрьской жел. дор.», «2-я ул. за линией Октябрьской жел. дор.» и так далее — до пяти.

Улицы должны иметь свои названия, а не обозначаться номерами. В нашем прекрасном, богатейшем языке всегда найдется множество слов для красивых, звучных, ясных (и кратких) наименований, связанных с любовью к нашей Родине и ее лучшим людям.

* * *

А должно ли название улицы быть благозвучным?

Безусловно. Тем более, когда это старое название напоминает о тяжелом дореволюционном прошлом или просто звучит некрасиво и грубо...

Приведу пример только по одному Ленинграду, где прежний «Остров Голодай» стал «Островом Декабристов», «Грязная ул.» — «ул. Яблочкова», «Жеребятьевский пр.» — «ул. Лазо», «Тюремный пер.» — «пер. Матвеева», «Краснокабацкое шоссе» — «Южным», «Мерзавина ул.» — «ул. Федосеенко», «Таракановская ул.» — «ул. Циолковского», «Дребезгова ул.» — «Цимлянской», «Дунькин пер.» — «Крестьянским», «Сукин пер.» — «Рыбинской улицей»...

Думается, что этому примеру надо последовать и другим городам, где еще сохранились улицы «Гнилая», «Черная», «Непролазная», «Трактирная» или «Ухабная».

* * *

Ну а с каких позиций — исторических или эстетических — должны сохраняться такие названия улиц и переулков, как «Скотопрогонная», «Выползов», «Зачатьевский» — в Москве, «Каменнодробильная», «Поперечная», «Короткая» — в Калинин, «Смолоперегонная» и «Рудопромывочная» — в Магнитогорске, «Индивидуальный пер.» — в Вологде? Ведь все эти названия или нелепы, или странны по смыслу, или громоздки и труднопроизносимы.

* * *

Следует отметить, что при выборе названий улиц многие городские Советы проявляют чрезвычайно мало выдумки, фантазии, совершенно не используя возможности нашего богатейшего языка.

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на примеры Москвы и Ленинграда.

Конечно, «Октябрь» — это великое слово, но едва ли необходимо иметь в Москве кроме «Октябрьской площади», «Улицы 25 Октября» и «Октябрьского проспекта» еще «Октябрьскую улицу», «Октябрьский переулок», «Октябрьское шоссе» и десять (!) «улиц Октябрьского поля».

Кроме того — шестнадцать (!) «Школьных улиц» и — в одном Дзержинском районе — несколько улиц «Ботанических», «Железнодорожных» и две «Зеленые»...

А наряду с этим более пятисот магистралей и проездов в Москве вообще не имеют названий!

Не «отстает» и Ленинград, где значатся пять «Полевых улиц», «Полевая аллея» и несколько «Полевых дорог» и «Полевых переулков»...

Сохранились в Ленинграде и улицы с такими странными названиями, как «Графская» и «Губернская».

Пора навести порядок в наименовании наших улиц...

* * *

Но с переименованиями — и не только улиц — надо быть очень осторожными, руководствуясь мудрой народной пословицей: «Семь раз примерь, один отрежь...»

Что эта мудрость не соблюдается — свидетельствует переименование в Москве магазина «Детский мир» (на редкость милое и удобное во всех отношениях название!) в «Универмаг детской одежды имени Сорокалетия пионерской организации»...

* * *

Ну, раз мы отошли от названий улиц и упомянули название магазина, я позволю себе сделать еще одно отступление от основной темы и поговорить о названиях... пароходов! Ведь эти названия по своей сути имеют часто большое сходство с названиями улиц и площадей, так как часто тоже являются словесными памятниками знаменитых, известных или достойных внимания народа людей и событий или отдельных городов, рек и местностей нашей Родины.

Но всего лучше пояснить мою мысль примером.

Летом 1960 года я совершил путешествие по Волге на теплоходе «Урал». Когда наш теплоход входил в многочисленные волжские шлюзы, он, как правило, входил

туда не один, а в «компании» двух-трех других пароходов, после чего движение в шлюзе регулировалось по радио примерно так: «Такому-то пароходу — вперед! Такому-то — стоять у левой стенки! Такому-то — встать к правой стенке!» — и т. д.

И вот однажды вместе с нашим «Уралом» в шлюз вошло нефтеналивное судно «40 лет Татарской АССР». Можно себе представить, как удобно было здесь многократно упоминать название этого судна!

И невольно я подумал, насколько удобнее для кораблей названия, состоящие из одного слова, и насколько неудобны сложные, многословные названия... Неужели эта мысль не приходила в голову тому, кто дает названия новым кораблям? Ведь название «Татария» в данном случае так же отражало бы нашу любовь и уважение к близкой нам всем сестре-республике и было бы несравненно удобнее во всех отношениях (для пассажиров, для связи, для служебной переписки и т. д.).

Вот о чем хотелось поговорить в порядке отступления.

Однако пора вернуться к основной теме...

* * *

В заключение хочется поднять вопрос: почему мы так редко называем улицы по наименованиям стран народной демократии, наших братских республик и городов нашей необъятной Родины? Какие прекрасные названия улиц: «Китайская», «Польская», «Чехословацкая», «Болгарская», «Венгерская», «Румынская»...

Или: «Пекинская», «Пражская», «Варшавская», «Бухарестская»...

Или: «Украинская», «Белорусская», «Казахская», «Узбекская», «Эстонская», «Литовская», «Молдавская»...

Или: «Московская», «Ленинградская», «Киевская», «Минская», «Рижская», «Казанская», «Ереванская», «Ташкентская», «Таллинская»...

Такие названия полны глубокого смысла, укрепляют дружбу народов, удобны для населения и вполне соответствуют духу и строю русского языка.

Больше внимания вопросу о названиях улиц!

ЯЗЫК И НЕМНОГО ИСТОРИИ...

«...Бурбон я был ужаснейший!..»

Так характеризует себя, в период службы молодым офицером, Митя Карамазов у Достоевского.

«В его художничьей натуре
Какой-то странный Вавилон:
Он генерал в литературе,
А в философии — бурбон!..»

Такую эпиграмму, направленную против Льва Толстого, написал в 1868 году поэт Николай Щербина.

«Если у вас здоровые кулаки и бычье горло, то, думаете, я боюсь вас? А? Бурбон вы этакий!..»

Так выражает свои чувства по отношению к «нестарому помещику» Смирнову «вдовушка с ямочками на щеках» — помещица Попова в шутке Чехова «Медведь».

Вспомним, наконец, что известный поэт-сатирик середины прошлого века Минаев писал одно время под псевдонимом «Бурбонов», и зададим себе вопросы: а почему, собственно, фамилия французских королей стала нарицательным именем для грубого солдафона? Для этого, пожалуй, больше подошли бы прусские Гогенцоллерны с их казарменным культом Фридриха II? Почему слово «бурбон» — в этом смысле — возникло только в начале XIX века, когда Бурбоны существовали во Франции как короли еще с конца XVI века? И почему, наконец, фамилия французских королей нашла себе широкое применение как олицетворение грубого военного служаки и в русском разговорном языке и в русской литературе?

Некоторую — правда, небольшую — ясность вносит

Тургенев, который в повести «Петушков» пишет о майоре, командовавшем гарнизоном в городе О.: «Он принадлежал к числу так называемых «бурбонов», т. е. выслужившихся солдат».

Но опять-таки возникает вопрос: какая связь между этим «бурбоном» и, например, Людовиком XIV? Почему этот российский майор именовался на французский манер?

А вот почему.

Когда после окончательного падения Наполеона в 1815 году произошла так называемая «реставрация Бурбонов» и на французском престоле утвердился представитель этой династии — брат казненного Людовика XVI престарелый Людовик XVIII, он, желая иметь опору в армии, еще проникнутой культом Наполеона, специальным приказом произвел в офицеры весь унтер-офицерский состав.

Вот их-то — вчерашних выслужившихся солдат — французская аристократия и прозвала «бурбонами».

Любопытно отметить, что в самой Франции слово «бурбон» в вышеуказанном смысле вскоре забылось, а в России, куда оно перекочевало из Франции, прочно вошло в разговорную речь и в литературу.

* * *

«Он, как Спиноза, промеж ног проюркнул...»

«Я не Спиноза какой-нибудь, чтоб выделять ногами кренделя...»

Что это за фразы? И откуда они?

Первая — из рассказа Лескова «Шерамур», а вторая — из пьесы Чехова «Свадьба»...

Но о каком Спинозе идет речь? Неужели знаменитый голландский философ-материалист XVII века приводится здесь как пример юркого человека и любителя поплясать? И почему он проник в таком странном качестве в наше просторечие, отраженное в русской литературе? Короче — что это за «Спиноза»?

Я давно заинтересовался этим вопросом, но разобратся в нем было довольно трудно, так как ни в собрании сочинений Лескова, ни в собрании сочинений Чехова упоминание имени «Спиноза» не было объяснено в примечаниях.

Ясно было только одно: этот вопрос имеет отношение к цирку или к акробатическому танцу, а следовательно, к истории хореографии.

Ответ я получил от балетоведа В. М. Красовской, которая сообщила мне, что у Лескова и Чехова имеется в виду популярный гротесковый танцовщик Леон Эспиноза, испанец по происхождению, который служил в 1869—1872 годах в балетной труппе Большого театра в Москве, имея огромный успех у публики, особенно у посетителей «райка»... Вот этот самый Эспиноза, превратившись в «Спинозу», и вошел в мещанскую речь в 70—90-е годы XIX века, пока не был забыт новым поколением. Судя по тому, что пьеса «Свадьба» была написана Чеховым в 1899 году, это произошло не так скоро.

Конечно, комический балетный артист Леон Эспиноза не может претендовать на то, чтобы считаться исторической личностью, всё же его переделанное имя настолько прочно бытовало в разговорной речи, что вошло в произведения двух наших классиков. А именно это и дает ему право попасть в эту книгу в раздел «Язык и немного истории...» Здесь мы видим яркий пример того, как имя собственное — хотя и в переделанном виде и временно — может стать нарицательным...

* * *

Гораздо чаще встречается другое явление, когда фраза или слово одного языка превращаются в новое слово другого — в данном случае русского — языка, что, впрочем, вызывает сомнения и споры.

Вот, к примеру, слово «лебезить». Преображенский считает происхождение этого слова неясным, но склоняется к его родству с украинским словом «лабзѧ́», что означает «попрошайка».

Впрочем, можно встретить и другое объяснение, о котором Преображенский говорит как о предположении Гилярова («Радуга», 1885) и называет его «любопытным объяснением». Суть его в переделке немецкой фразы «*liebe Sie*» (либе зи) — «люблю вас», несомненно бытовавшей в кругах немецких ремесленников и военных людей, понаехавших в Россию при Петре I.

Я слышал об этом происхождении слова «лебезить» еще с детства...

Любопытный след оставили в нашем языке и те французы, которые представляли собой жалкие остатки наполеоновской армии в конце Отечественной войны 1812 года: ведь «шаромыжник» — это видоизмененное «cher ami» (шэр ами) — «дорогой друг» — слова, с которыми обращались голодные и оборванные французские солдаты к русскому населению, а «шваль» — это «cheval» (шваль) — «лошадь», что дает представление о состоянии остатков французской конницы в самый последний период пребывания французов на русской земле.

Рассказывают, что слово «шантрапа» — тоже французского происхождения и получило свое начало от слов «chantera pas» (шантра па), что означает «не будет петь»...

Так якобы говорил какой-то знаменитый французский учитель пения, приглашенный в имение русского богатейшего вельможи-помещика, пожелавшего создать хор из крепостных мальчиков. Француз, проверяя слух и голоса будущих певцов, про всех негодных для этого занятия говорил по-французски «не будет петь», после чего их уводили, как какую-то «шантрапу».

Вот отсюда и пошло слово «шантрапа» в нашем понимании.

Такое объяснение, конечно, любопытно, но требует тщательной проверки.

Впрочем, это не входит в задачи настоящей книги: нам следует вернуться к нашей основной теме.

**ЯЗЫК
И НЕМНОГО
МИФОЛОГИИ...**

Какое отношение имеет этот раздел к книге о языке?

А вот какое: недавно я услышал, как один человек с высшим образованием (инженер) сказал про радио в соседней квартире: «Орет с утра, как марафочская труба...»

И я подумал: если человек путает «марафонский бег» с «иерихонской трубой» — зачем он позволяет себе в речи такие исторические и мифологически-библейские пассажи?

Цель этого небольшого раздела — вызвать у читателя интерес к мифологии и предостеречь от неудачных и невежественных выражений в разговоре...

* * *

Однажды в оперном театре, где шел «Евгений Онегин», во время антракта мне случайно довелось услышать часть разговора двух девиц:

«Не понимаю: дуэль происходит зимой, а Ленский поет, что память о нем «поглотит медленное лето...» — «Чего ж тут не понимать: он знает, что Ольга девушка легкомысленная, до лета она его еще будет помнить, а пройдет лето — и Ольга его забудет. Ведь летом главным образом все увлечения происходят...»

И я понял, как далека таинственная подземная река забвения Лета, да и вся мифология от сознания этих девушек.

Наши современники, особенно молодежь, вообще имеют весьма слабое представление об античной мифо-

логии. Они получают о ней лишь отрывочные сведения в средних классах школы на уроках истории.

Пойдите в Эрмитаж в воскресенье (когда там полно посетителей), и вы убедитесь, что для очень многих остается совершенно непонятным огромное количество мифологических сюжетов (а еще в большей степени — библейских, которые являются той же мифологией: ведь между подвигами Геркулеса, например, и подвигами Самсона нет, в сущности, никакой разницы).

Не так обстояло дело лет сто—полтораста тому назад. Вспомним, как насыщена образами классической мифологии, например, поэзия Пушкина. Вот одно его стихотворение — «Прозерпина»:

«Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат,
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из Аида бога мчат...»

Вряд ли современный читатель, даже с достаточным общим образованием, поймет все строки этого стихотворения без комментария!

И всё же множество идиоматических выражений, взятых из античной мифологии (а равно и из библейских сказаний и речений), встречается в нашем современном разговорном языке. Многие ораторы любят употреблять их, иногда не давая себе труда вникнуть, что, собственно, означает то или иное выражение и по какому поводу оно возникло.

Вот некоторые выражения и отдельные образы из античной мифологии, которые живут в нашей речи (беру первые вспомнившиеся): «муки Тантала», «сизифов труд», «дамоклов меч», «прокрустово ложе», «авгиевы конюшни», «ариаднина нить», «титанический труд», «ахиллесова пята», «яблоко раздора», «Пегас», «Парнас», «музы», «цербер», «фурия»...

А вот из библейской мифологии: «вавилонское столпотворение», «иерихонская труба», «козел отпущения», «тридцать сребреников», «путь в Дамаск», «валаамова ослица», «соляной столб», «иоцелуй Иуды», «Фома неверующий», «Голлиаф», «Голгофа»...

Думается, что со временем количество таких выражений уменьшится, так как смысл их станет непонят-

ным. Да и теперь иные употребляют подобные выражения в исковерканном виде, не вникая в их первоначальный смысл. Это хорошо показал А. Н. Толстой в «Хмуром утре». Один из персонажей романа Левка Задов говорит: «Если ты, сволочь, будешь мне еще врать, я с тобой сделаю, что Содомы не делал с Гоморрой...»

А один читатель сообщил мне, что он слышал, как его соседка по квартире говорила: «На рынке что делается! Ну, прямо садовый гомор!»

Вот во что могут превратиться библейские Содом и Гоморра!

ЯЗЫК И ДЕТИ¹

«Ну что ты, Валерка, всё около мамы да около мамы: иди к папы!»

Так говорила молодая мать своему двухлетнему сыну. Будучи сама не в ладах с грамматикой, она «с молоком матери» передала свое презрение к падежам сынку-несмышленишу, который инстинктивно видя в матери авторитет, старательно повторял: «к папы!..»

А когда приходил с работы отец и, повозившись с сыном, начинал во время обеда разговор с матерью, маленький Валерик, прислушиваясь к этому разговору и ничего не понимая, старался запомнить совершенно непонятные слова и фразы: «иду я по коридору мимо лабалатории...», «в булгахтерии мне сказали...» и т. д.

Иногда заходила говорливая соседка, и снова Валерик слышал: «пошла в полуклинику...», «поставила на плиты...»

Все окружающие называли нос — «сопаткой», глаза — «буркалами», челюсти — «жевалками», спину — «горбом»... Вместо «пошел» — говорили «попёр», вместо «съел» — «сожрал», вместо «хуже» — «хужее», вместо «шире» — «ширше»...

Шло время. Валерик посещал детский сад, где воспитательница говорила ему: «повяртывайся» и «ложь на место!»

И вот, наконец, наступил день, когда Валерик пошел в школу. Речь его была совершенно испорчена. И в школе ему пришлось переучиваться, но этому мешала семья,

¹ Статья напечатана в журнале «Семья и школа», № 5 за 1962 год.

где говорили по-прежнему, и многие школьные товарищи, тоже говорившие кое-как.

А на одной скамье с Валериком сидел мальчик Коля, который был сыном профессора. Может быть, он говорил правильно и нормально? Нет! В семье Коля был единственным ребенком и, обожаемый своими немолодыми родителями, у которых он появился поздно, привык говорить «инфантильным» языком, под который «подлаживались» родители, сюсюкая и коверкая слова, «чтобы ребенку было понятнее». Весь окружающий его мир состоял из уменьшительных и ласкательных слов. Коля привык, что у него «головка», «ножки», «ручки», «глазки», «пальчики», «волосики»... Что он ест «кашку» с «маслицем», пьет «молочко» и «сливочки», носит «шапочку», «перчаточки», что вечером ему надо «спатеньки», а «тпруа» он долго говорил тогда, когда мог легко сказать «гулять»...

Так продолжалось лет до шести. Валерка, его ровесник, хоть и говорил с ошибками, но уже знал марки автомобилей и бегал на одном коньке, а Коля продолжал жить в тепличной обстановке, укутанный «от простуды» и всячески оберегаемый «от языка улицы».

Внезапно родители спохватились: Коле надо было готовиться идти в школу. Заметив, что он говорит языком четырехлетнего ребенка, его стали усиленно «развивать». Теперь мама говорила ему не «птицы», а «пернатые», не «электричка», а «электропоезд», даже передние зубы называла «резцами»: сын профессора должен говорить особенно правильно!

...И вот Коля сидит на одной скамейке с Валериком. Мальчики подружились. И что же? В языковом отношении Коля полностью подпал под влияние Валерика. Их язык «сравнялся», как уровень воды в сообщающихся сосудах... Теперь оба они говорили «вертаться» вместо «возвращаться», «игратся» вместо «играть», «лбжить калоши», «вёсить пóльта», «пóртфель» (во множественном числе «портфелѣ»), «звóнит», «магáзин» и даже — к ужасу Колиной мамы — «матеря»... Профессор и его супруга записались на цикл лекций по педагогике в университет для родителей, а Коля между тем говорил: «на пару с Валеркой», но зато поздоровел и стал интересоваться марками автомобилей...

А учителям в школе, заметившим, каким языком

говорят мальчики, пришлось внушать этим семи-восемилетним детям то, что надо было им начать усваивать в три-четыре года. Почему? — спросите вы. А потому, что за речью ребенка надо внимательно следить еще тогда, когда она только формируется, то есть особенно обращать внимание на его язык «с двух до пяти». Ведь это тот возраст буйного детского словотворчества, упорных поисков и словесных находок, который так блистательно описан и объяснен в известной книге Корнея Чуковского.

Оба мальчика — и Валерик, и Коля — по совершенно различным причинам были лишены этого внимания, и вот результат...

Конечно, нельзя требовать, чтобы у всех детей были образованные родители (впрочем, мы видели на примере с Колей, что иногда и образование родителей не идет на пользу ребенку). Но уже в детских садах можно и должно подбирать такие кадры обслуживающего персонала, и в первую очередь — воспитательниц, которые не относились бы равнодушно к неправильной речи детей. И уж во всяком случае должно быть лицо, которое следило бы за их языковым развитием.

...В том доме, где я живу, находится детский сад. Я часто наблюдаю его питомцев на прогулке, слышу, как им говорят воспитательницы: «Не ломай кусты!», «Не гоняй голубей!», «Петя, не толкай Васю!», но я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь поправлял языковые ошибки детей.

Что это? От незнания, от нежелания или просто это «не входит в обязанности»?

Однажды я слышал, как мальчик, наблюдавший борьбу двух других мальчиков, одному из которых он явно сочувствовал, восхищенно закричал: «Генка с него сладит!», на что воспитательница реагировала окриком: «Сейчас же прекратить драку!» и растащила боровшихся. Я попытался указать мальчику, сказавшему: «...с него сладит!», на его языковую ошибку, но в ответ услышал недовольное замечание воспитательницы: «Надо же, чтобы которые постороиние вмешивались!..»

* * *

Каждый человек, имеющий детей, не только родитель. Он еще и воспитатель-словесник, потому что на

его собственной речи формируется и речь его ребенка. Так обстоит дело в дошкольном возрасте:

На вопрос: кто влияет на развитие речи ребенка-школьника? — ответ ясен: семья и школа. И если на общее духовное развитие больше влияет семья, то на формирование речи, по моему мнению, больше влияет школа. Потому что ребенок-школьник, сын, скажем, малообразованных родителей, очень скоро замечает, что учитель говорит иначе, чем его родители: учитель становится для ребенка авторитетом, но перестраивание своей речи дается такому ребенку с трудом.

Я хорошо знаю одного известного писателя, который рассказал, что он долгие годы внимательно следил за своей речью, чтобы «по привычке» не сказать «булгахтер», как говорили его родители и как он сам привык говорить с детства.

Школа не только исправила его речь, но и помогла развитию его таланта, дала возможность стать впоследствии одним из современных мастеров литературы. Но какого труда стоила ему эта ломка привычного с детства «домашнего» языка!

Надо всегда помнить, что в первые школьные годы, то есть в возрасте семи—десяти лет, формируется тот словарный фонд, который явится основой языка человека на всю его дальнейшую жизнь.

Именно учителя младших классов должны обращать особое внимание на речь школьников. Причем следить за языком ребенка должен не только учитель русского языка, но и преподаватели всех дисциплин без исключения: и математики, и географии, и пения, и физкультуры...

* * *

До сих пор мы говорили о детях-дошкольниках и школьниках младших классов. Но ведь для каждого ребенка приходит так называемое «переходное», или «переломное», время, когда ребенок прощается с детством, но еще не становится юношей или девушкой. Когда-то это время имело свое особое название: «отрочество». Теперь это слово устарело и как-то само собой выпало из нашей разговорной речи, оставшись только в классической литературе (достаточно вспомнить повести «Детство», «Отрочество» и «Юность» Льва Толстого).

Итак, из нашего словарного фонда выпали слова «отрочество», «отрок», «отроковица». Это — факт, независимо от того, относиться к нему с одобрением или с осуждением. Но ведь с выпадением слова не исчезает явление. Чем же заполнился этот словесный «вакуум»?

В общем порядке — определением «средний детский возраст». В «торговой сети» — словами «мальчишковые» и «подростковые» размеры. Жаргон тоже не остался равнодушным к образовавшейся «пустоте» и дал свои вульгаризмы весьма сомнительного происхождения — «пацан», «оголец», «шмакодявка»...

Но я отклонился от основной темы.

Если дети (кстати, слишком часто называемые у нас «ребятами») в младшем возрасте, как мы уже сказали, формируют свою речь, то в среднем детском возрасте они развивают и совершенствуют свой язык, чтобы в юношеском возрасте прийти к той речи, которой они будут пользоваться всю жизнь. Если младший детский возраст — это годы открытия мира и наивной любознательности, то средний их возраст — это годы познания мира, годы огромного желания знать и учиться...

Здесь уже недостаточно только поправлять недостатки речи: надо бороться за культуру языка, за совершенствование речи. Школьникам-подросткам следует всячески прививать любовь к родному языку, надо внушать им, чтобы они старались говорить красивее, точнее, образнее...

У нас огромное количество школ. А во многих ли школах есть кружки любителей русского языка, друзей родной речи?..

Я рад воспользоваться случаем, чтобы поставить в пример всем школам великолепный почин школы-интерната № 16 в Москве: там организован и действует не просто кружок, а «Клуб любителей русского языка и русской литературы» со своим уставом и членскими билетами. Я с гордостью храню членский билет, присланный мне советом клуба, избравшим меня почетным членом. Мне радостно узнать из устава, что клуб объединяет школьников, «желающих говорить на своем родном языке ясно, чётко, плавно, выразительно», что член клуба «следит за своей речью», а также «за речью своих товарищей», указывает на ошибки в произношении, «бо-

рется с употреблением грубых слов, слов-сорняков, штампованных фраз и выражений»...

Примеру московских школьников интерната № 16 должны последовать десятки и сотни других школ: их замечательный почин должен стать началом большого, массового движения...

* * *

Говоря о языке детей-школьников, нельзя пройти мимо такого явления, как школьный жаргон; именно в младшем школьном возрасте наблюдается необыкновенная восприимчивость к этому уродливому языковому явлению.

Оно «заражает» школьников подобно эпидемии: стóбит появиться в классе одному «знатоку» такого жаргона — и вы можете быть уверены, что скоро на этом жаргоне будет говорить весь класс.

В разделе о жаргоне мы уже говорили об источниках, откуда, например, просочилось к нам слово «атас».

Очень подозрительны и такие «детские» слова и фразы, как, например, «нас зашубатили» (поймали на месте преступления) или «мы шухарили» (баловались).

Однажды я услышал, как школьник лет девяти—десяти с восторгом говорил товарищу ровеснику: «Он так его вдарил, что из носа юшка пошла!» А ведь «юшка» — это «кровь» на подлинном воровском жаргоне...

Конечно, в детской лексике этого возраста есть и свой безобидный чисто детский жаргон, например, «по-нарошке», то есть «нарочно», «не нечаянно», «с умыслом».

Бороться с детским жаргоном трудно, но необходимо. И опять-таки, здесь должны вместе выступать и семья, и школа. Но как бороться? Запретом? Однако, повторяю, «запретный плод сладок». Насмешкой! Высмеиванием! Выставлением в глупом виде! Вот как следует бороться с проникновением грубых вульгаризмов в детскую лексику!

* * *

Валерик, о котором я говорил в самом начале, официально именовался «Валерием». Но все, начиная от родителей и соседей, звали его «Валерка». Так же, Валеркой, звали его и школьные товарищи.

У нас всё еще распространена манера звать детей не

именами, а кличками: «Васька», «Катка», «Витька», «Манька» и т. д. К чему это?

К сожалению, «обычай» звать детей кличками поддерживается литературой и театром (достаточно вспомнить кинофильм и спектакль «Друг мой, Колька»).

Но это еще не всё. Я знаю одну весьма интеллигентную семью, где отец и мать любят говорить о своем трехлетнем сыне (и в его присутствии) так: «Наш Петя-ка такой хулиган!» или «Ух, какой бандит!», причем говорят это с улыбкой, вкладывая в свои фразы ласковую и одобрительную интонацию...

К таким мерзким словам, как «хулиган» и «бандит», надо внушать ребенку отвращение с самых малых лет и уж никоим образом нельзя превращать их в «ласкательные»...

* * *

Нам надо всегда помнить, что вихрастый мальчуган или девчушка с маленькими косичками через десять лет войдут в ряды молодых рабочих и студентов, а в дальнейшем должны стать строителями коммунистического общества, гармонично развитыми, с широкими и глубокими знаниями, с богатой и правильной речью.

О БУКВАХ И ЗВУКАХ

Буквы русского алфавита имеют точные наименования. Сейчас они называются очень просто, но когда-то, на заре нашей грамотности и долгое время спустя, школьникам приходилось твердо заучивать мало или ничего не говорящие уму: «аз», «буки», «веди» и т. д.

Об этом, в своих «Мелких заметках», писал еще Пушкин: «Буквы, составляющие Славянскую азбуку, не представляют никакого смысла. Аз, буки, веде, глагол, добро etc. суть отдельные слова, выбранные для начального их звука».

Теперь эти названия букв, а также и некоторые буквы («ять», «фита», «ижица») преданы забвению. И никто не скажет вместо «твердый знак» — «ер», вместо «мягкий знак» — «ерь» и вместо «ы» — «еры»...

Не каждому понятен сейчас смысл такой, например, эпиграммы Пушкина на поэта Федора Глинку:

«Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом:
Поэт *Фита*, не становись *Фертóм*!
Дьячок *Фита*, ты *Ижица* в поэтах!»

Для ее понимания необходимо знать, что имя «Федор» писалось через букву «фита» (которая выговаривалась как «Ф», но писалась иначе — «Ѳ»), и что именно так подписывался иногда Ф. Глинка, что «ферт» — это старинное название буквы «ф» и вместе с тем — прозвище самонадеянного человека (по внешней конфигурации, напоминавшей человека, упершего «руки в боки»), и что «ижица» («Ѳ») — название последней буквы в старом алфавите...

А вот еще одна эпиграмма — поэта Н. Ф. Щербины на писателя И. И. Панаева, питавшего страсть к выпивке:

«Бесталаннѣй горемыка
И кабачный Аполлон,
Весь свой век не вяжет лыка
И мыслѣте пишет он...»

Опять же далеко не каждый современный читатель знает, что «мыслете» — это старинное название буквы «м», а под «писанием мыслете» — надо понимать зигзагообразную походку пьяного...

Добавим, что это же «писание мыслѣте» упоминается и в русском тексте популярной оперетты Оффенбаха «Перикола»:

«И если я пишу мыслѣте —
Вы удивляться не должны...»

Теперь приведем еще один пример упоминания старинных названий букв в нашей классической поэзии, правда, неопубликованной. В черновиках «Евгения Онегина», в строфе, оканчивавшей «Письмо Татьяны», у Пушкина были строки (не вошедшие в текст поэмы):

«И думала: что скажут люди?
И подписала: Т. Л.»

Наш современник едва ли смог бы правильно прочитать вторую строку. Между тем современник Пушкина прочитал бы ее без всякого раздумывания:

«И подписала: Твердо. Люди».

Потому что буквы «Т. Л.» иначе тогда не читались. И было понятно, что это означает «Татьяна Ларина».

* * *

Один герой из романа Достоевского сообщает о себе: «Со второй половины жизни стал говорить словоерсами...»

Что это означает?

А вот что. «Слово» — старинное название буквы «с», а «ер» — название буквы «твердый знак». Всѣ вместе («съ») — прибавка к некоторым словам, выражающая почтение говорящего к тому лицу, с кем он говорит, где «с» (съ) — есть сокращенное слово «сударь».

«Говорить словоерсами» — означает вести себя приниженно, заискивающе, находясь в зависимом положении.

Впрочем, «словоерсы» отличали также учтивую, почтительную речь молодого человека, обращенную к старшим, — качество, которым не обладал молодой помещик Евгений Онегин, что вызывало недовольство его солидных соседей: им не нравилось, что он отвечал:

«Всё да, да нет; не скажет да-с
Иль нет-с». Таков был общий глас...

* * *

Как мы уже сказали, буквы русского алфавита имеют точные наименования, с которыми дети хорошо знакомятся в первом классе школы. Почему же, став взрослыми, некоторые из них говорят, к примеру, не «ка», «эл(ь)», «эм», «эн», «эр», «эс», «эф», «ша», а «кэ», «лэ», «мэ», «нэ», «рэ», «сэ», «фэ», «шэ»?.. То и дело слышишь: «Рэ-Сэ-Фэ-Сэ-Рэ», «Сэ-Сэ-Сэ-Рэ», «Сэ-Шэ-А» и т. д.

Любопытно отметить, что у этой формы произношения есть свои защитники. Так, один мой знакомый уверял, что гораздо удобнее все согласные нашего алфавита произносить единообразно: сперва данный звук, а затем «э», чем будет устранен «разнобой» в произношении... «Почему, — говорил он, — мы произносим «бэ», «вэ», «гэ», «дэ» и так далее, а потом вдруг переходим на «ка», «эм», «эн», «эр»?.. И чем вообще можно доказать, что произношение «мэ», «нэ», «рэ», «фэ» и пр. — неправильно?»

Чем доказать? Хотя бы ссылкой на литературу...

Я открываю том Маяковского и читаю в стихотворении «Юбилейное» такие строки:

«Скоро вот

и я

умру

и буду нем.

После смерти

нам

стоять почти что рядом:

Вы на Пе,

а я

на эМ»...

А вот из стихотворения «Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот!»:

«Перелистывая
авторов
на букву «эл»,
фамилию
Лермонтова
встретя,
критик выясняет,
что́ он ел
на первое
и что́ — на третье».

Еще немного из Маяковского:

«Явившись
в Це Ка Ка
идуших
светлых лет...»

И — в заключение — из Маршака:

«...А мы отправимся пока
К соседней букве — букве «К».

«Гуляет меж бетонных стен
Бесшумный ветерок.
Но побывать у буквы «Н»
Давно пришел нам срок».

«Но слышен паровозный свист.
Садимся мы в экспресс.
И нас товарищ машинист
Доставит к букве «С».

Остается только прибавить буквы «и т. д.», чтобы вопрос о том, как произносить названия русских согласных звуков, был исчерпан.

* * *

Я только что написал «русских согласных звуков»... Ну, а «гласные»? Всегда ли они произносятся правильно? Например, «е» и «э»?.. Правильно ли фонетически определяются их мягкость и твердость?

Казалось бы, ответ ясен: эти гласные надо произносить везде, где они встречаются. Мы говорим «эта еда», и никаких сомнений в этом вопросе не испытываем.

Увы, не совсем так.

Прислушайтесь внимательно к разговорам окружающих, и вы заметите, что многие произносят «шинэль», «панэль», «пионэр», «милиционэр», «сэрдце», «фанэра», «тэнор», «сирэнь», «Одэсса» и т. д. И если никто не скажет «тэлэфон» или «тэлэграмма», то вы нередко услышите «тэлэвизор»...

С особым усердием такое неправильное произношение насаждают оперные певцы, у которых стало давней дурной «традицией» петь «чэсть», «мэчта», «увлэчение», «измэна» и пр. И в арии Онегина, и в популярной эпителиме из оперы «Нерон» — вы обязательно услышите «Гимэнэй», хотя имя древнегреческого бога новобрачных было «Гименей».

Пушкин в «Евгении Онегине» совершенно правильно рифмовал:

«Судите ж вы, какие розы
Нам заготовит Гименей
И, может быть, на много дней!..»

Но певцам кажется, что «эффектнее» нелепо-манерное «Гимэнэй». К сожалению, не только певцам и не только в этом слове. (У певцов, как мне сообщил один читатель — оперный артист, есть еще некоторое «оправдание»: «э» спеть легче, чем «е»...)

Неправильное произношение отдельных звуков нашей речи — это тоже один из видов порчи русского разговорного языка.

* * *

Вообще — правильному произношению отдельных слов многие не уделяют должного внимания. Между тем вопросы орфоэпии, то есть правильного произношения, так же важны, как вопросы орфографии.

А ведь довольно часто слышишь в разговоре, например, «важнеющий» вместо «важнейший», «реализьм» вместо «реализм», «первьый» вместо «первый» и т. д.

Русский язык богат буквами для обозначения гласных звуков: «а», «е», «ё», «и», «о», «у», «э», «ю», «я». Кажется, что при помощи их можно передать любой гласный звук.

И всё же...

На какой реке стоит Берлин? На Шпрее. Но, передавая так название этой реки русскими буквами, мы воспроизводим немецкое произношение только приблизительно: ведь у немцев в слове «Шпрее» после буквы «р» хотя и идут два «е», но приносятся они слитно, как один долгий звук, то есть более длинно, чем наше одно «е» в слове «вред», и менее длинно, чем наши два «е» в слове «веер». Короче говоря, у немцев получается одно долгое «е». То же самое — в фамилии немецкого поэта-сатирика середины прошлого столетия Георга Веерта.

Долгое «е» хорошо передавалось в древнегреческом языке особой буквой — «эта». Она нашла себе «преемника» на русской почве в букве «ять», доставлявшей когда-то столько неприятностей школьникам, и мне в том числе...

Впрочем, «ять» произносилось не просто как «долгое е», а либо как «э закрытое», либо как дифтонг «ие» (что и сейчас можно слышать во многих говорах), но самое главное — это то, что перед «ятем» согласная произносилась мягко, а перед «е» — иначе.

Следует заметить, что древние греки изображали графически и произносили двояко и букву «о»: у них была буква «омикрон», что означало «о» маленькое, и «омега», что означало «О» большое.

**ОБ ОДНОЙ
НЕЗАСЛУЖЕННО
ЗАБЫТОЙ БУКВЕ ¹**

В нашей азбуке существуют две буквы «е»: просто «е» и «ё». Но последняя буква — точнее, звук — не отражается в нашей орфографии: выговариваем мы «е» и «ё» по-разному, но пишем одинаково.

А жаль!

Вот об этом-то и хочется поговорить...

(Весь этот раздел я умышленно пишу с буквой «ё»...)

Итак, я призываю к введению в наше правописание обязательной буквы «ё». Это будет отнюдь не «реформой», а только уточнением, необходимость которого я и постараюсь доказать, приглашая высказаться и сторонников и противников.

Говоря о необходимости буквы «ё», приходится, по сути дела, открывать открытое: ведь она существует в нашей азбуке и в нашем языке много, много лет!

Одно время — лет двадцать пять тому назад — наши центральные газеты стали печатать наряду с буквой «е» также и букву «ё». Это нужное начинание, к сожалению, было вскоре отменено, сохранившись частично только в Детгизе.

Я говорю «к сожалению», так как постоянное и общеобязательное печатание буквы «ё» значительно упорядочило бы нашу речь и сделало бы понятнее нашу печать.

В самом деле. Я предлагаю вниманию читателей ряд слов, первых пришедших мне на память:

¹ Этот раздел, в виде отдельной статьи, был напечатан 3 июля 1962 года в «Литературной газете», после чего я получил ряд писем читателей, всецело поддерживающих моё предложение.

«все», «осел», «нем», «смел», «небо», «села», «мел», «лет», «черт», «поем», «слез».

А теперь прочитайте их, и вы убедитесь, что без сопровождающих слов — они непонятны. Ведь «все» пишется одинаково в таких, например, словосочетаниях: «все люди» и «всё время»; «осел» — может означать «животное» и форму глагола «осесть»; «нем» — «немой» и форму местоимения «он»; «смел» — «отважный» и форму глагола «сместить»; «села» — форму глагола «сесть» и множественное от «село»; «мел» — «школьный мел» и форму глагола «мести»; «лет» — «годов» и «полёт»; «небо» нельзя отличить по написанию от «нёбо», «черт» от «чёрт», «поем» от «поём», «слез» от «слёз» и т. д.

Иной скажет: «Это всё и так понятно!» Но я спрошу: «Для кого?» Ведь у нас есть и малограмотные, и миллионы детей, только еще осваивающих грамоту, и миллионы представителей братских иноязычных республик... А иностранцы, изучающие русский язык, который становится и несомненно станет одним из распространённых мировых языков?.. Как это облегчило бы им всем изучение русского языка! А что бы мы, в сущности, потеряли, введя обязательное «ё»? Решительно ничего!

Пусть первые два-три месяца было бы как-то «неловко» читать «ёлки», «лёгкий», «стёкла», «ёж», «Пётр», «Фёдоров», «Алёна», но вскоре мы бы все привыкли. Ведь читаем же мы без всякой «неловкости» названия журналов «Огонёк» и «Костёр», которые печатаются со столь приятной мне буквой «ё» на обложке?!

Какие же ещё могут быть возражения против моего предложения? Я уверен, что их нет и не может быть!..

* * *

А между тем мы постоянно сталкиваемся с путаницей в произношении «е» и «ё». Этот говорит «звезды» вместо «звёзды», тот «со всёй прямо́той» вместо «со все́й прямо́той»... А «совреме́нность», «совреме́нный», «совреме́нник»? Это, к сожалению, весьма распространённое коверканье нашей речи.

Сюда же можно отнести ещё слово «склеп», которое у многих превратилось в просторечное «склёп»...

Недавно я услышал по радио фразу из художественной передачи:

«Его лицо сѣк холодный дождь...»

Услыхал и подумал: а почему «сѣк», а не «сек»? Ведь в «Горе от ума» Грибоедова мы читаем слова Чацкого:

«Я тотчас с Вами бы сношения пресек
И перед тем, как навсегда расстаться,
Не стал бы очень добиваться,
Кто этот вам любезный человек...»

Это и понятно. Глагол «сечь» в старой транскрипции писался через «ять», и звук «ё» здесь произноситься не мог. (Слова, писавшиеся через «ять», но произносившиеся со звуком «ё», были точно известны как исключения: «гнёзда», «звёзды» и т. д. Не будем утруждать запоминанием их наших молодых современников, как они утруждали нас в самые первые годы нашего изучения граммоты...)

Но, может быть, для некоторых моя ссылка на Грибоедова не убедительна: «Мало ли, как произносили слово «сек» полтораста лет назад!...»

Приведём пример из литературы нашего времени. Вот отрывок из поэмы «За далью — даль» А. Т. Твардовского:

«От Ангары и всей Сибири,
Чей на земле в расцвете век,
От этой дали, этой шири,
Что я недаром пересекаю...»

(Глава «К концу дороги»)

...Итак, я призываю к введению буквы «ё».

О СКОПЛЕНИИ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ

Во время туристской поездки в Югославию в 1955 году мы, туристы, обратили внимание на частые скопления согласных в сербо-хорватском языке, непривычные для нашего уха. Так, например, «крест» у югославо́в — «крст», а город «Триест» называют там «Трст». Узнав, что этот же город итальянцы называют «Триесте», а заодно вспомнив об армянской фамилии «Мкртчян», я подумал: а как обстоит дело с нагромождением гласных и согласных в русском языке?

И сразу обнаружилось удивительное разнообразие, подобное тому, какое существует с русскими ударениями.

Познакомимся с некоторыми любопытными примерами.

Хотите прочитать слова, в которых пять согласных стоят рядом? Пожалуйста!

«Бо́ д р с т в о в а т ь», «п р е д в с т р е ч н ы й», «а г е н т с т в о».

А может быть, вам желательно увидеть фразу, в которой стояли бы рядом девять (!) гласных?

Извольте!

«Я знаю её и её июльских подруг...»

И те и другие нагромождения гласных (так называемые «зияния») и согласных мы все произносим совершенно легко.

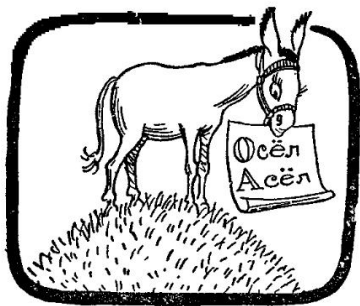
Все ли, однако?

Многие не могут произнести подряд и трех, и даже двух согласных. Некоторые упорно говорят не «взморье»,

а «возморье», не «бланк», а «бланок», не «ржаной», а «аржаной». Мне приходилось слышать, как название города «Тбилиси» произносилось «Тибилиси», а фамилия «Чкалов» превращалась в «Чикалов»...

Другим не удается произношение дифтонгов (слитное произношение двух гласных). Эти лица говорят не только «маиор» вместо «майор» и «раион» вместо «район», но даже слово «стой!» (повелительное наклонение от глагола «стоять») произносят «стои!».

Упомянутые языковые погрешности весьма распространены...

**ОБ „ОКАЮЩИХ“,
„АКАЮЩИХ“
И НАСЧЕТ ПРАВИЛЬНОГО
ПРОИЗНОШЕНИЯ**

Недавно я получил два письма от читателей этой книги. Один из них — старик пенсионер из Свердловска — советовал мне написать статью для радио о том, что так называемое «обканье», то есть произношение буквы «о» с четко выговариваемым «о» независимо от ударения — есть единственно правильная норма русского произношения, норма, которую надо вводить, начиная с младших классов школы и даже с детских садов.

Об этом курьезном письме можно было бы и не упоминать, но вместе с ним пришло письмо от одного студента из Саратова, где автор пишет «Существует русское слово «скучно»: его всегда произносят «скушно». Есть в русском языке схожее с ним по звучанию слово «звучно». Почему его произносят так, как пишут? И почему слово «скучно» не произносится так, как пишется?»

Эти письма — старика и юноши — заставили меня задуматься над законами русской орфоэпии, то есть правильного произношения.

Орфоэпия (от греческого «ортос»¹ — прямой, правильный и «эпос» — устная речь), то есть правиль-

---

¹ Слово «ортос» писалось на греческом языке с буквой «тэта», которая в русской транскрипции передавалась двояко: как «т» и как «ф» (через букву «фиту»). Вот почему от одного и того же словесного корня мы имеем слова «орфография» и «орфоэпия», «ортопедия», «ортодокс» и др.

ное произношение, сильно отличается от орфографии (от «ортос» и «графо» — пишу), то есть от правописания.

Орфография устанавливается точными правилами, имеющими силу закона: нарушение установленного правописания считается ошибкой. Изменяется правописание — изменяется и взгляд на орфографические ошибки. Так, например, до 10 октября 1918 года, когда новое правописание было введено декретом, надо было писать «маленьки я девочки» и «с ея стороны», а с 10 октября 1918 года мы пишем «маленькие девочки» и «с её стороны». То, что до 1918 года считалось ошибкой, — стало правописанием, а то, что до 1918 года считалось правописанием, — стало ошибкой. Между тем произношение приведенных слов совершенно не изменилось.

Да зачем брать примеры из таких отдаленных времен? Всего несколько лет тому назад мы писали «предъ-история», «панцырь», «жолудь», «шопот», а теперь пишем «предыстория», «панцирь», «жёлудь», «шёпот», хотя произносим все эти слова совершенно так же, как произносили их раньше.

Из этих примеров видно, насколько законы правильного написания легче устанавливать и проверять, чем законы правильного произношения.

В самом деле.

Произношение всегда вольно было следовать правописанию или не следовать.

Примеры?

Пожалуйста!

У Пушкина читаем:

«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальний...»

Или:

«Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только вёрсты полосаты
Попадаются одне».

Здесь необходимо вспомнить, что опять-таки до 1918 года, а следовательно и в пушкинские времена, во

множественном числе женского рода писали не «они», а «оне» (с окончанием на букву «ять»: «онѣ»).

Мы не знаем, как произносили это слово Пушкин и Лермонтов, но по характеру их рифм (то «не», то «ни») можно предполагать, что произносилось это слово и вообще аналогичные слова женского рода во множественном числе — двояко, то есть с окончанием на «е» и на «и».

Иначе чем же объяснить такие строки Лермонтова в «Демоне»:

«Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу: видишь эти слёзы,
Уже не первые они...»

А ведь последнее слово требовало, по законам орфографии того времени (так же, как «первыя»), только формы «оне» («онѣ»).

В дополнение к сказанному — прочитаем строки из стихотворения Тютчева «Два голоса»:

«Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы, молчат и оне...»

* * *

Несовпадение правописания с правильным произношением настолько очевидно и общеизвестно, что не нуждается в доказательствах: если не каждое слово, то уж во всяком случае каждая фраза — настолько разнятся в написании и в произношении, что свидетельствует об этом с предельной ясностью.

Надо отметить, что правописание и произношение в античных языках — в древнегреческом и, особенно, в латинском — имеют в этом отношении весьма незначительное различие: недаром в гимназии никогда не было диктовок по греческому и латинскому, настолько ясны по правописанию были эти классические языки.

Иное дело — современные языки, например, французский или, особенно, английский: их правописание чрезвычайно отличается от произношения. Так «счастливый» пишется по-французски «heureux», а произносится «ёрё», а английское восклицание «фи!» пишется «pshaw», а произносится «шбо», ну а слово «psyche» (большое зеркало с ножками) произносится «сайки»...

Итак, правописание — есть условность. Это особенно ярко видно при сравнении двух братских восточнославянских языков — русского и белорусского.

И русские, и белорусы, к примеру, произносят одинаково «арёл» и «асёл», но русские пишут «орёл» и «осёл», а белорусы — так, как произносят: «арёл» и «асёл».

Такова условность в правописании...

Но иногда разница в произношении звуков объясняется совершенно особыми причинами.

Попробуйте, дорогой читатель, сказать «с женой» — и у вас получится «з женой»... Попробуйте сказать «к земле» — и у вас получится «г земле».

Таковы законы орфоэпии...

Вернемся, однако, к письму моего второго корреспондента, студента из Саратова.

Почему, действительно, мы произносим «скушно», но «звучно»? Разберемся в этом вопросе, а заодно поговорим и о других вопросах, связанных с особенностями нашего произношения.

По давней русской произносительной норме звуко сочетание «чн» произносилось двояко — в одних словах так, как пишется, например: «вечный», «срочный», «прочный», «звучный», «личный», «удачный», «речной», «мучной» и т. д., а в других (в отличие от написания) как «шн», например: «скворешник», «прачешная», «коришневый», «подсвешник» и т. д.

Это же относится к звуко сочетанию «чт»: «что» (што), «чтобы» (штобы) и т. д.

Последняя форма («шн», «шт») считалась «московской» и действительно всего больше употреблялась коренными москвичами, хотя ее подлинное распространение было гораздо шире, — охватывало все центральные области Европейской России.

Это произношение всегда ревностно поддерживалось Московским Малым театром и — по его примеру — дру-

ния: ведь понятие «москвич» сейчас не предполагает обязательного рождения в Москве, а следовательно и приобретения с самого раннего детства традиционных языковых навыков.

Любопытно отметить, что и сейчас иногда одно и то же слово имеет два произношения, например, в такой фразе: «А он, сердешный, всё мается со своей сердечной болезнью...»

Возникает вопрос: а когда, собственно, «московское» произношение вошло во всеобщее употребление и стало общепринятой нормой произношения? Вероятно, лет полтора-два тому назад. Уж во всяком случае — при Пушкине произносили не «чн», а «шн»... Ведь в «Евгении Онегине» (гл. 1, строфа XIX) мы читаем:

«Иль взор унылый не найдет
Знакомых лиц на сцене скучной,
И, устремив на чуждый свет
Разочарованный лорнет,
Веселья зритель равнодушный...» и т. д.

Но тут же мы вспоминаем другие пушкинские строки из стихотворения «Зимняя дорога», написанного одновременно:

«По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит...»

Значит, и в пушкинские времена наряду с произношением «скушный» существовало и «скучный»...

* * *

Но так называемое «московское» произношение отнюдь не исчерпывается примерами разного произношения звуко сочетания «чн».

Недавно я написал для малышей «Веселый букварь». На букву «А» там у меня такие строки:

«Аист ходит по дороге...
Ах, какой он длинноногий!...»

И вот, при написании последнего слова, я задумался. Ведь десятки лет я произносил это слово как «длинноногий» или даже «длинноногай»...

Так говорили в Москве, где я родился, так говорила моя мать, которая была коренной москвичкой... А такое, «московское», произношение требовало другой рифмы: не «дороге», а «дорóгой»...

Но, подумал я, ведь мой «Веселый букварь» предназначен для малышей из разных областей нашей необъятной Родины. Почему эти малыши, при первых шагах по пути к грамоте, должны сразу натолкнуться на разницу между правописанием и произношением?

Да и не является ли мое личное произношение уже устаревшим и отживающим?

И я срифмовал: «по дороге — длинноногий»...

* * *

Старинное «московское» произношение требует, чтобы вместо «легкий» произносилось «лѣхкий», вместо «дальний» — «дальный», вместо «боюсь» — «боюс», вместо «глядясь» — «глядяс», вместо «удался» — «удалса» и т. д.

Справимся у наших классиков: достаточно будет сослаться на Пушкина и Грибоедова.

Вспомним у Пушкина:

«Но возвратиться всё ж я не хочу
К четырехстопным ямбам, мере низкой.
С гекзаметром... о, с ним я не шучу:
Он мне невмочь... А стих александрийский?
Уж не его ль себе я залучу?
Извивистый, проворный, длинный, склизкий...»

И снова нам ясно, что Пушкин произносил «александрийскы й», «склизкы й»...

А вот доказательство, что Пушкин произносил «неслис»:

«Там, там, под сению кулис
Младые дни мои неслись...»
(«Евгений Онегин», гл. 1, строфа XVIII)

А теперь обратимся к Грибоедову, к его бессмертному «Горе от ума».

Лиза говорит Фамусову:

«...доложу-с.
Извольте же идти; разбуди́те, боюсь ...»

А Репетилов заявляет:

«Немножко поотстал, ленив — подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком понатужась...»

И здесь ясно, что Грибоедов произносил «боюс», «понатужас». Таких примеров можно привести множество...

* * *

Ну, а какой вывод из этого можем сделать мы, современники?

Напоминаю читателю, что эта книга является только моими «заметками», а не нормативным пособием. Я говорю и буду говорить до конца своих дней так, как говорили наши классики, и придерживаться «московского» произношения. А если в этом вопросе возможны какие-либо изменения произносительных норм («всё течет, всё изменяется...»), то пусть об этом пишут те, кому это надлежит писать по занимаемому ими в науке положению...

* * *

Иногда наше современное произношение искажается от самых неожиданных причин. Возьмем хотя бы звук «н», который, находясь между двумя гласными, нередко в произношении удваивается: например, «гостиница» и «серебряный» превращаются в «гостинница» и «серебряннй». Иногда это удваивание происходит не только без всякого основания со стороны правописания, но и вопреки ему...

Так, многие произносят не «юность», а «юнность». Неужели эта путаница произошла от слова «юннат», хотя нелепость этого обстоятельства очевидна: ведь «юннат» — это сокращенные слова «юный натуралист» и удвоенное «н» в нем совершенно другого происхождения.

* * *

А теперь вернемся к вопросу об «оканье», за которое так ратовал автор первого полученного мною письма...

«Оканье», конечно, не неправильность русского произношения, а его особенность, своеобразие местного народного говора.

Мне, родившемуся в Москве и всю сознательную жизнь живущему в Ленинграде, трудно понять, как можно произносить «воробей», «корова», «молоко» или современное слово «обороноспособность» с подчеркиванием каждого «о», но я допускаю возможность, что к такому произношению можно прочно привыкнуть, если слышать его вокруг себя постоянно, начиная с самого раннего детства.

Отвыкнуть от «обканья» — при сильном желании — конечно, можно тоже легко, что видно на примере Шаляпина, который отучился «обкать» в первые месяцы своей театральной жизни.

Впрочем, Горький «обкал» до конца своей жизни, вероятно, не придавая этому никакого значения...

* * *

Написав этот раздел, я вышел погулять... Проходя по Невскому, я увидел, как на отдельном столике бойко продавалась небольшая книга «Правильность русской речи» (опыт словаря-справочника), изданная Институтом русского языка Академии наук СССР под редакцией С. И. Ожегова.

Побольше бы таких популярных книг!

КАНЦЕЛЯРИЗМЫ И ШТАМПЫ

А теперь поговорим об одном очень заметном источнике порчи нашего разговорного языка — о канцеляризмах и штампах.

Словесные сорняки такого рода дают обильные всходы не только в речах некоторых ораторов, но порой и в периодической печати. Они имеют весьма солидную давность, ведя свое происхождение от чиновничьего, «казенного», языка царских департаментов.

Подобный нежизненный, а порой и откровенно архаический язык проник в наше делопроизводство с первых лет революции.

Я хорошо помню, как в те годы писали в удостоверениях и мандатах: «Дано сие такому-то в том, что он действительно является лицом, коим себя именует, что подписом и приложением печати удостоверяется» (заметьте: не «подписью», а «подписом»!).

Следует указать, что и до настоящего времени некоторые пишут в конце заявлений (перед тем, как подписаться): «К сему...» — остаток старинной формулы «К сему руку приложил...»

Канцелярский язык прочно вошел в речь иных докладчиков. Вместо того чтобы сказать, например: «Некоторые товарищи не понимают важности культработы», такой оратор обязательно скажет: «Со стороны отдельных товарищей имеют место случаи недопонимания важности охвата трудящихся культработой...»

Речь такого оратора пестрит прочно укоренившимися словесными штампами: он скажет не «сегодня», а «на сегодняшний день», не «надо», а «надлежит», не «также», а «равно», не «в отношении», а «по линии», не

«спросить», а «заострить вопрос» или «поставить вопрос со всей остротой».

И постепенно и он сам и некоторые из его слушателей начинают говорить таким языком уже не с трибуны докладчика, а в обычной жизни, например: не «квартира», а «жилплощадь», не «шляпа», а «головной убор», не «почта», а «отделение связи», не «перья», а «канцелярские принадлежности»... Для них нет вагонов и грузовиков, а есть только «транспортные средства», нет «столовой», а есть «пищеблок», нет «колбасы», а есть «колбасные изделия», нет ламп, а есть «осветительные точки»...

Я знаю одного гражданина, который так описывал свой летний отдых: «Свой летний отпускной период я провел в дачной местности. По линии отдыха всё было на уровне. В саду было много зеленых насаждений. А выйдешь из сада — перед тобой зеленый массив. Жаль только, что торговые точки были далеко, и это вносило трудности по линии доставки продуктов питания; культурных мероприятий тоже не хватало. Да и санузел был не городского типа»...

Особый рассадник канцеляризмов и штампов — это «торговая сеть», которая, несомненно, изобрела слова «продукты питания» (о них мы уже говорили), и «потребительская бумага» (а какая бумага не «потребительская?»), и «плательные ткани», и «подростковые размеры», и «чулочно-носочные изделия» (вместо «чулки и носки»), и многое, многое другое.

Но готовых словесных штампов бюрократическому канцелярскому языку мало. Он любит сам создавать и «пускать в оборот» новые громоздкие, составные, искусственные слова, такие, как «группонаполняемость», «крысонепроницаемость», «недоразукрупнение»...

Этот язык очень любит слова: «обеспечить», «согласовать», «использобывать» (не «использовать!»), «уложиться», «наличие», «показ», «по линии», «за счет»... И уж истинные его любимцы — глагольные формы «имеется» и «является» и выражение «спустить директиву».

В этих словах так и чувствуется половинчатое решение чиновника-перестраховщика, рассуждающего по принципу «с одной стороны нельзя не согласиться, с другой стороны нельзя не признать...»

Это он в словосочетаниях с наречием «согласно»

изменил дательный падеж на родительный, видимо считая, что «согласно чего» звучит торжественнее, чем правильное «согласно чему»...

Именно эти словесные штампы имел в виду Маяковский в стихотворении «Искусственные люди»:

«Учрежденья объаты ленью.
Заменяли дело канителью длинною.
А этот
                    отвечает
                                любому заявлению:
— *Ничего,*
                    выравниваем линию. —
Надо геройство,
                    надо умение,
чтоб выплыть
                    из канцелярщины вязкой,
а этот
                    жмет плечьми в недоумении:
  — *Неувязка!*»

Канцелярский язык обедняет и сушит речь оратора, словесные штампы делают ее тусклой и скучной для слушателей.

Канцелярский «стиль» уже давно подвергли осмеянию сатирики прошлого и настоящего, но словесные сорняки — канцеляризмы и штампы — не так-то легко поддаются искоренению...

Остерегайтесь их все, и в первую очередь — товарищи докладчики и выступающие в прениях!

Недавно я видел на одном недействующем автомате такую надпись: «Находится в процессе ремонта». Не проще ли было написать одно слово «испорчен»?..

А в «Гастрономе» я услышал, как в винном отделе один весьма солидный гражданин спросил: «Есть у вас коньячные изделия?»

Сорняк канцелярщины дал очередные ростки... Самое страшное — канцеляризмы постепенно проникают в бытовую речь.

Отсюда: «смеяться в адрес соседки», «поехать по линии поисков дачи», «стать в очередь в отношении вечерней газеты», «беспокоиться по вопросу нового костюма» и т. д...

ОБ ОРАТОРСКОМ ИСКУССТВЕ И ПАМЯТКА ОРАТОРУ

Древние римляне говорили: «Поэты — рождаются, ораторы — делаются...»

Если первая часть этого изречения безусловно правильна, то вторая правильна только отчасти: ораторы, конечно, совершенствуются под влиянием практики и опыта, но всё же красноречие, по моему убеждению, остается природным даром.

Разбирая вопрос об ораторском искусстве в рамках поставленных этой книгой, сперва спросим: а в чем отличие литературного языка от разговорного?

А между тем это отличие безусловно существует.

Все истинные ораторы отличаются именно красноречием: этим словом наш народ определил сущность живой, свободной, «красной», то есть красивой, речи. Но речь должна быть, конечно, не только красивой, но и умной, глубокой, содержательной... Можно говорить красиво о пустяках, но это будет не красноречие, а краснобаиство (какое замечательное слово придумал народ!).

Здесь будет уместным вспомнить слова Ф. Энгельса относительно выступления Р. Блюма на заседании Франкфуртского национального собрания: «...если снять со всех этих прекрасных рассуждений декламаторскую мишуру, то не останется ничего, кроме самой тривиальной болтовни, пусть даже — охотно допускаем это — болтовни широкого размаха и высокого мастерства».¹

От живого, разговорного языка отличается не только речь литературная, книжная, но и речь написанная.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, Изд. 2-е, стр. 361.

Кому из нас не приходилось чувствовать разницу в речах ораторов, говорящих свободно и читающих свою речь? Пусть порой такая речь «по бумажке» и гладка, и остроумна, и блещет всякими литературными достоинствами, — эта гладкопись отличается от истинного красноречия совершенно так же, как консервированные фрукты отличаются от свежих.

Необходимо заметить, что речь «без бумажки» требует от оратора безусловного авторства, — недаром еще в 1724 году Петр I предписывал в особом указе: «...господам сенаторам речь держать в присутствии не по писанному, а токмо своими словами, дабы дурь каждого всем ясна была».

Очень смешно выглядит оратор, который «говорит» свою речь, не отрывая глаз от листков бумаги, особенно, когда эту речь старательно записывает стенографистка...

И как часто речи в прениях, возникшие без подготовки, внезапно, вдохновенно, так отличаются от гладко написанного, но сухого доклада. Вот почему оратор порой так отличается от докладчика. Вот почему живая, неподготовленная устная речь доходит до слушателей лучше, чем иная старательно подготовленная, но прочитанная.

...Я позволю себе привести пример из своей жизни. Когда в 1955 году я вернулся из поездки по Югославии и Венгрии, я был в тот же день приглашен на радио выступить со своими впечатлениями от поездки перед радиослушателями. Я попросил дать мне подготовиться, имея в виду сделать кое-какие заметки. Тогда мне предложили сначала рассказать о поездке в студии без всякой записи для определения объема передачи, сделать как бы репетицию без включения записывающего аппарата. Я согласился и тут же изложил свои свежие впечатления. К моему удивлению, через десять минут я услышал свой рассказ: оказывается, записывающий аппарат был включен, а вся эта невинная хитрость понадобилась для того, чтобы я говорил не «как по-писанному»...

* * *

Вероятно, кое-что из того, о чем мы до сих пор говорили, пригодится оратору, лектору, докладчику и вообще всем, выступающим публично.

Хочется, однако, дать еще несколько предостережений...

Поговорим о так называемых «украшениях речи».

Цитаты, пословицы, поговорки, образные сравнения, безусловно, способствуют яркости речи оратора и украшают ее, но для этого они прежде всего должны быть подходящими к случаю и совершенно точными.

Если первое условие более или менее выполняется выступающими с речами, то о втором этого нельзя сказать.

Многие ораторы, приводя цитаты, не дают себе труда проверить их точность, надеясь на свою память. Этого не следует делать никогда. И, конечно, при цитировании надо строго следить за тем, чтобы не было оговорок.

Однажды я слушал выступление лектора, который, приводя известные всем со школьных лет строки Ломоносова:

«...Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать...» —

вместо «Платонов» спокойно произнес «Плутонов», несколько не смущаясь получившейся бессмыслицей.

Не так давно я услышал по радио такое: «...как щедринская унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла...» Конечно, говоривший хотел сказать не «щедринская», а «гоголевская», но в весьма ответственный момент память ему изменила...

Нужно запомнить раз и навсегда: цитату, пословицу, поговорку надо передавать абсолютно точно, а не пересказывать «своими словами»...

Кроме того, не следует злоупотреблять цитатами, то есть приводить их слишком часто. Здесь — еще и еще раз — надо руководствоваться золотым правилом эстетики: «Искусство — это мера».

Слушая чрезвычайно насыщенную цитатами речь, я позволю себе сказать о таком ораторе:

«Ценить чужую мудрость был он рад:
Цитаты — это мысли напрокат...»

Цитаты должны подчеркивать правильность своих мыслей оратора, а не заменять их чужими...

Речь оратора при всей ее яркости и образности должна быть прежде всего ясна и понятна слушателям. Наряду с цитатами, пословицами, поговорками ее можно украшать «крылатыми словами», то есть выражениями, связанными с известными историческими личностями, событиями и литературными произведениями.

Однако их тоже следует употреблять в своей речи умеренно, к месту и точно понимая, что именно означают, например, некоторые «исторические фразы» («Перейти Рубикон», «И ты, Брут?», «А всё-таки она вертится!», «Париж стоит обедни» и многие другие).

К этому же ряду относятся мифологические и библейские образы, о которых мы уже говорили, а также такие выражения, столь любимые некоторыми ораторами, как «достигнуть апогея», «дойти до кульминационной точки», «потерпеть фиаско», «под эгидой» и т. д.

Злоупотребляя всеми этими «усилительными средствами» ораторского искусства, можно сделать речь высокопарной и напыщенной, а в итоге — трудно усваиваемой и малопонятной для слушателей.

Все эти «словесные украшения» можно сравнить с пряными приправами в еде: в меру — они придают блюду вкус, в чрезмерном количестве — делают кушанье несъедобным...

Слова-паразиты...

В этом разделе речь пойдет о том словесном мусоре, который становится «мусором» именно оттого, что сверх всякой меры и вопреки смыслу и необходимости засоряет речь иного оратора.

Их — этих слов-паразитов — не так много, но зато, когда они «привязываются» к оратору, отделаться от них нелегко...

Беда заключается в том, что сам оратор не замечает своих «слов-паразитов», произнося их автоматически.

К числу их принадлежат слова и словосочетания: «значит», «так сказать», «конечно», «в общем», «собственно говоря», «видите ли», «понимаете ли», а так же нечленораздельные «м-д-а-а», «э-э» и т. д., произносимые очень часто и, главное, некстати.

Этот словесный сор, не замечаемый говорящим, но весьма заметный для слушателей, портит речь, а иногда и приводит к двусмысленностям.

Я слушал выступление одного критика, говорившего при разборе новой пьесы: «Это, так сказать, произведение, в котором, так сказать, автор хотел поднять, так сказать, проблему...» В общем, оратор, давая положительную оценку пьесе, так засорил и запутал свою речь бесконечными «так сказать», что придал ей иронический и отрицательный смысл.

Каждый выступающий публично должен строго следить за чистотой своей речи, всячески оберегая ее от «слов-паразитов»...

* * *

Оратор должен быть особенно чутким к каждому слову. Он не должен говорить, например: «Благодаря пожару они остались без крова...» (Слово «благодаря» здесь неуместно: надо сказать «из-за пожара»). Он не может говорить «повышать глубину знаний» («глубину» не «повышают», лучше сказать «увеличивать объем»), «температура стремительно ползла вверх» (если «стремительно», то не «ползла», а «поднималась»). Он не может говорить «чреватые последствия», — надо сказать, какими последствиями чревато событие, о котором он говорит...

В большой «моде» у современных ораторов фразы, начинающиеся словами: «Трудно переоценить значение...» Между тем слово «переоценить» имеет в русском языке двойкий смысл: «дать новую оценку» и «преувеличить». Поэтому, во избежание двусмысленности, вышеприведенную фразу лучше начинать словами: «Трудно преувеличить значение...» — ведь речь оратора должна быть предельно ясной и точной.

Употребляя иностранные слова, оратор должен твердо знать их точный смысл на том языке, из которого они взяты, иначе могут произойти всякие неожиданности.

Я слышал одного оратора, который, порицая зазнавшегося «вельможу», говорил, что тот привык к «одиозным восхвалениям» со стороны подхалимов, путая греческое слово «одё» (песня, главным образом хвалебная) — отсюда «одический», с латинским словом «одиум» (ненависть).

Товарищи ораторы! Почаще заглядывайте в словари, особенно накануне выступлений...

* * *

«Вооруженный до зубов»...

Такое выражение, конечно, имеет право на существование. Вместе с тем оно является примером ораторского штампа. Совершенно забывается другое синонимическое выражение: «вооруженный с головы до ног».

Речь оратора должна быть богатой разными выражениями, а не замыкаться в «принятых» штампах...

* * *

И в заключение этого раздела — о внимании к правильному произношению иностранных слов и слов иностранного происхождения.

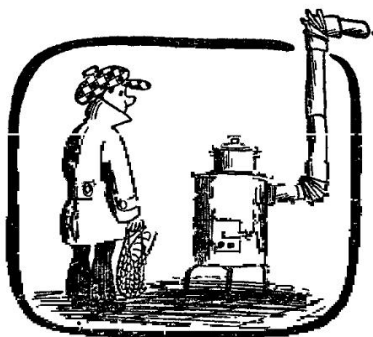
Иногда приходится слышать в речах, например, слово «инциатива». Если бы говорящий так взял на себя труд проверить этимологию, то есть происхождение этого слова, он сразу убедился бы, что оно происходит от латинского слова «initium» («инитиум»), означающего «начало». А поразмыслив, заметил бы, что от этого же слова происходит «инициатива» и «инициалы» (начальные буквы).

Заглянуть в словарь иностранных слов и навести такую справку — во избежание возможной ошибки — очень легко и просто.

Обязательное правило оратора: «Понимай всё, что ты говоришь!..»

При добросовестном подходе к делу стали бы невозможны и такие «перлы» в устах докладчиков и выступающих в прениях, как «инциндент» (вместо правильного «инцидент»), «константировать» (вместо правильного «констатировать») или «компроменти́ровать» (вместо правильного «компрометировать»)...

Как тут не вспомнить мудрую китайскую пословицу: «Спросить — стыд минуты, не знать — стыд жизни»!..

О СЛОВАХ С СУФФИКСОМ „к (а)“

Существует мнение, что слова с суффиксом «к(а)», так размножившиеся за последние пятьдесят—шестьдесят лет, имеют главным образом пренебрежительный оттенок и являются вульгаризмами, портящими наш разговорный язык. Я помню, как еще в дореволюционное время многие возмущались такими словами, как «столовка», «курилка», «Александринка» (Александринский театр), «Мариинка» (Мариинский театр), «Публичка» (Публичная библиотека), «ночлежка» (ночлежный дом) и т. д.

Такое мнение справедливо только отчасти. И хотя эта книга посвящена борьбе с порчей русского разговорного языка, с таким огульным отрицательным отношением к словам, оканчивающимся на «ка», нельзя согласиться.

Действительно, суффикс «к(а)» иногда имеет просторечный и даже вульгарный характер, но провести четкую границу между таким характером слова и стремлением к его сокращению, а следовательно и удобству в разговорном языке, весьма трудно.

Итак, остановимся на словах с суффиксом «к(а)»...

Эти слова представляют собой словообразовательный тип, когда сочетание прилагательное + существительное «трансформируется» в существительное, где основа берется от прилагательного, а целое оформляется по модели существительного на «ка», независимо от рода исходного сочетания (Третьяковка, Хитровка, зачетка, читалка и т. д.). Эти «трансформации» не претендуют на официальность. («Вечёрка», «Литературка» — это как бы фамильярные «прозвища».)

Не говоря о том, что многие из подобных слов весьма древнего происхождения (достаточно вспомнить старинные названия московских улиц: «Варварка», «Ильинка», «Сретенка», «Солянка», «Воздвиженка», «Петровка», «Рождественка» и др.), следует признать, что у слов с суффиксом «к(а)» было серьезное преимущество: они сокращали разные словосочетания и были общепонятны.

Поясню это примером.

Долгое время письма посылались только в конвертах. Жизнь выдвинула необходимость посылать иногда более короткие письма, содержание которых умещалось на одной стороне почтовой карточки: такое почтовое отправление стало называться «открытое письмо» и шло по более дешевому тарифу. Народ очень скоро стал называть его «открыткой». Так называется оно сейчас и, вероятно, будет называться и через сто лет...

Есть в слове «открытка» пренебрежительный оттенок? Нет! Так же не было его, например, в слове «конка», заменявшем в разговорном языке официальное наименование «конная железная дорога».

«Столовка», «читалка», «курилка» — все эти слова были вызваны их краткостью, а потому и удобством...

Но здесь необходимо оговориться. Такие сокращения возможны, конечно, до известного предела. Уже слово «Публичка» (Публичная библиотека) является едва терпимым, а что сказать о таких словах, как «Техноложка» (Технологический институт), «Капрашка» (Дом культуры им. Капранова), «Дзержинка» (станция метро «Дзержинская» в Москве)? Допустимы ли подобные слова в разговорном языке? А между тем одна молодежная газета напечатала стихи:

«Снежинки, первые снежинки
Кружились ивовым пушком,
Сошли мы, помнишь, у Дзержинки
И долго-долго шли пешком».

Так что не все слова с суффиксом «к(а)» — оправданы...

Однако в большинстве случаев они, повторяю, созданы самой жизнью ввиду их краткости, а следовательно удобства в разговорной речи.

Ограничусь следующими примерами.

Вместо «карболовая кислота» или «керосиновая плита» было удобно говорить «карболка» и «керосинка», — и эти слова быстро вошли в жизнь.

Когда появился новый предмет — «карманный зажигательный аппарат, заменяющий спички», — народ сразу назвал его «зажигалкой»...

Суффикс «к(а)» удивительно «руссифицирует» иностранные слова.

Приведу такой пример: в Марокко есть город Фес (Фес), который издавна славился изготовлением особых головных уборов. В Европе они так и назывались «фес». Откроем рассказ И. С. Тургенева «Бурмистр» и прочтем: «На Аркадии Павловиче были широкие шаровары, черная бархатная куртка, красивый фес с синей кистью и китайские желтые туфли без задков...»

Когда такие шапочки вошли в России в моду, они стали называться «фесками». Арабское слово «фес» быстро обрусело, став уже не «прозвищем», а официальным названием данной вещи.

Здесь будет уместным вспомнить очень любопытное слово «тужурка», явно происходящее от французского «*toujours*» — тужур (всегда) и означающее домашнюю или форменную двубортную куртку. Благодаря своему окончанию на «ка» это слово звучит удивительно по-русски!

В словах на «ка» есть иногда, конечно, не только краткость и легкость, но и элемент насмешки, например, в наименовании «учредилка». Но оттенки насмешки бывают разными и порой переходят просто в шутку.

Вспомним, например, название железной комнатной печки в первые годы революции — «буржуйка». Безусловно, чувствуется шутка и в весьма распространенном слове «авоська», к которому мы еще вернемся.

Зато сколько имеется с суффиксом «к(а)» новых слов — с нашим здоровым, советским содержанием, слов, порожденных нашей эпохой. Достаточно вспомнить такие слова, как «маёвка», «массовка» и «летучка», чтобы согласиться с этим.

И потому, хотя и не будем поощрять, чтобы наши дети вместо слов «вечная ручка» говорили «вечка», — простим им это маленькое словесное прегрешение...

О „РОДЕ“ НЕКОТОРЫХ ПРОФЕССИЙ

Издавна существовали работы и специальности мужские и женские.

Вспомним наименования трудовых занятий: пахарь, плотник, пекарь, печник, штукатур, слесарь, токарь, столяр, медник, кузнец, грузчик, шорник, лесник, извозчик, матрос, каменщик, землекоп, стекольщик, точильщик и многие другие.

Всё это были исключительно мужские профессии.

То же относилось и к людям умственного труда: инженер, врач, адвокат, агроном, лесничий, капитан и др.

А вот список женских профессий: белошвейка, кружевница, судомойка, прачка, сиделка, пололка, няня, просвирня и т. д.

Были и «парные» профессии: портной и портниха, повар и кухарка, учитель и учительница, рыбак и рыбака, артист и артистка и др.

В течение долгого времени наш разговорный язык привык к этим словам и их роду. Никаких споров по этому вопросу не возникало.

...Я отлично помню, как в 1914 году, когда началась мобилизация в армию, впервые появились в вагонах трамвая кондукторы-женщины. И тогда некоторыми был поднят вопрос: как их официально именовать? Многим казалось очень уж странным называть женщину — кондуктором... Одни предлагали слово «кондуктриса» (по аналогии со словами «инспектриса» и «директриса», существовавшими в женских учебных заведениях), другие — «кондукторесса» (видимо, по аналогии с «поэтессой»!).

Ничего из этого не получилось. Официально женщины, исполнявшие работу кондуктора, стали назы-

ваться и называются до сих пор кондукторами. Впрочем, в просторечии стали сразу называть их «кондукторшами», хотя такая форма наименования относилась прежде всего к «женам кондукторов». Так жену капитана называли «капитаншей», жену инженера — «инженершей», о жене аптекаря говорили — «аптекарьша», о жене агронома — «агрономша» и т. д. (Вспомним «Казначейшу» Лермонтова.)

Но вот пришла революция, которая со многими завоеваниями и достижениями народа принесла женское равноправие.

Шли годы... Во множестве появились женщины, работающие на предприятиях и в учреждениях, — инженеры, ученые, врачи, судьи, летчики, моряки, бухгалтеры, агрономы и владеющие многими другими — некогда «мужскими» — специальностями.

И вот началось столкновение слов и понятий. Если, скажем, понятия «артист» и «артистка» являются очень близкими, то между понятиями «машинист» и «машинистка», например, огромная разница.

Теперь в просторечии стали говорить «инженерша», «капитанша», «агрономша» только о женах инженера, капитана и т. д. В применении к самим женщинам, обладающим специальностью, эти слова с суффиксом «ш(а)» почему-то воспринимаются с оттенком обидности.

Но вот что любопытно: некоторые профессии стали настолько «женскими», что «обидность» в их наименованиях постепенно перестала ощущаться, например, в словах «кассирша» или «библиотекарша». Но всё же эти слова остались достоянием просторечия: официальный язык знает только наименования должностей «кассир» или «библиотекарь», хотя эту работу теперь почти всегда выполняют женщины.

За последние годы, в силу ряда причин, определилось одно весьма любопытное явление: некоторые «женские» профессии стали и «мужскими»! А это потребовало новых слов. Так, наряду с «доярками» и «свинарками» появились «дояр» и «свинарь».

Ну, а как называется «мужчина-прачка»? «Прачек»?! А ведь такая мужская профессия существует, например, у китайцев, живущих в наших дальневосточных районах.

Изрядная путаница произошла со словом «врач» — в применении к женщинам. Дело в том, что когда-то

женщин-врачей у нас вообще не было, да и не могло быть, так как не было женского высшего медицинского образования. Существовали только фельдшерицы и «сестры милосердия»...

Но вот — еще до революции — появились женщины с высшим медицинским образованием. Они стали официально носить звание «женщина-врач». Сейчас это звучит дико, но тогда такое наименование было привычным.

Но просторечие и в наши дни, наряду с официальным «врач», допускает слово «врачиха» (вероятно, по аналогии с «ткач» — «ткачиха»). Случалось мне слышать и слово «докторница». Некоторые, впрочем, употребляют и слово «докторша», что, однако, вдвойне неверно: «докторша» — это всё же «жена доктора», да и само слово «доктор» сейчас уже не является синонимом слова «врач»: всё большему числу рядовых граждан становится известным, что «doctor» — это «ученый», «наставник» и что можно быть доктором не только медицины, но и многих других наук, обладая ученою степенью «доктора».

* * *

Мужчины и женщины в Советском Союзе совершенно равноправны. Это — аксиома.

Существуют учительницы, писательницы, артистки... Почему же они за последнее время всё чаще называются учителями, писателями, артистами? Разве слово «учительница», например, хоть в какой-либо степени умаляет труд той, которая отдает благородному делу обучения и воспитания детей десятки лет жизни? Между тем официально она получает за свою отличную работу звание «заслуженного учителя», а выдающаяся артистка — звание «заслуженного артиста».

Право, трудно свыкнуться с тем, что наша несравненная танцовщица Галина Уланова официально называется «народным артистом»!

Некоторые ссылаются на то, что у большинства профессий, наименование которых носит иностранное происхождение, — таких, как «инженер», «редактор», «адвокат», «ретушёёр» и др., — вообще нет «женского» рода. И если можно сказать «писательница», то ни «композиторша», ни «архитекторша» сказать нельзя...

Допустим.

Но почему же тогда можно сказать «актриса», «журналистка», «пианистка», «официантка»? Ведь здесь тоже слова иностранного происхождения.

Почему же порой наши артистки, певицы, учительницы, танцовщицы и многие другие официально превращаются в «мужчин»?

...Как-то на выставке ленинградских художников я видел статую, которую автор назвал «Девушка рабочий»: под таким названием она и была включена в каталог.

Позволительно спросить: а не лучше ли (правильнее, точнее, красивее, логичнее) было дать ей название «Молодая работница»? Ведь статую балерины никто не назовет «Девушка танцовщик»?!

ОБ ИЗМЕНЕНИИ РОДА В НЕКОТОРЫХ СЛОВАХ

Может ли с течением времени меняться род имен существительных в нашем языке?

«Как это так меняться? — спросит недоверчивый читатель. — Чтобы вместо «зеленый дуб» стали вдруг говорить «зеленая дуб»? Не бывает!»

Бывает, дорогой читатель...

Вряд ли кто скажет сам или признает правильным такой оборот речи: «Смотрите, какая красивая лебедь...»

И К. Д. Бальмонт в начале нашего века писал:

«Это плачет лебедь умирающий...»

А между тем Пушкин в «Царе Салтане» писал:

«Лебедь белая плывет...»

Ну, а может ли случиться, что один и тот же поэт признаёт одно и то же слово то словом женского рода, то мужского?

Вы скажете — нет!?

Может случиться, дорогой читатель...

В 1814 году юный Пушкин в стихотворении «Воспоминание в Царском Селе» писал:

«Здесь, вижу, с тополom сплелась молодая ива...»

Отсюда явствует, что «топол(ь)» — мужского рода.

Прошло тринадцать лет, и в 1827 году тот же Пушкин в стихотворении «Сто лет минуло, как тевтон...» пишет:

«...хмель литовских берегов,
Немецкой тополью плененный...»

Здесь «тополь» уже не мужского, а женского рода.

В настоящее время тополь окончательно утвердился в мужском роде. (В этом легко убедиться, прочитав почти каждое стихотворение о... Севастополе: к наименованию города-героя наши поэты очень охотно берут «проверенную» рифму «тополь» с каким-нибудь «мужским» эпитетом: «стройный», «высокий», «гордый» и т. д.)

Случилось мне на даче услыхать от одного местного жителя и такое: «У меня всякая овощ(ь) растет»... Кстати — и на вывеске «Ленплодоовощ» этот самый «овощ» долго фигурировал с мягким знаком, выдавая этим свой женский род, и только пословица «Всякому овощу свое время» вернула «овощу» его мужское достоинство...

А слово «хвоя»? В словаре Даля на первом месте стоит «хвой». И в рассказе Чехова «Дом с мезонином» читаем: «Сильно, до духоты пахло хвоем». Рассказ написан в 1896 году. Теперь все говорят «хвоя». В словаре Ушакова слова «хвой» вообще нет...

Ну, а какого рода «мозоль»? Можно подумать, что и мужского и женского. Но это не так. Только в неправильном просторечии встретишь: «У меня образовался мозоль». На самом деле слово «мозоль» женского рода, что и подчеркивается устойчивым шутливым выражением «наступить на любимую мозоль»...

Особенно часто меняется род в заимствованных иностранных словах: при их усвоении не сразу устанавливается, какого же рода они будут в русском языке? Так было со словами «фарс» — «фарса», «апофеоз» — «апофеоза», «мéтод» — «метóда» и многими другими.

Вот, например, строка из водевиля Н. И. Хмельницкого:

«Ведь надобно ж, служа, открыть себе карьер?»

Если иностранное слово имеет окончание на «ль», ему нелегко бывает удержаться в том роде, в каком оно было, когда являлось «иностранцем», так как русские слова на «ль» — обыкновенно женского рода (соль, мель, колыбель, метель и т. п.). Отсюда историческое колебание с родом таких слов, как «портфель», «рояль» и др.

В этом легко убедиться, прочитав «Записки одного молодого человека» Герцена, где сказано: «Правитель канцелярии с портфелем ждет у дверей кабинета; исправник бросает тоскливые взоры на эту портфель»...

Подобная путаница происходит и в настоящее время даже с русскими словами. Хотя слово «студень», безусловно, мужского рода, недавно мне довелось услышать: «Какая вкусная студень!..»

Не очень ясен род слова «кофе»: говорят и «вкусный кофе» и «вкусное кофе». Правильнее всё же мужской род; вспомним у Пушкина:

«Потом свой кофе выпивал...»

Впрочем, чаще в словах, взятых из иностранного языка, род слова «соответствует» русскому окончанию, даже если это окончание появляется только в порядке сокращения. Вот примеры.

Мы говорим «московский метрополитен», но всегда скажем «московское метро». Мы говорим «наш кинематограф», но «современное кино».

Можно привести и слово иностранного происхождения, но давно «обрусевшее», которое исторически прошло через... три рода и в сущности превратилось в три разных слова.

Это слово — «зал», которое ныне почти исключительно употребляется в мужском роде («Колонный зал», «Большой зал Филармонии»), хотя кое-где бытуют еще устаревшие формы: «зала» — «большая, парадная комната в квартире» и «зало» — «особое помещение», например, «мужское зало» в парикмахерской.

Я помню, как лет пятьдесят тому назад все говорили «санатория» (по аналогии со словами «аудитория», «консерватория», «лаборатория»), а не «санаторий», как говорят теперь.

Всего лет тридцать тому назад все говорили «фильма», а не «фильм».

Мне кажется, что примеров достаточно для того, чтобы прийти к выводу: род имен существительных в нашем языке с течением времени иногда меняется.

* * *

В детстве я был уверен, что «вброн» — это самец, а «ворона» — самка одной и той же птицы. И очень удивился, когда позднее узнал, что существуют «вброн-самка» и «ворбна-самец» и что это разные птицы, хотя и принадлежащие — наряду с грачами, сороками и галками — к одному семейству.

Вообще в мире животных существует «несправедливость»: если есть «бык» и «корова», «баран» и «овца», «кот» и «кошка», «петух» и «курица», «селезень» и «утка», «медведь» и «медведица», «волк» и «волчица», «тетерев», и «тетёрка» — то почему же «одним родом» обходятся «серна», «тапир», «рысь», «сурок», «крот», «кукушка», «синица», «ящерица», «жаба», «лягушка», «щука» и многие другие?

Я рад отметить, что этим вопросом интересовался еще... около двух тысяч лет тому назад римский ученый Марк Теренций Варрон (116—28 до н. э.), который в своем сочинении «О латинском языке» писал: «...хотя за всякой речью скрывается природная вещь, однако если она не доходит до практического применения, то и слова до нее не доходят; таким образом, говорится «*equus*» (жеребец) и «*equa*» (кобыла), потому что их различия имеют практическое значение; а «*corvus*» (ворон) и «*corva*» (самка ворона) — нет, потому что здесь природное значение не имеет практического значения. Поэтому в некоторых случаях раньше было не так, как теперь: например, «*columbae*» — множественное число от «*columba*» (голубь) — назывались все, и самцы и самки, потому что не были в домашнем употреблении, как теперь; теперь же, наоборот, вследствие их домашнего употребления, которое мы усвоили, самец называется «*columbus*», а самка — «*columba*».

Следует признать правильность выводов Варрона: рассматриваемое нами различие в наименованиях самца и самки относится, действительно, главным образом к животным домашним, а если к диким, то имеющим охотничье значение (медведь), а также к животным, особо вредным для человека и его домашних животных (волк).

* * *

То, что животные на разных языках бывают иного рода, не безразлично... для баснописцев!

Поясню примером.

Великий французский баснописец Жан Лафонтен написал басню «*La Cigale et la Fourmi*», то есть дословно «Кузнечик и Муравей». В оригинале оба насекомых женского рода. Я помню, как меня в детстве уди-

вила картинка к этой басне во французском издании Лафонтена: кузнечик и муравей были в женских платьях...

Когда великий русский баснописец Иван Крылов перевел — а вернее, переложил — на русский язык эту басню (первоисточник которой — греческая басня в прозе Эзопа), получилась басня «Стрекоза и Муравей», то есть персонажи рода женского и рода мужского...

В языке охотников и вообще людей, близких к природе, «несправедливость» с «однородностью» некоторых животных исправлена: так, имеются «куропач» и «куропатка», «дрофич» и «дрофа», «олень» и «оленуха» (у самок северного оленя есть даже «собственное» имя — «важенка»), «тур» и «турица» и т. д.

А как обстоит дело с «крысой» и «мышью»? Просторечие давно внесло дифференциацию: «крыс» и «крыса», «мыш» и «мышь»...

Последнее различие уже проникло в литературу. Так в современной басне Сергей Михалков пишет:

«Кот Тимофей — открытая душа —
Коту Василию принес в зубах мыша...»

Любопытно отметить, что кукушка, эта безнравственная птица с поэтическим голосом, всегда «признаётся» самкой. Между тем кукует исключительно самец, а кукушка-самка умеет только кричать «кли-кли-кли-кли»... Так что эта птица, по справедливости, должна носить имя «кукуш». Кстати, в немецком языке «кукушка» («кукук») — мужского рода.

Однажды на даче я слышал, как мальчик лет четырех, увидев большую лягушку, заявил: «Это не лягушка, а лягуш!..» Надо полагать, что он инстинктом языка хотел восполнить отсутствие мужского рода в слове «лягушка»!..

В заключение, как очень редкое явление, можно отметить у некоторых слов изменение числа. Так, например, «фортепианы» и «кресла» были когда-то «они»: сидели «в креслах» и играли «на фортепианах». Теперь сидят «в кресле» и играют «на фортепиано» (впрочем, это слово вытеснено «роялем»).

О „ЗАКОНЕ ИНЕРЦИИ РЕЧИ“

В предыдущих заметках я уже не раз упоминал о «законо инерции речи», так что подробно останавливаться на сущности этого языкового явления нет необходимости. Этим «научнообразным» термином я позволил себе назвать (да простят меня филологи!) такие выражения, которые постоянно встречаются в одинаковом виде, особенно в очерках и стихах, причем автор употребляет их «по привычке», не желая вникать в их смысл. Приведу два ярких примера.

«Старушка мать»...

Это выражение мы можем встретить в сотнях стихотворений и песен о солдатах и матросах: их непременно провожает, ждет или встречает «старушка мать» (или «мать-старушка»).

А почему, собственно, матери солдата или матроса обязательно быть «старушкой»? В армию и флот у нас призывают юношей восемнадцати — двадцати лет, когда обычный (средний) возраст их матерей тридцать восемь — сорок пять лет. Можно ли этих женщин назвать «старушками», как это делают авторы стихотворений, песен и очерков?

Конечно нельзя!

«Старушки матери» были у солдат царской России времен Николая I, когда солдатчина тянулась двадцать пять лет. Вот откуда идет «по инерции» это выражение, совершенно не подходящее к матерям воинов нашего времени.

Русский народ говорит: «Сорок два́ года — баба ягода». Именно в этом возрасте и находятся матери наших солдат и матросов, которых так старят наши поэты.

Я допускаю, что со всем сказанным не согласятся читательницы этих строк, едва достигшие двадцатилетнего возраста. Ничего! Лет через пятнадцать и они будут согласны...

Еще пример.

«Ж и в ы е цветы»...

Упоминание о «живых цветах» весьма часто можно встретить в наших газетах.

А для чего, собственно, к слову «цветы» добавлять «живые»? Цветам естественно быть живыми, а не искусственными, и только в тех случаях, когда речь идет об искусственных цветах, так и надо их называть.

...Я читаю в газете заметку, в которой говорится о том, как отмечалась годовщина смерти белорусского поэта Якуба Коласа: «Писатели и ученые, родные и близкие возложили на могилу венки и букеты живых цветов...»

Ну для чего здесь «живые»? Неужели кому-нибудь может прийти в голову, что на могилу народного поэта, да еще в августе, принесут цветы, сделанные из бумаги, материи и проволоки? Конечно нет! Но такова «инерция речи», что к слову «цветы» прилип эпитет «живые»...

Позволю себе немного уйти в область воспоминаний. В молодости мне как-то довелось слушать лекцию Валерия Брюсова о поэтике. Говоря об эпитетах, он призывал молодых литераторов умело выбирать эпитеты и воздерживаться от таких, которые сами собой разумеются...

«Не говорите в стихах «зрячий глаз», — поучал Брюсов, — ибо глазу свойственно быть зрячим...»

«Живые цветы» принадлежат к тому же ряду...

* * *

Еще об одной «инерции», хотя и другого рода...

«Иван Дмитриевич с супругой Валентиной Сергеевной сортируют яблоки из своего сада».

Эту подпись я прочитал под фотоснимком, изображавшим садовода-любителя и его жену.

Прочитал и подумал: а почему «с супругой», а не с «женой»? И вспомнил, что «супруга» в разговорном языке всё чаще вытесняет «жену».

Посмотрел у Даля: «Супруг и супруга почему-то по-

читаются более вежливым, чем муж и жена». Заметьте: Даль пишет «почему-то», следовательно, и в те времена это вызывало удивление.

Но обратимся к классикам.

Раскрываю наугад Пушкина:

«Я обвенчана, я жена князя Верейского...» — отвечает Маша Дубровскому.

Раскрываю Крылова:

«А с доброю женой, кто этого не знает,
Живется как-то веселей...»

(«Откупщик и сапожник»)

Примеры легко умножить.

Мы не скажем о картине, изображающей Пушкина с женой, «Пушкин с супругой», мы не назовем письма Льва Толстого к жене «Письмами к супруге» и т. д.

Почему же за последнее время, кстати и некстати, (пример — приведенная в начале раздела газетная заметка) — вместо милого слова «жена» всё чаще мелькает холодно-официальное «супруга»?..

Конечно, в газетной хронике о приезде министра такого-то иностранного государства нужно писать с «супругой», а не с «женой», но это не значит, что слово «супруга» надо упоминать всюду. Ведь слово «супруга» кроме официальной формы имеет еще и другую: если не ироническую, то шутливую.

Примеры можно легко найти у классиков.

Сперва обратимся к Пушкину:

«А что же делает супруга,
Одна в отсутствии супруга?»

(«Граф Нулин»)

Шутливая интонация тут не вызывает сомнения...

Вспомним еще слова, которые «проповедывал Евгений».

«Когда б мне быть отцом-супругом
Приятный жребий повелел...»

И здесь ясно чувствуется пушкинская ирония.

А письмо Ленского к Ольге перед дуэлью:

«Сердечный друг, желанный друг,
Приди, приди: я твой супруг...»

Иные — из тех, кто знаком с Ленским не по поэме Пушкина, а только по опере Чайковского, — воскликнут: «Помилуйте! Какие же шутки в столь трагический час?!»

Напоминаю, что следующую строфу в поэме Пушкин начинает строкой:

«Так он писал *темно и вяло*»...

(курсив Пушкина).

Открываю Гоголя.

«Мертвые души». Визит Чичикова к Собакевичу. «Что ж, душенька, пойдем обедать...» — сказала Собакевичу его супруга...»

О наличии иронии у Гоголя, я думаю, можно не распространяться.

Однако вернемся от классической литературы к жизни. И здесь мы снова столкнемся со словом «супруга», применяемым к месту и не к месту.

Нет, решительно «жена» должна быть восстановлена в своих правах!

ОБ ОДНОЙ СЛОВЕСНОЙ ПУТАНИЦЕ...

Речь пойдет о путанице вокруг слов «скульптура», «статуя», «монумент» и «памятник».

Передо мной лежит конверт, изданный Министерством связи СССР. На конверте — под соответствующим изображением — написано: «Ленинград. Аничков мост. Скульптура Клодта» (Разрядка моя.—Б. Т.)

Рядом — газета, в которой написано: «...в зеленом садике возле скульптуры Льва Николаевича Толстого». (Разрядка моя.—Б. Т.)

И в том и в другом случае — «скульптура». Так с чьим же именем она связана: изобразителя-ваятеля или изображенного?

Ошибка, безусловно, во втором случае. Надо было написать: «возле памятника Льву Николаевичу Толстому».

Скульптура — это (наряду с живописью и графикой) один из видов изобразительного искусства, осуществляемый мастером, называемым «скульптором» (по-латыни) или «ваятелем» (по-русски).

Статуя — результат этого творчества, конкретное произведение скульптурного искусства. В более узком понятии — скульптурное изображение фигуры во весь рост (в отличие от бюста).

Напоминаем, что Пушкин совершенно правильно назвал свое общеизвестное стихотворение «Царскосельская статуя», а не «Царскосельская скульптура»...

Скульптура может быть декоративной, когда ваятель создает статуи для украшения общественных зданий, жилищ и парков, и монументальной (от латинского слова «мопео» (монео) — «напоминаю»),

когда он создает произведения, посвященные памяти великого или выдающегося человека, а также подвига или события, достойного памяти потомства (например, памятник «Стережущему» в Ленинграде).

К сожалению, приходится убеждаться, что слово «скульптура» в печати вытесняет слова «статуя» и «памятник».

Итак, «Девушка с разбитым кувшином» — это статуя (скульптура Соколова).

«Медный всадник» — это памятник (скульптура Фальконе¹ и Колло).

А что же тогда «монумент»?

То же слово «памятник», только на латинском языке. Если поэт античного Рима Гораций писал:

«Ехегі монументум» («Экзегі монумент<ум>»), то Пушкин, а еще ранее Державин заменили в русской поэзии слово «монумент» русским словом «памятник» и писали:

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (Пушкин) и «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный...» (Державин).

Следовательно, повторяем, «монумент» и «памятник» — это абсолютно одно и то же, только на разных языках.

Почему же забытый уже во времена Пушкина «монумент» снова возродился в нашей печати, иногда превращаясь в «монументальный памятник»?!

Непонятно!

Что же означает это словосочетание «монументальный памятник»?

«Памятный памятник», тавтология, бессмыслица!

Один читатель, пытаясь спорить, писал: «Не всякий памятник — монумент (грандиозно-величественный)».

Прочитав это, я невольно вспомнил объяснение одного экскурсовода группе туристов на Дворцовой площади в Ленинграде: «В середине огромная гранитная колонна, на вершине которой — бронзовый ангел в натуральную величину...»

Так же, как невозможно определить «натуральную величину ангела», нельзя установить границу, отделяю-

---

¹ Эту фамилию (Falconet) у нас долго писали «Фальконет» и склоняли.

шую «просто памятник» от «грандиозно-величественного»... Если вопрос только в величине, следует самым «монументальным» признать памятник королю Виктору-Эммануилу в Риме — один из величайших по размеру и бездарнейших по художественной выразительности памятников в мире!

Что сила искусства не в масштабе — это ясно каждому.

Но вернемся к вопросу о памятниках — о их «грандиозности»...

С этой точки зрения памятник Пушкину в г. Пушкине — это «просто памятник», а памятник ему же в Москве — «монументальный памятник»? И новый памятник Пушкину на площади Искусств в Ленинграде — «монументальнее» памятника ему же на Пушкинской улице? Так, что ли?

Нет, не так! Всякое скульптурное изображение, воздвигнутое в память великого или замечательного события или человека, называется по-русски «памятником», и заменять это русское слово латинским словом «монумент» или добавлять к слову «памятник» эпитет «монументальный» — значит злоупотреблять иностранными словами и создавать тавтологию.

А происходит это из-за укоренившейся привычки и уже знакомой нам «инерции речи».

Вот и всё...

О СЛОВАХ ОБИДНЫХ И МНИМООБИДНЫХ

Как-то в одном учреждении я услышал разговор двух сотрудников. Один из них, указывая на корзину, полную бумаг, недовольно заметил: «Опять корзина переполнена!» Другой сочувственно покачал головой: «И чего наша техничка смотрит!..»

Так я впервые узнал, что уборщица кое-где «переименована» в... «техничку».

Узнал и подумал: какая нелепая выдумка! Какое бессмысленное название должности и выполняемой работы!

Ведь если называть уборщицу «техничкой», то с совершенно таким же основанием можно называть прачку — «химичкой» (ведь стирка — это в некотором роде химический процесс!), а дворника (женщину) — «физичкой» (ведь она выполняет много физической работы).

В нашей стране всякий труд почетен и уважаем, если он выполняется добросовестно. И уж, конечно, никакое наименование работы, принятое народом и освященное временем, не может считаться обидным и из-за этого переименовываться какими-то канцеляристами-бюрократами, особенно таким смехотворным образом, как «техничка»...

Кстати, возникает законный вопрос: а как быть там, где в штатах имеется должность «уборщика»? Неужели он заодно с «техничкой» превратится в «техника»? Для чего же тогда техникумы?

Вот уж, действительно, доведение до абсурда! «Уборщица» — типичный пример мнимообидного слова в нашем языке...

А существуют ли у нас сейчас действительно обидные слова для обозначения рода работы? Слова, которые оскорбительны для человека труда, работника той или иной специальности?

Ведь такие слова, как «прислуга», «приказчик» или бытовавшее в ресторанах слово «человек», а также и «жалованье», были уничтожены самой жизнью еще в первые дни революции. Это произошло стихийно: упомянутые слова настолько явно говорили об «обязанности» — «прислуживать», «слушаться приказа», быть совершенно обезличенным «человеком» и «ждать, что тебе пожалуют», — что народ, получивший свободу, сразу отверг их и заменил другими: «домашняя работница» («домработница»), «продавец», «официант(ка)», «заработанная плата» («зарплата»).

Наряду с этим народ оставил без изменения такие слова, как «прачка», «дворник», «уборщица», «трубочист», «носильщик», «грузчик», совершенно справедливо не найдя в наименованиях этих тяжелых трудовых профессий ничего обидного, ничего унижающего человеческое достоинство.

Шли десятилетия... Страна росла, крепла, богатела, развивалась, появлялись во множестве новые профессии, труд всё более усложнялся и дифференцировался, но по-прежнему сапожник оставался сапожником, а водопроводчик — водопроводчиком, не переименовываясь в «обувного конструктора» и в «гидромеханика»...

Однако нельзя сказать, что названия трудовых профессий совершенно не подвергаются изменению. Но причины этого отнюдь не связаны с «обидностью» прежнего названия, а идут из других источников.

Иногда это возникает из желания народа заменить иностранное слово русским: так появился «водитель» вместо «шофёра»...

Иногда это объясняется стремлением заменить устаревшее русское слово более современным и понятным. Так исчезло слово «дровосек» и появилось слово «лесоруб». Конечно, понятие «сечь дрова» не содержит в себе

ничего обидного: оно просто уступило место понятию «рубить лес», как более точному и ясному.

Одно время — по непонятным причинам — «почтальон» стал именоваться «письмоносителем» (хотя он одновременно оставался и «газетносителем» и «журналомносителем» и «повестконосителем» и «переводносителем»; это всё входило в понятие «почтальон»). Прошло некоторое время — и «письмоносец» снова превратился в «почтальона».

Здесь «обидность» наименования работы тоже, конечно, не играет роли.

Постепенно исчезло слово «кухарка»: слишком оно было связано с понятием частного найма. Кроме того, его полностью поглотило понятие «домработница». А все «кухарки» в учреждениях сразу же превратились «в поваров», что, кстати, им лестно: ведь повар — это показатель не только профессии, но и квалификации...

Так же постепенно исчезло слово «посыльный» («рассыльный»), — его вытеснило менее «обидное» слово «курьер»: никому не хотелось «быть на посылках». Однако, если вдуматься, то, пожалуй, «посыльным» не стоило переименовываться в «курьеров», потому что слово «курьер» происходит от французского слова «courir» (курир), означающего «бегать», и весьма близко к понятию «быть на побегушках»...

Исчезло и слово «сиделка»: его заменило более теплое слово «няня»...

* * *

Не очень ясны причины переименования такой славной профессии, как «верхолаз», которого кое-где сейчас называют «высотником».

Почему? Неужели кому-то показался «обидным» входящий в это составное слово глагол «лазить»? Но тогда и слово «водолаз» можно считать «обидным» и требовать замены его «глубинником»?!

Нелепая и вздорная затея! «Верхолаз» и «водолаз» — это народные названия славных и героических профессий, которыми следует гордиться...

* * *

Кстати — о профессиях, требующих мужества и отваги. С тех пор как на Руси началась организованная

борьба с пожарами, человек этого героического труда назывался «пожарный». Так называл его народ, так называла его наша классическая литература...

Лет сорок тому назад откуда-то появилось новое слово «пожарник», которое постепенно стало вытеснять старое слово «пожарный» и находить своих защитников.

По этому поводу я позволю себе поспорить и высказать свое мнение. «Пожарный», мне кажется, это прилагательное («пожарный солдат»), превратившееся в существительное, родственное таким словам, как «дежурный», «рассыльный», «на́рочный» (гонец), «часовой», «вестовой»...

И как нельзя образовать слова «дежурник», «рассыльник», «на́рочник» — так же, по-моему, нельзя сказать «пожарник».

В слове «пожарник», по сравнению со словом «пожарный», есть что-то ироническое, какой-то оттенок насмешки (то же самое я чувствую и в слове «затейник»).

Я всегда ощущал это «инстинктом языка» и потому был очень рад прочесть у бытописателя старой Москвы В. А. Гиляровского в его книге «Москва и москвичи» (очерк «Под каланчой») о том, что в слове «пожарник» есть «что-то мелкое, убогое, обидное»...

Далее он сообщает, что «пожарниками» в Москве с давних пор называли особого рода нищих — крепостных крестьян, приезжавших по приказу своих помещиков на зимнее время в Москву под видом пострадавших от пожара. Часть собранного ими подаяния «шла в оброк, в господские карманы». Некоторые из этих лжепогорельцев приезжали в санях «с обожженными концами оглоблей, уверяя, что они только сани и успели вырвать из огня...»

Вот этих-то «нищих поневоле» и фальшивых погорельцев народ и прозвал с насмешкой «пожарниками».

«Вот откуда взялось это, обидное для старых пожарных, слово: пожарники!» — заключает свой очерк Гиляровский.

Моя книга, повторяю, не является нормативной. Пусть иной не согласится со мной и будет продолжать говорить «пожарники», я уверен, что правильнее всё же говорить «пожарные». Думаю, что я в этом убеждении не одинок...

Понятие обидного или даже оскорбительного слова иногда резко меняется.

Приведу пример.

Пишущий эти строки был в конце 20-х годов «членом коллегии защитников» (сокращенно «ЧКЗ»), то есть адвокатом.

Но в те годы слово «адвокат» считалось оскорбительным. Я помню, как один защитник подал в товарищеский суд на другого защитника, назвавшего его «адвокатом»: это слово считалось тогда таким же типичным для капиталистического мира, как, например, «банкир» или «жандарм».

Сейчас — уже давно — юристы, выступающие у нас в суде защитниками, называются только адвокатами...

Однако вернемся к вопросу: существуют ли сейчас в нашем языке действительно обидные слова в наименовании профессий и рода занятий?

Один мой читатель — бывший шахтер из Донбасса — пишет о таком, доставшемся нам от дореволюционных времен и сохранившемся поныне действительно обидном слове, которому не должно быть места в нашем современном языке.

Это слово — «упряжка».

Поинтересуйтесь, что сказано о нем в словаре Ушакова:

1. Несколько лошадей, запряженных вместе.

2. Группа горнорабочих на одном объекте в данной смене.

Вот об этом-то, втором, значении и пишет с возмущением автор письма: «В старое время так назывался «саночник», который надевал на плечи особые ремни и доставлял в ящике из лавы уголь в открытый штрек. Сейчас процесс добычи угля давно механизирован, никто не надевает ремни на плечи, а вот слово «упряжка» осталось. Не пора ли соответствующим организациям позаботиться о новом термине?»

Присоединяемся к этому предложению. Слово «упряжка», приравнивающее людей к лошадям, необходимо заменить.

Немного еще об одном слове — на этот раз, на мой взгляд, типичном мнимообидном.

Это слово — «чернорабочий», повсюду ныне (совсем недавно!) замененное термином «разнорабочий», в чем, на мой взгляд, повторяю, совсем не усматривается необходимости.

Постараюсь это доказать...

Слово «черный» имеет в русском языке много значений, в том числе в применении к труду — «физически тяжелый и в то же время не требующий специальных знаний и мастерства», как мы читаем в современном академическом словаре.

Ничего порочащего в нем не отмечается.

Очень важно подчеркнуть, что в словаре Ушакова (1940) слово «чернорабочий» — это «рабочий без квалификации, исполняющий черную работу», а слова «разнорабочий» в том же словаре Ушакова вообще нет! Следовательно — до 1940 года в слове «чернорабочий» не ощущалось ничего обидного, а слова «разнорабочий», которого нет у Ушакова, вообще не существовало! Да и академический словарь (1961), впервые приводящий слово «разнорабочий», ставит рядом «чернорабочий», как его синоним.

О какой же «обидности» слова «чернорабочий» может идти речь? Повторяю, в течение десятков послереволюционных лет его даже не существовало!

Ну, а как относились к словосочетанию «черная работа» наши классики?

Посмотрим.

Вспомним у Некрасова:

«От работы и черной, и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести...»

Вспомним у Льва Толстого:

«Черная кухарка и кучер просили расчета».

Вспомним у Горького:

«Теперь я «черный» посудник или «кухонный мужик», я получаю семь рублей в месяц, моя обязанность помогать поварам».

В русском языке издавна существуют понятия «черновик», «сделать начерно», «черновая работа», «черный пол», «черный ход» и т. д.

Таким образом, в слове «чернорабочий» нет решительно ничего обидного, унижающего человеческое достоинство: это народное определение для подсобного рабочего, не имеющего узкой специальности, квалификации, исполняющего простую работу, которая, конечно, является простой только по умению, а по существу бывает очень тяжелой.

Конечно, при современном уровне нашей техники таких «черных» работ остается всё меньше и меньше: труд чернорабочего выполняют и будут выполнять — всё в большем объеме — машины, заменяющие труд человека.

Но всё же говорить о полном исчезновении «черной» работы пока еще не приходится...

Что же касается слова «разнорабочий», которое изобретено кем-то всего лет двадцать тому назад, то оно не только, по моему мнению, не заменяет понятия «чернорабочий», но и имеет совершенно противоположный смысл, полагая наличие способностей умельца, «мастера на все руки»...

* * *

В заключение хочется поговорить об одном широко распространенном бытовом явлении, которое носит безусловно обидный и даже оскорбительный характер.

Я имею в виду «тыканье» и обращение по имени (часто — уменьшительному), так сказать, «без взаимности», то есть одностороннее — от начальника к подчиненному.

Вот типичный пример такого «разговора»:

«Вася! Подашь машину к пяти часам...» — «Хорошо, Петр Николаевич, будет сделано, как вы сказали...»

Это «списанный с натуры» разговор директора одного учреждения со своим шофёром (вернее, пожалуй, водителем). Следует добавить, что «Васе» пятьдесят лет, а «Петру Николаевичу» — всего тридцать пять. Впрочем, в такой же «форме» упомянутый директор обращался и к бухгалтеру, и к кассиру, и к своему секретарю, — тут не спасали ни пол, ни возраст, ни должность. Важно было только одно — все они были «подчиненными»...

Существует «ты» любви, дружбы, взаимных сердеч-

ных чувств, основанных на уважении... Существует «ты», идущее от привычки, давних школьных лет, долгой совместной службы, пребывания на одном и том же фронте... Существует, наконец, «ты» случайных обстоятельств: совместной пирушки, юбилейного чествования, результат «брудершафта» после лишней выпитой рюмки...

Всё это — более или менее горячее, но всегда равноправное, взаимное обращение на «ты» и по имени.

И совершенно отдельно от них стоит холодное, полупрезрительное «ты» начальника к подчиненному, не допускающее ответного «ты», иногда маскируемое как «простецкий» метод обращения этакого «отца-командира» или «рубахи-парня», но обязательно сидящего в «руководящем кресле» хотя бы масштаба председателя артели.

Такое «ты» нетерпимо в нашем обществе: оно связано с явным неуважением одного человека (начальника) к другому человеку (подчиненному), оно оскорбительно для советских людей.

Разговор на «ты», повторяем, может быть только обоюдным (я, конечно, исключая родственные отношения, например, разговор деда с внуком). «Одностороннему» служебному «тыканью» не должно быть места в нашем быту!

То же самое и с именами без отчества или даже уменьшительными, когда они употребляются в служебной обстановке и, конечно, «без взаимности».

Ведь это явление — пусть видоизмененный и неосознанный — отголосок тех давних времен, той России, где, как писал с горечью Белинский, «люди сами себя называют не именами, а кличками — Ваньками, Васьками, Машками и т. д.».

О БРАННЫХ СЛОВАХ И ПО ЭТОМУ ПОВОДУ...

Существует явление быта, достойное всяческого осуждения, вопрос о котором, однако, стыдливо замалчивается.

Это — сквернословие.

И если в предыдущем разделе мы слегка коснулись слов обидных и оскорбительных, то теперь надо поговорить об оскорбительных словах, сквернословии, брани — обстоятельно...

К сожалению, с этим видом порчи и засорения нашей речи у нас еще борются слабо.

К сквернословам у нас почему-то существует недопустимо примирительное отношение. Находятся даже защитники этого безобразного явления, рассуждающие примерно так: «Ну, выразился человек от сердца, с кем не бывает!..»

Заметим, кстати, что и у пьяниц есть защитники, рассуждающие по тому же образцу: «Ну, выпил человек лишнее, с кем не случается, проспится — протрезвится!..»

Иногда взрослые сквернословят при детях, подавая тем самым отвратительный пример: не приходится удивляться, что ругань нередко встречается и среди школьников. Не замечать этого или отрицать — значит, по примеру страуса, «прятать голову в песок».

Один трехлетний мальчуган, вернувшийся с бабушкой после прогулки домой, радостно закричал уже в дверях: «Мама, мама! Сейчас один пьяный дяденька на улице говорил такие слова... Ну, совсем как наш папа!»

Не будет неожиданностью, если этот малыш освоит «папины слова» раньше, чем научится грамоте.

А разве не случается, что сквернословят начальники на службе, подавая очень плохой пример своим подчиненным? Случается, и не редко. Причем, если среди подчиненных есть подхалимы, — что тоже случается, и тоже не редко, — они своим конфузливо-одобрительным смешком всячески поддерживают в своем начальнике уверенность, что он не распушенный самодур, а человек остроумный, оригинальный, своеобразный...

Порой бытовая брань — без всякой злобы, так сказать, «по инерции» — настолько входит в привычку, что сквернословы ее не замечают. Есть люди, которые могут сказать о себе, как персонаж из одной басни:

«Культуру я ценю и уважаю,
Но вот беда: без крепкого словца
Я мысль свою неточно выражаю!..»

Сквернословие иными воспринимается даже как особое проявление молодечества и «русского духа»...

И совершенно напрасно некоторые говорят об этом снисходительно: «с упоминанием родителей», «по ма-тушке» и т. д.

Так называемая «матерщина» — явление гнусное, позорное и абсолютно недопустимое.

О том, что к сквернословам существует несерьезное и даже добродушное отношение, я убедился на собственном опыте, каковым и позволю себе поделиться с читателями.

В 1947 году я написал басню «Сквернослов». С этой басней я обращался в редакции разных газет и журналов: басню всюду хвалили, но не печатали, считая тему «незначительной»...

Только в 1959 году басня была опубликована в одном толстом журнале: понадобилось двенадцать лет для того, чтобы тема о сквернословах была признана достойной внимания и осмеяния.

Сквернословие, особенно «бытовое», — отвратительная привычка, с которой пора покончить.

* * *

Под понятием «сквернословие» я разумею непристойную брань, совершенно нецензурные слова и выражения...

«А разве существует пристойная брань?» — спросит иной.

Да, существует. Например, «черт», «леший», «ведьма» в применении к определенным людям... Едва ли эти слова прозвучат тут ласково и приветливо.

Впрочем, в этом вопросе много условного. Вот, например, три фразы: «Куда лезешь, чёрт?», «Вот толкается, леший!», «Ей, ведьме, только бы склоку разводить»...

А вот три другие фразы: «Ловко пляшет, чёрт!», «Силён, леший!...», «Хитра, ведьма!...» И даже: «Хороша, ведьма!»

Как видите, одни и те же слова могут звучать и осуждением и похвалой. И вообще с персонажами нашей древней народной мифологии дело обстоит неясно: в конце концов между ведьмой и русалкой не такая уж большая разница; однако мы говорим с порицанием «ругается, как ведьма!» и с восхищением «смеется, как русалка!..»

А уж «черти полосатые», «бесенок» — и вовсе отдают лаской...

* * *

Заметим, кстати, что чертыхание в нашем разговорном языке порой отлично уживается с другой нелепой привычкой — божбой, со всеми этими «ей-богу», «разрази меня бог!» и т. д. Тогда получается такое: «Боже мой, что за погода! Черт знает какой дождь!..» Или: «Ни черта не видно! Ей-богу не дойду!..»

Никто из нас, за очень редким исключением, не верит «ни в бога, ни в черта»: чертыхание и божба, эти пережитки прошлого, должны быть признаны привычками, отнюдь не украшающими нашу разговорную речь.

* * *

Несомненно бранью являются названия некоторых животных и птиц — преимущественно домашних, — обращенные к людям: «осел», «свинья», «собака», «корова», «курица» и т. д., особенно с прибавлением усиливающих эпитетов: «упрямый», «грязная», «злая», «нескладная», «глупая» и — универсального — «старый», «старая».

Подтверждение этому можно найти в литературе. Вспомним, например, чеховский водевиль «Медведь» и то, что Иван Иванович и Иван Никифорович у Гоголя поссорились из-за «гусака».

Еще раз напомним, что в распространенном словосочетании «старая карга», доставшемся нам из далекого прошлого, слово «карга» означает по-татарски «ворона».

В защиту животного мира следует сказать, что звери и птицы тут совершенно ни при чем: люди охотно награждают их своими собственными пороками и недостатками. Чтобы осознать, как это несправедливо, достаточно вспомнить выражения: «врет, как сивый мерин» и «напился, как свинья...»

* * *

Я далек от мысли требовать, чтобы наша разговорная речь была совершенно лишена слов, выражающих эмоции досады и гнева. Тогда, пожалуй, надо было бы бороться с тем, что двухлетние дети употребляют слово «бьяка», несомненно несущее в себе элемент если не брани, то порицания!

Едва ли рыболов, у которого сорвалась с крючка почти вытащенная им из воды большая рыба (сорвавшиеся рыбы всегда «большие»), удовлетворится книжным возгласом: «Увы!» Гораздо вероятнее, что он выразится более жизненно: «А чёрт!» или «Вот дьявол!» Такое явление никак нельзя считать бранью и порчей нашего разговорного языка...

Добиться речи абсолютно «стерильной» невозможно, да и... не нужно!..

Разговор идет совсем о другом: об изгнании грубой, непристойной ругани, брани, которая вошла в привычку.

В заключение отметим, что сквернословие — часто вовсе не признак общей низкой культуры и малого развития. Встречаются люди с высшим образованием, которые не только не стесняются своего сквернословия, но иногда даже бравируют им: «Вот, мол, как я умею!» А один из таких «образованных» даже уверял, что от брани речь делается «проще», «доступнее», «народнее». Вот уж где вопрос ставится «с ног на голову!..»

* * *

Есть старинная поговорка: «Брань на ворота не виснет»... Но надо признать, что не все наши старинные поговорки, поговорки и присловья нам необходимо взять с собой, вступая в коммунизм...

Нет! Брань «виснет» на совести советского человека, и чем скорее мы освободимся от этого груза — наследия прошлого — тем лучше!

Сквернословие, повторяю, надо вырвать с корнем из нашей речи!..

О „ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ“ И ОБ ОСТРОТАХ ЖИВЫХ И ОКАМЕНЕВШИХ

Наш народ издавна любит шутку, меткое слово, веселую остроту. Недаром говорится в народе: «Для красного словца — не пожалеет матери и отца...»

Прислушайтесь к разговору молодежи — студенческой, рабочей или колхозной, — и вы всегда услышите целое соревнование в остроумии...

А народные частушки? Сколько искреннего веселья и подлинного остроумия в этих коротких стихах!

А какие меткие прозвища дает народ... Сколько тонкого остроумия в каждой поговорке и пословице!..

Наш повседневный быт, естественно, порождает всё новые и новые остроты, которые прочно входят в разговорную речь.

Взять хотя бы слово «авоська» — короткое, меткое и смешное, — родившееся в первые годы революции, когда было трудно с продовольствием и когда люди стали ходить со всякими ручными сумками и сетками в надежде: «авось, что-нибудь достану...»

Или еще пример. Высокие мужские боты с застежкой называются шутливо «прощай, молодость!», а такие же боты без застежки (которые можно надевать, не нагибаясь) — «здравствуй, старость!..»

Подобных примеров можно привести много.

* * *

Один студент прислал мне письмо, в котором спрашивает: «Допускаются ли в языке неправильности, которые происходят не от незнания, а просто из желания пошутить, «поиграть языком».

Вопрос интересный и заслуживающий ответа. Наша русская разговорная речь, конечно, не может, да и не

должна быть приведена «к одному знаменателю»: было бы очень скучно, если бы все говорили совершенно одинаковым языком, без фразеологических особенностей, без индивидуальной окраски речи, без словесной улыбки, без шутки, без «языковой игры»... Это было бы подобным тому, как если пить только одну дистиллированную воду.

Наши речевые ситуации очень разнообразны. Одно дело — выступать с докладом на собрании, другое дело — вести концерт самодеятельности, иное — говорить в служебной обстановке со своими сослуживцами или — в домашней обстановке с членами своей семьи, с близкими друзьями и знакомыми. Лексика не может быть, конечно, при всех этих обстоятельствах одинаковой.

Среди действующих в живой речи языковых факторов безусловно существует и фактор «языковой игры». Человек в языковом отношении сильный постоянно прибегает в своей разговорной речи к «игровым» моментам. Это не значит, что он постоянно старается острить и каламбурить. Нет! Просто — в соответствующей обстановке, конечно, — он говорит как бы «облегченно», со «словесной улыбкой».

Речь, безусловно, должна быть всегда правильной, но в ней допускаются, конечно, такие выражения, которые совершенно неуместны при других обстоятельствах и в другой обстановке.

Человек, например, вместо того чтобы сказать «что это такое?» — говорит «что это за штуkenция?», отлично зная, что слова «штуkenция», в сущности, нет, но ему хочется сказать именно так.

Иной вообще любит своеобразно деформировать обычные и «приевшиеся» ему по форме слова. Так, например, лаская любимую собаку, он может сказать: «собачка моя, собачюля, собанюся», прекрасно понимая, что тут же придуманные им ласкательные имена «неправильны». Он говорит их потому, что обычного слова «собачка» ему в данный момент и при данном настроении — недостаточно.

Пусть абсолютно точная речь остается уделом дипломатов, ученых, нотариусов, составителей судебных решений и т. д., а живой разговорный язык, повторяю, может отличаться шутливыми изменениями формы и нарочитыми «неправильностями»...

Всё это так.

Но здесь, конечно, надо знать меру. Иным — увы! — безобразное коверканье языка представляется забавным, грубость языка — своеобразной, а нелепые словесные обороты — оригинальными...

Однако о какой «оригинальности» можно говорить, когда речь этакое «стиляги» языка является насквозь подражательной и повторяющей то, что было уже сказано другими. Вся беда в том, что многие — особенно среди молодежи — вместо «языковой игры» начинают озорничать, коверкать и строй нашей речи, и грамматику, и здравый смысл... Сказать какую-нибудь словесную шутку, уместную к данному случаю, это, конечно, допустимо. Но когда так начинают говорить кроме него еще сто тысяч его сверстников и сверстниц — эта словесная шутка уже становится «окаменевшей остротой» или «блуждающей бессмыслицей»...

В самом деле, что, например, означает выражение «на большой палец с покрышкой и присыпкой»? Или «наше вам с кисточкой!»?

Бессмыслицу. Однако такая «блуждающая бессмыслица» спокойно существует в нашей речи.

А слышали вы выражения: «прошу — в смысле умоляю», «вот в таком разрезе», «типичное не то», «как штык», «приветствую категорически», «с этим всо» (именно «всо», а не «всё»), «дал жизни»?..

Среди молодежи — особенно театральной — всегда имеются остряки-«хохмачи», которые изошряются в «выдаче» так называемых «хохм».

Кстати, о последнем слове. Многие думают, что оно произошло от слова «хохотать», между тем как оно происходит от древнееврейского слова «хóхом», что означает «умник», «мудрец». Со временем это слово приобрело иронический смысл. Так появилось народное выражение «хóхом балайло», что в переводе означает «умник, пока спит»... В дальнейшем слово «хохом» стало широко распространяться и, попав в круги, не знающие древнееврейского языка, стало связываться с понятием «хохотать» и означать всякую остроту, вызывающую смех.

К сожалению, многие «хохмы» превратились в «окаменевшие остроты».

Как они возникли? Вероятно, кто-то когда-то при известных обстоятельствах выразился так, желая сказать смешное, после чего «окаменевшая острота» постепенно стала прочно входить в нашу речь, особенно у молодежи.

Человек, первый сказавший вместо «будет сделано» — «бу сделано», возможно, и вызвал чью-то улыбку. Но, когда эту «окаменевшую остроту» повторяют тысячи, она только раздражает.

Наверное, вам приходилось наблюдать, что повторение остроты вызывает чувство неловкости. Мне случилось однажды быть на концерте, где выступавший в конце программы (и приехавший к концу вечера) артист повторил остроту, сказанную ведущим программу в начале концерта: острота, вызвавшая в первый раз дружный смех, теперь вызвала только чувство неловкости.

Уже много говорилось о «стилягах языка», о том словесном «нигилизме», который порой граничит со «словесным хулиганством», о всех этих «потрясно!», «железно!», «муты!», «жуть!» и прочем «культурном наследстве» ильфо-петровской Элочки. Вот именно эти «словесные стилиги» и являются главными распространителями «окаменевших острот».

А вот пример «словесного хулиганства»:

«Кто мне за это заплатит: Пушкин?»

Когда-то существовало выражение «за счет английского короля». Теперь это выражение отмерло, — неужели для того, чтобы появилось выражение не только дурацкое, но и кощунственное по отношению к памяти нашего величайшего поэта?

...Конечно, для многих молодых людей особый жаргон — это явление временное, влияние «словесной моды». Пройдет время, они подрастут, поумнеют и станут говорить другим языком. И школьник, говорящий теперь «атаас!», не будет повторять это слово, когда вырастет...

Но всё же и сегодня надо нашей молодежи следить за своим языком и — говоря живо, весело, образно, свободно — постараться избавиться от «окаменевших острот» и «блуждающих бессмыслиц».

УЗАКОНЕННАЯ ОШИБКА

Знаете ли вы слово «полость»?

Я уверен, что каждый ответит утвердительно.

А знаете ли вы слово «полсть»?

Я думаю, что почти все ответят отрицательно.

А между тем — это два равноправных слова в русском языке...

Слово «полость» произошло от слова «полый», то есть «пустой», и в прямом смысле обозначает «лунку», «впадину», «яму». От этого же корня — слово «полынья» (лунка во льду, которая отличается от проруби тем, что возникла естественно, а не прорублена).

Эту же пустоту или «вместилище» («природа не терпит пустоты!») имеет в виду медицинская наука в терминах «гайморова полость» (полость в области носа), «брюшная полость» и т. д.

Но какое же отношение ко всему этому имеет «полость», которой укрываются седоки в санях? Никакого...

Седоков в санях, если говорить точно, укрывают не «полостью», а «полстью».

«Полсть» — это толстый ковер, а иногда и звериная шкура на подкладке, которые кладутся — для тепла — на ноги едущих в санях.

«Ага! — скажет иной читатель, — значит, «полсть» — от глагола «положить»?

Нет.

Слово «полсть» происходит от глагола «полстить», что означает «валять», «катать», «сбивать в полсть», из которой и делается «покрывало для ног седока», как об этом сообщает словарь Ушакова, ошибочно считая, однако, что «полсть» — это совершенно то же самое, что «полость».

Но это не так. Словарь Даля точно указывает, что «полсть» и «полость» — совершенно разные слова и понятия.

Однако со временем слово «полсть» стало исчезать. Уже сто с лишним лет тому назад народ стал называть «медвежью полсть» — «медвежьей полостью», считая «полость» в этом значении омонимом слова «полость» в другом значении.

Уже Некрасов писал:

«Медвежью полость в ноги стлал».

То же у Салтыкова-Щедрина в «Пошехонской старине»: «Шершавая крестьянская лошаденка, порванная сбруя и лубочные сани без полости — вот и всё».

И у Блока читаем:

«...легко заправить
Медвежью полость на лету...»

Следовательно, произошло довольно редкое явление: слово «полсть» из-за случайного звукового сходства исчезло, полностью влившись в слово «полость».

Однако полностью ли?

Читая автобиографическую повесть «Далекие годы» замечательного советского писателя старшего поколения Константина Паустовского, я увидел: «Он откинул потертую волчью полсть, и мы сели в узкие сани...»

А во второй книге романа нашего знаменитого писателя-современника Михаила Шолохова «Поднятая целина» я прочитал про окна, которые были «изнутри наглухо завешены толстыми, валяными из серой шерсти полстями...»

Таким образом, слово «полсть», ставшее рудиментом языка и совершенно выпавшее из нашей разговорной речи, нельзя считать окончательно умершим: оно еще живет в недрах нашей речи, в какой-то степени «существуя» со словом «полость» и подавая признаки жизни в произведениях наших современных писателей — больших знатоков русского языка.

Было бы любопытно узнать от читателей этих строк, не встречалось ли им где-нибудь — в литературе или в живом разговорном языке — слово «полсть»?

Удивительная история у некоторых слов!

ЕЩЕ РАЗ О БОГАТСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Представьте себе, дорогой читатель, что вы идете по огромному цветущему лугу, полному прекрасных полевых цветов, с целью собрать большой букет. Вы собрали их уже множество, а вокруг — «непечатый край» всё новых и новых цветов...

Нечто подобное испытываешь, сталкиваясь с богатством русского языка, со словесными сокровищами нашего народа.

И сколько находишь новых для себя слов, особенно в понятиях, связанных с родной природой...

Русский крестьянин, естественно всегда стоявший гораздо ближе к природе, чем горожанин, знает и употребляет в быту много слов, которые непонятны и чужды горожанину. К тому же существуют очень точные слова, известные только жителям некоторых областей нашей необъятной Родины — северных, средней полосы, южных, лесных, степных, приморских...

Вот, к примеру, слово «шáста». Что это такое? Мох, растущий на стволе дерева с северной стороны и защищающий его от холодных ветров. Я уверен, что многие миллионы — и я в том числе — ни разу в жизни не упомянули в разговорном языке слово «шáста». Но значит ли это, что такое слово можно выбросить как ненужное из нашего словарного фонда?

Конечно нет! И если оно практически не нужно огромному большинству населения, то это не значит, что его не употребляют в разговоре лесорубы, охотники и другие лица, связанные с лесом.

А сколько таких чудесных слов в языке садоводов, рыбаков, пастухов, пчеловодов, сколько их в языке хле-

бопеков, портных, скорняков, сапожников, слесарей, столяров, шахтеров — всей «великой армии труда», — и как всё это обогащает наш великий русский язык... Ведь каждое такое слово, идущее из народных глубин, — это песчинка, а из таких песчинок и состоят величественные горные громады нашей родной речи...

А слова-термины, свойственные людям особого занятия? Взять хотя бы специальный язык охотников. Мне с детства нравилось, например, что хвосты у разных животных носят у охотников особые названия: хвост волка — «полено», хвост лисицы — «труба», хвост зайца — «цветок», хвост гончей собаки — «гон», хвост сеттера — «перо», хвост борзой — «правило» и т. д.

Даже такое обычное действие, как увидеть зайца на лёжке, называется у охотников «подобрить» зайца...

В чем практический смысл существования подобных слов? В экономии времени для их произношения? Но едва ли слово «полено» много короче слов «волчий хвост»... И слово «подобрить» не короче, чем «увидеть» или «заметить». И чем вообще такой «техницизм» помогает охотнику?

«Техницизм» здесь сливается с языковой традицией, с давней привычкой, а может быть, и со стремлением к поэзии, столь характерным для нашего поэтического народа.

Народ-языкотворец всегда создавал множество слов, которые обогащали нашу речь и художественную литературу.

Однако далеко не все понимали это. Приходилось это доказывать.

Пушкин писал: «Вслушивайтесь в простонародные наречия, молодые писатели, вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах»...

И еще: «Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка»...

В дореволюционное время господствующие классы, стоявшие далеко от народа, не знали и не хотели знать народной жизни, а следовательно, и народного языка.

Для них, например, слово «подоплёка» было только отвлеченным понятием и не вызывало представления о куске материи, подшиваемом (для прочности) изнутри «под плечо» русской рубахи.

А поскольку множество подобных понятий и предметов имело названия, шедшие из глубокой старины, эти исконно русские наименования стали постепенно изгоняться из «образованной» речи и из литературы, считаясь «простонародным языком».

Выходец из народа Кольцов мог писать в своих стихах:

«Вот уж осень на двор
Через прясло глядит...»

Но Фету, например, «мужицкое» слово «прясло» было глубоко чуждо.

И до настоящего времени наша городская интеллигенция, включая писателей, в массе плохо знает язык русской природы, русского быта, русского села...

Позволю себе произвести следующий маленький опыт: я предлагаю читателям этих строк ответить — сразу, не сходя с места и не заглядывая в словари, — что означают следующие десять слов:

стрежень	третьяк
отава	падь
пойма	верea
межень	лукоморье
ластовица	лемех

Уверен, что не все дадут точный ответ, хотя я совсем не подбирал особенно трудных слов...

Но вернемся к вопросу о «простонародном языке». Как относились к нему наши классики?

Хорошо известно, каким борцом за народность языка был Пушкин, который не раз негодовал по поводу того, что многие слова его стихов казались критикам «низкими», «бурлацкими», «подлыми словами»... Все классики в той или иной степени боролись за народность своего литературного языка.

Для того чтобы не злоупотреблять цитатами, сошлюсь на одного Достоевского, в языке которого обильно разбросаны такие слова, как «давеча», «допреж», «давешний», «тамошний», «третьеводнишний», «сейчасшний», «надоть» и т. д.

Взятым из народного языка являлось и слово «вечёр», что означало «вчера вечером». Это отлично понимал А. С. Пушкин, писавший:

«Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...»

и заставлявший няню в «Евгении Онегине» говорить:

«Вечор уж как боялась я!

Да, слава богу, ты здорова!» —

и не понимал наш современник, поэт В. М. Волженин, когда писал:

«Приходи вечор, любимый...»

Известно отношение к народному языку Маяковского, который вообще не делал разницы между литературным языком и народным. В своей статье «Как делать стихи» он писал: «Большинство моих вещей построено на разговорной интонации...»

Живая речь народа! Именно оттуда, из глубинных недр народного языка наши классики, бессмертные мастера слова, смело брали слова-самоцветы...

Этим языком они проверяли силу своего слова. Тут уместно вспомнить слова Льва Толстого: «Язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, — мне мил. Язык этот, кроме того — и это главное, — есть лучший поэтический регулятор. Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное — язык не позволит, а наш литературный язык без костей; так набалован, что хочешь мели — всё похоже на литературу...»

Наши современные поэты и писатели черпают слова из народного языка гораздо более робко, чем классики.

Найти слово, идущее из народной гущи, в стихах большинства советских поэтов — задача трудная. Уж слишком приглаженно, похоже друг на друга пишут наши поэты...

И когда в стихах, например, Александра Прокофьева встречаешь необычное выражение «девчонки-сговорёнки» (то есть те, что «сговорены», невесты), радуешься, ощущая живой родник народной русской речи.

Особо следует поговорить о том псевдонародном, то есть заведомо неправильном, языке, который иногда выдается за «народный».

Достаточно в этом вопросе будет сослаться на А. П. Чехова и А. М. Горького.

В письме к брату в 1889 году Чехов пишет по этому

поводу очень ясно: «Лакеи должны говорить просто, без „пушай“, „теперича“».

Это же он утверждает и в другом письме в 1892 году: «Мы-ста» и «шашнадцать» сильно портят прекрасный разговорный язык. Насколько я могу судить по Гоголю и Толстому, правильность не отнимает у речи ее народного духа... (Разрядка моя. — Б. Т.)

Не раз писал и Горький о речевом языке, противопоставляя его литературному.

Так, в одном письме в 1929 году он говорит: «Разумеется, надобно хорошо знать речевой и литературный язык, но не следует смешивать их» (разрядка моя. — Б. Т.).

В своей «Беседе с молодыми» в 1934 году Горький развивает эту мысль: «Само собой ясно, что речевой язык остается в речах изображаемых литератором людей, остается в количестве незначительном, потребном только для более пластической, выпуклой характеристики изображаемого лица, для большего оживления его».

И, как пример, приводит знаменитое «двистительно» в «Плодах просвещения» у Льва Толстого.

Итак — мы за народный язык, но не за искажение русской речи.

А потому всем этим «апосля» и «пушай» — не место в литературном языке, как со временем — при достижении всеобщего образования — им не будет места и в разговорной речи.

* * *

У многих исказителей русского разговорного языка, как мы уже видели, есть одна любимая отговорка: «Так говорят...»

Некоторые для большей убедительности выражаются торжественнее: «Так говорит народ» или «Так поет народ»...

Но ведь народ состоит из огромного количества личностей, а отдельная личность, конечно, может по незнанию говорить неправильно.

Попробую пояснить это примером из своего опыта.

В 1926 году я написал песню «За окном черемуха колышется», которая получила широкое распространение с целым рядом мелких искажений.

Так, вторая строка песни гласит:

«Осыпая лепестки свои...»

Между тем песня упорно поется некоторыми в таком виде:

«Опуская лепестки свои...» —

хотя каждому должно быть ясно, что черемуха не опускает свои лепестки, а осыпает.

Следовательно, не всё, что «поет народ», надо считать точным и правильным в отношении языка как по форме, так и по смыслу...

НЕМНОГО О СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ

Кто творит язык? Кто создает слова?

Народ.

Но ведь народ состоит из отдельных людей. Может быть, иногда представляется возможным установить, кто именно изобрел и «пустил в обращение» (это — главное!) то или иное слово?

Да, это возможно, однако не так просто. И прежде всего мы обратимся к тем, кому и надлежит быть «изобретателями слов» — к писателям и поэтам.

Итак, может ли творец литературы создать, сочинить совершенно новое слово?

Может — в смысле «имеет право». Еще Аристотель в своей «Поэтике» (гл. XXI) писал о праве поэта употреблять слово, «которое совершенно не употребляется другими, а придумано самим поэтом». О том же праве поэта «свою чеканить монету», то есть создавать свои, новые, словообразования писал и Гораций.

Если мы обратимся к русским писателям, то найдем несколько убедительных образцов словотворчества.

Так, например, Антиох Кантемир, знаменитый зачинатель русской литературной сатиры, был автором таких слов, как «понятие» и «средоточие». Великий Михаил Ломоносов изобрел множество слов, главным образом научных терминов, как путем перевода (уже упомянутые нами «кислород», «водород», «углерод» и др.), так и путем введения и сочетания греческих и латинских слов («градус», «атмосфера», «барометр» и др.).

Известно, что Н. М. Карамзин создал ряд таких общеупотребительных слов, как «промышленность»,

«общественность», «человечный», «общедоступный» и др.

Но так обстояло дело в начале формирования нашего литературного языка, процесса, закончившегося блистательной пушкинской эпохой.

В порядке отступления следует отметить, что много слов вводилось тогда путем так называемой «кальки», то есть точных, буквальных переводов иноязычных слов и выражений. При этом не обходилось и без курьезов, о чем упоминает Пушкин в своих «Мелких заметках». Так, например, французское выражение «sens froid» (сан фруа) — «холодная мысль», «хладномыслие» было спутано с «sang froid» (тоже «сан фруа») — «холодная кровь» и появилось слово «хладнокровие»... Французское слово «assiette» — «положение» было спутано с «as-siette» — «тарелка», и так возникло выражение: «чувствовать себя не в своей тарелке...»

Однако вернемся к нашей теме.

Великий Пушкин значительно обогатил словарный фонд русского литературного языка. Здесь не место говорить об этом подробно (о языке Пушкина написано много специальных исследований и даже издан специальный «Пушкинский словарь»), отметим только, что Пушкин охотно возрождал старинные, забытые слова и вводил в литературу слова, взятые им из народного языка и просторечия.

В послепушкинские времена создание писателями новых слов, вошедших затем в общенародный язык, — явление весьма редкое.

Так, например, из большого числа слов, сочиненных Ф. М. Достоевским, уцелело лишь одно слово «стушеваться»...

А ведь Достоевский вводил множество неологизмов, из которых некоторые были весьма удачны. Мы можем вспомнить такие слова, как «стрицкий», «шлёпохвостница» (от «шлейф» и «шлёпать»), «сверлива» (от слов «сверло» и «сварлива»), она «лисила» (хитрила), «белоручничать», «недоразвитка» и др.

Некоторые его неологизмы были совершенно нежизненны, например: «...протягивая к нему свою прелестно гангированную руку» (то есть «затянутую в перчатку», от французского «gant» (ган) — перчатка), но большинство остро и метко, как мы видели из приведенных ранее примеров.

И всё же они не вошли в русский язык. Народ их не принял, не взял «на вооружение»...

Иногда писатель не изобретает, но вводит во всеобщее употребление уже изобретенное слово. Так, Тургенев ввел слово «нигилист» (от латинского « *nihil* » (ни-хиль) — «ничего»), то есть «всеотрицатель», в его общепринятом понимании, сделав слово сразу популярным через роман «Отцы и дети». Но впервые употребил его еще в 1829 году в «Вестнике Европы» критик Н. И. Надеждин. Через год Пушкин, который полемизировал с Надеждиным, в сатире «Исправленный забияка», направленной против Надеждина, писал о дерзком мальчике Ванюше, который, когда мимо него проходил порядочный человек, бегал за ним и кричал: «Пьяница, урод, развратник, зубоскал, писака, безбожник, нигилист!» — и кидал в него грязью».

Тургенев претендовал на изобретение им слова «перспективы» и даже писал Льву Толстому в 1857 году: «Везде „перспективы“ (это слово Боткин у меня украл)».

М. Е. Салтыков-Щедрин создал слово «головотяп», весьма распространенное по сей день.

Можно составить целый словарь, например, из слов, сочиненных Н. С. Лесковым, но это будет книжная затея: в разговорную речь его слова не вошли. Разве что, как шуточное, слово «мелкоскоп»...

Из огромного количества новых слов нашего великого трибуна революции В. В. Маяковского, множество цитат из стихов которого мы знаем наизусть, можно назвать, как вошедшее в язык, пожалуй, только «громадьё»...

Не надо, однако, думать, что новые слова могли сочинять только большие писатели, классики: иногда это удается писателям сравнительно малоизвестным.

Кто, например, сочинил слово «интеллигент»?

П. Д. Боборыкин (1836—1922) — писатель ныне малочитаемый.

Попытки словотворчества продолжаются и в наши дни.

Пример весьма смелого словообразования встречаем в следующем отрывке из повести Вл. Солоухина «Капля росы»:

«В будние дни в обед то и дело можно видеть на лу-

жайках спящих людей: чего томиться в духоте да в мухоте!..» «Мухота» — смелая находка, хотя и неизвестно «примет» ли ее народ... А вот пример совсем новый в повести «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицын пишет: «Ой, лють там сегодня будет — двадцать семь с ветерком, ни укрыва, ни грева!»

Итак — создание писателями слова, вошедшего в язык народа, — явление не только редкое, но и редчайшее, уникальное...

* * *

А бывают ли примеры словотворчества в обыкновенной разговорной речи?

Конечно бывают, но они остаются незамеченными и потому не оказывают никакого влияния на наш словарный фонд.

Вспоминается такой случай. Я шел мимо кинотеатра, из которого выходила публика после очередного сеанса одного заграничного комедийного фильма. До меня донесся отрывок диалога:

«Понравилась тебе картина?» — «Не очень... Так — пустое, развлекательное зриво»...

Последнее слово, несколько грубоватое «на первый слух», было несомненно только что сочинено говорящим для выражения иронически-презрительного отношения к увиденному: слово «зрелище» его не удовлетворило, и он мгновенно выдумал слово «зриво», которое относилось к «зрелищу» совершенно так же, как «чтиво» относится к слову «чтение». Это изобретенное им слово сейчас же бесследно исчезло, как гаснет искра от костра...

Я не буду утверждать, что оно обогатило наш язык, но одно несомненно: слово «зриво» выразило особое понятие, которое не передать другим словом нашего языка.

Еще пример...

Как-то одна старушка, живописуя беспокойную жизнь в большой коммунальной квартире, сказала: «С самого утра шум, крикотня...»

Я впервые слышал слово «крикотня», но оно показалось мне вполне уместным и даже имеющим право на существование. Ведь если в русском языке есть слова

«суетня», «беготня», «руготня», «толкотня», «трескотня», и — особенно — «стукотня», то почему же не существовать и слову «крикотня»? Вспомним, что у Пушкина в «Евгении Онегине» (гл. VI, строфа XI) встречается:

«...шепот, хохотня глупцов...»

Пример схожего по форме слова можно найти у Грибоедова в «Горе от ума» (действие I-е, явление 3-е), где Фамусов говорит:

«...По должности, по службе хлопотня,
Тот пристаёт, другой: всем дело до меня!»

(Заметим в скобках, что Маяковский, не довольствуясь существованием слова «беготня», в стихотворении «Барышня и Вульворт» пишет:

«Бродвей сдурел.
Бегня и гулево».)

И «хохотня» и «хлопотня», несомненно, редко употребляемые слова. Но они существуют в нашем языке, что доказывают Пушкин и Грибоедов.

Глагол «кричать» находится явно в одном эмоциональном ряду с глаголами «суетиться», «бегать», «ругать», «толкать», «стучать», «хохотать», «хлопотать», — и потому вполне понятно и объяснимо построение такого отглагольного существительного, как «крикотня»... Однако этого слова я больше ни от кого и никогда не слышал: оно исчезло так же мгновенно, как родилось.

И, наконец, третий пример, взятый, так сказать, из «семейной хроники»...

Как-то, когда я писал эту книгу, вошла с покупками моя жена и, открыв коробку только что купленных конфет, воскликнула, попробовав их: «Какая вкуснота!»

Как боевой конь при звуке трубы, я бросился к книжному шкафу, к словарям русского языка. Ни в одном из них не оказалось слова «вкуснота». А между тем оно отлично выражало то понятие, которое говорящая хотела выразить. Ведь сказать «вкус» — совсем не то, «вкусность» (по аналогии со словом «ясность» от «ясно») — не совсем то, а «вкуснота», по форме и зву-

чанию родственное словам «теснота» (от «тесно») и «краснота» (от «красно»), — именно то.

Так — совершенно случайно и незаметно для говорящего — было найдено новое слово...

Вывод.

Словотворчество отдельных людей безусловно встречается в бытовой речи, но, как правило, бесследно пропадает, не оставляя следов в языке народа.

Слова, как семена, носятся поднимаемые ветром разговорной речи. Лишь очень немногие из них, попадая на плодородную почву родного языка, «пускают корни», то есть входят в словарный фонд народа.

О НЕКОТОРЫХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

«От пословицы не уйдешь»...

«Пословица не судима»...

«Пословицы не обойти, не объехать»...

«Пословица ведется, как изба веником метется»...

«Старая пословица вовек не сломится»...

«Поговорка — цветочек, а пословица — ягодка»...

Так говорит народ. Пословицы и поговорки — наряду с песнями, сказками, загадками, прибаутками, приговьями — это душа народа.

Вековая мудрость, мораль, жизненный опыт, тонкое наблюдение, насмешка, шутка — всё это отражается в пословицах и поговорках.

И казалось бы, что пословицы и поговорки не могут произноситься неправильно. Однако это не так, в чем мы сейчас убедимся.

Вот, к примеру, пословица-поговорка: «Хоть кол на голове теши!» Некоторые ее произносят с последним словом «чеши», явно путая глаголы «тесать» и «чесать»...

Но рекорды «индивидуального» искажения поговорок были поставлены одной девушкой, говорившей вместо «как в воду канула» — предельно бессмысленное «как в воду клюнула» (!), и одним молодым мужем, который жаловался, что жена доводит его до «белого колена» (!!) и убедившимся, что надо говорить «до белого каления», только после изрядного словесного боя...

Впрочем, от одного студента я услышал еще: «Попыток — не убыток!» Такой странной «пословицей»-самоделкой он, вероятно, пытался заменить старинную народную пословицу «Попытка — не пытка!»

Но — «На пословицу, что на дурака, и суда нет» и «Пень не околица, а глупая речь не пословица»...

Гораздо более удивительно другое явление: ошибки в пословицах, встречающиеся в разговорной речи не только в языке одного лица, но и в языке огромного множества людей, — ошибки, давно попавшие в литературу и переходящие от одного поколения к другому.

Явление это, конечно, очень редкое, можно сказать — редчайшее, но всё же существующее, а потому и достойное внимания.

Я должен заметить, что кое-что из приведенных примеров мне не всегда легко объяснить и доказать, но так же трудно и опровергнуть мои утверждения: истина затерялась в давних временах...

Привожу несколько примеров, на мой взгляд, неправильного произнесения народных пословиц и поговорок:

1. «Попал, как кур в о щ и».

Искажение, хотя и очень давнее. Из кур, как правило, щей не варят. В чем же дело? Куда же, в таком случае, попал петух (кур — в старинном наименовании)?

Всё дело в искажении старинной народной пословицы-поговорки: «Попал, как кур в о щ и п».

Эту пословицу не опровергнуть ни ссылкой на словари (пословица древнее!), ни утверждением, что кому-то когда-то довелось есть щи из курицы...

2. «На́ тебе, боже, что нам не гоже».

Опять искажение. Первоначальная старинная народная форма: «На те (бе), небоже, что нам не гоже». Если вспомнить, что «небога» в древнем русском языке означает «убогий», «нищий», «калека», «бедняк», а «небоже» — з в а т е л ь н ы й падеж от этого слова, смысл пословицы совершенно ясен: убогому, нищему дают обычно то, что не нужно дающему. Бог тут совершенно не упоминается.

Любопытно заметить, что слово «небо́га» существует в украинском языке, где означает наряду со словом «племянник», «бедный родственник», также и «несчастный», «бедняжка».

Вспомним у Тараса Шевченко:

«...й не чули,
Де вона поділась.
Думали, на пожарищі
Небога згоріла».

3. «Сухо дерево — завтра пятница».

Эта пословица из-за очень большого искажения превратилась в такую бессмыслицу, что почти совершенно выпала из нашего разговорного языка. Лет пятьдесят тому назад в таком виде ее употребляли школьники младших классов; существовала своеобразная игра: если двое говорили одновременно одно и то же слово, надо было немедленно постучать по черному предмету и произнести как заклинание эти бессмысленные слова, чтобы не получить двойки!

Что же искажено в этой «бывшей» пословице?

Очень многое.

Народная пословица гласит: «Сухо(е) дерево назад не пятится», то есть не возвращается в первоначальное положение. Явление близкое и понятное всем, кто имел дело с намоченной, а затем высушенной древесиной: например, при изготовлении дуг.

Смысл этой пословицы близок к пословице: «Куй железо, пока горячо».

4. «Тише воды, ниже травы».

Так произносят эту поговорку все. В таком виде она нередко попадает в художественную литературу...

А между тем подлинная народная поговорка звучит несколько иначе: «Тише травы, ниже воды». Казалось бы, что «от перестановки слагаемых сумма не меняется». Ан, нет! Язык, повторяю, не математика...

В чем же дело? Разберемся...

Трава — не обязательно низкая. Бывает трава и в рост человека, так что быть «ниже травы» очень просто. Но и высокая трава издает даже при сильном ветре едва слышный шелест, и поэтому быть «тише травы» — трудно. (Что трава связана с понятием «тишины» видно из поговорки-выражения «Слышно, как трава растет».)

Перейдем к «воде». Вода — не обязательно тихая: порой небольшой бурливый поток шумит весьма громко. Потому быть «тише воды» — нетрудно. А вот быть «ниже воды» — невозможно (не рискуя захлебнуться!).

Вот обо всем этом и говорит мудрая народная поговорка: «Тише травы, ниже воды», которую почти все произносят неправильно.

5. «С суконным рылом да в калашный ряд».

Смысл этой — ныне совсем устаревшей — полупословицы-полупоговорки, говорящей о социальном неравенстве, в таком виде не совсем ясен. Что означает «суконное рыло» и почему ему не место в «калашном ряду»?

А между тем когда-то всё звучало иначе, а именно: «С посконным рылом да в суконный ряд». И сразу всё становится совершенно ясным. «Поскóнина» — это толстая, грубая ткань, сделанная из поскони, то есть из конопляного волокна: из такой ткани делались крестьянские рабочие рубахи.

«Посконный ряд», «посконное рыло» — так в царской России презрительно назывались (кем? — совершенно ясно) люди «низкого» сословия. Этой «мужицкой» дешевой «поскони» противопоставлялось «господское» дорогое «сукно», — так же как черному хлебу противопоставлялся белый калач.

Со временем произошла словесная путаница: «посконное» заменилось «суконным» и поговорка лишилась первоначального смысла...

6. «Суть да дело»...

Что означает это выражение? Какая суть и при чем тут дело? А при том, что это выражение употребляется очень многими в искаженном виде. Существовало выражение «Суд да дело», в котором отразилась волокита старинного судопроизводства: пока происходили «суд да дело», то есть тянулась длительная тяжба, многое могло измениться. Вот в чем был смысл этой старинной поговорки, который исчез при распространенной ныне форме «пока суть да дело...»

Существуют и пословицы, которые, сохранив свою форму, получили совершенно другое содержание в современном разговорном языке.

Приведу примеры.

1. «Гречневая каша сама себя хвалит».

Мы так говорим, когда хотим добродушно высмеять хвастунов и самохвалов.

А первоначальный смысл у этой старинной пословицы был другой...

Гречневая каша, особенно с маслом или с молоком, — это давнее излюбленное блюдо нашего народа. И пословица означала: то, что хорошо, — не требует

особых похвал, хорошее качество говорит само за себя. А «гречневая каша сама себя хвалит» в смысле осуждения самохвалов — непонятно: почему именно каша?

Согласитесь со мной, дорогой читатель!

2. «Ничего не попишешь»...

А что, собственно, надо «пописать»? Решительно ничего. Первоначальное выражение было: «Ничего не пропишешь», то есть нельзя прописать никакого лекарства, не найдешь никакого средства для оказания помощи.

3. «Чёрта в стуле»...

Выражение, употребляемое для определения нагромождения непредвиденных и обычно нежелательных обстоятельств. Но причем здесь «черт» и почему он должен быть «в стуле»?

А потому, что когда-то здесь было «в ступе»: подразумевалось, что черта не истолочь и в ступе...

* * *

Существуют, наконец, пословицы, так сказать, «усеченные», то есть вошедшие в общее употребление только в частичном виде.

Пример: «От добра добра не ищут».

Кто не знает этой пословицы? Вероятно, каждому приходилось ее не раз слышать, да и самому произносить. Однако мало кто знает, что она является... половиной пословицы!

Полностью пословица звучала так: «От овса кони не рыщут, от добра добра не ищут».

Однако первая половина не была взята на словесное «вооружение» и постепенно забылась. Очень возможно, что причиной этого явилась неточность ритма, весьма строго соблюдаемого народом в пословицах и поговорках: слово «кони» здесь ритмически требует ударения «конй»...

Тоже пример «половинной» пословицы: «На чужой каравай рот не разевай». Когда-то у нее было продолжение, выпавшее впоследствии: «...а раньше вставай, да свой затевай».

И еще пример. Не совсем понятная ныне поговорка «Голод не тётка...» имела когда-то продолжение:

«...пирожка не подсунет», которое делало ее понятной и законченной, но со временем забылось...

А вот поговорка, требующая особого исследования:

«Врет, как сивый мерин».

Происхождение этой поговорки давно интересовало меня. Почему вранье надо связывать с понятием «сивого мерина», а не «черного ворона» или «зеленой лягушки»?

Как-то один знакомый сообщил мне, что эта поговорка происходит от фамилии некоего барона Сиверса-Меринга, жившего в Петербурге в начале прошлого века и отличавшегося своим пристрастием ко лжи.

Всё же такое предположение вызвало у меня сомнения. Я продолжил свои поиски и узнал еще и следующие объяснения.

При прокладывании борозды сохой или плугом лошадь должна идти прямо, не отклоняясь в сторону. Обычно она, слушаясь пахаря, так и поступает, но «сивый» (то есть седой, а следовательно, старый) мерин уже не может идти прямо и часто отклоняется в сторону, портя борозду. (Однако должен заметить, что такое объяснение противоречит народной пословице: «Старый конь борозды не испортит»...) Первоначально якобы говорилось: «Прет, как сивый мерин», но со временем «прет» ошибочно превратилось во «врет», и поговорка стала бессмысленной.

Нашел я, наконец, и такое объяснение. Мерин ржет совершенно так же, как жеребец. Вот почему «сивый мерин» — «врет»...

Вообще «сивому мерину» повезло и в разговорном языке и в литературе.

Существует выражение «упрям, как сивый мерин», а у Гоголя, в последнем акте «Ревизора», мы узнаём из письма Хлестакова, что городничий «глуп, как сивый мерин».

То же найдем и в рассказе Чехова «Беззащитное существо», где Кистунов говорит про Щукину: «Глупа, как сивый мерин, черт бы ее взял!..»

«Утро вечера мудренее»...

Так говорят все. А не вернее ли (точнее, понятнее) говорить: «Утро вечера мудрее»? Ведь «мудренее» —

это сравнительная степень от слова «мудреный», то есть «непонятный», «сложный», «неясный», «запутанный», что совершенно искажает смысл пословицы. Да и произноситься тогда должно «мудрёнее». Но ведь смысл пословицы именно в том, что утро мудрее вечера. От слова «мудрый» сравнительная степень может быть только «мудрее»!

Возникает вопрос: а может быть, слово «мудрый» более позднего происхождения? Едва ли: ведь Ярослав Мудрый, например, получил свое прозвание еще в XI веке...

И самое последнее.

Старинная солдатская песня гласит:

«Нашего полку прибыло, прибыло...»

Но почти все почему-то говорят: «В нашем полку прибыло»...

Мелочь? Пожалуй. Но ведь из мелочей, в сущности, и состоит культура речи...

Многими ли народными пословицами, поговорками, прибаутками, шутливыми присловьями пользуемся мы в нашей разговорной речи?

Сколько пословиц — этих сгустков народной мудрости — знает наизусть каждый из нас?

Думаю, что я не ошибусь, если укажу — как самое большое — число пятьдесят (а в обычной, разговорной речи мы употребляем, пожалуй, и того меньше).

И это в то время, как неистощимое богатство наших пословиц и поговорок насчитывает их тысячи...

...Однажды в пригородный поезд вошел старик с небольшой корзинкой каких-то свистулек и игрушек из обожженной глины. Взглянув на его товар, один из пассажиров неодобрительно заметил: «Охота тебе, старик, такими пустяками заниматься?» На что старик спокойно дал ответ: «Всякая птичка своим носиком кормится»...

А сколько в русском языке полупословиц-полупоговорок, выраженных и не прозой, и не стихами, а тем необыкновенно складным языком, которым умеет говорить народ...

Вот что недавно я услышал от одного старого колхозника: «Ложка в бане не посуда, девка бабе не подруга».

К своему стыду — я слышал это впервые...

* * *

А какие удивительные слова — одновременно и грустные, и сочувственные, и ласковые — встречаются порой в нашем народном языке!

...В детстве, на даче, я слышал, как одна крестьянка, сокрушенно кивая головой, говорила о своем маленьком, болезненном сыне: «Он у меня такой задвохлик!..» Это слово осталось у меня в памяти.

Когда я вырос и стал интересоваться вопросами языка, я начал доискиваться: а что, собственно, означает этот «задвохлик»?

Оказалось: «задвохлик» — это слабый дыпленок, который при своем появлении на свет не смог пробить скорлупу и задохся (в просторечии «задвохся») в яйце...

* * *

Но вернемся к пословицам и поговоркам...

Мы уже говорили об их глубоком смысле, мудрости и значении.

Теперь поговорим немного об их форме.

Впрочем, на эту тему надо писать не заметку, а солидную статью или даже книгу.

Совершенно естественно, что время от времени возникают большие сборники пословиц и поговорок. Достаточно указать на грандиозное издание «Пословицы русского народа», каковой работой, наряду с «Толковым словарем», обессмертил себя великий труженик В. И. Даль.

Появляются сборники пословиц и в последние годы. И, справедливости ради, надо сказать, в них можно найти много ценного и нужного.

Некоторые сборники весьма удачны. Так, например, следует отметить книгу «Избранные пословицы и поговорки русского народа» (Гослитиздат, М., 1957), где удачен отдел современных пословиц и поговорок, таких, как: «По справкам бедный, а по делам вредный»,

«В колхозе язык не в зачёт: кто работает — тому и почёт», «Сам не скажет — трудодни покажут», «И трактор имеет характер», «Не следи за гудком, а следи за станком» и многие другие.

Но в иных сборниках есть и такое, что заставляет призадуматься, хотя я и не хочу обижать их составителей, вложивших в свою работу много сил и терпения.

И пока мы имеем дело со старинными пословицами и поговорками — всё идет хорошо (видно, помог старик Даль). Но вот мы переходим к современным пословицам и поговоркам — и... появляется такое ощущение, что мы свернули с гладкого шоссе на ухабистую дорогу.

Посудите сами.

«Задержишь снег на полях зимой — будешь с хлебом осенью». Какая же это пословица? Это пункт инструкции по снегозадержанию...

Или:

«Корми с осени коров сытнее — весна будет прибыльнее».

Мысль, конечно, верна, но по форме — «ни складу, ни ладу».

Еще пример:

«Помни это, что зима не лето».

Создается впечатление, что составитель добросовестно записывал всё, что слышал от колхозников, и всё «зачислял» в пословицы и поговорки. (Я не допускаю мысли, что кто-то сам «сочинял» пословицы!)

А вот пример из другого сборника:

«И сахарная болезнь не сладкая».

Что это такое? Острóта? Как можно народу приписывать глупые шутки по поводу тяжелой болезни?

Вызывают сомнения в народной подлинности и такие пословицы: «Гуляй, пой соловейкой, но со своей, а не с госкопейкой». Уж очень выражено нескладно...

Или: «Лодырь в колхозе — что волк на морозе». Что, собственно, это означает? Лодырь дрожит, ему плохо: уж не стараются ли вызвать к нему жалость?!

Или еще: «Работай шажком — получишь килограмм с мешком». Здесь всё странно. Почему плохо работать «шажком»: разве на работе обязательно бегать и именно это определяет высокое качество труда? Совершенно нелепо добавление «с мешком», которое не несет никакой смысловой нагрузки, а дано для рифмы.

Нет, подделаться под народную мудрость трудно, а записать первое попавшееся выражение и выдать его за «современную» народную мудрость — легко...

А вот сборник «Мудрое слово» (Детгиз, М., 1957). Существуют старинные русские пословицы: «На грех и палка стреляет» и «Кто палку взял, тот и капрал». В упомянутом сборнике они поданы в таком «отредактированном» виде: «На грех и незаряженное ружье выстрелит» (стр. 158) и «В нашем полку нет толку: кто раньше встал да палку взял, тот и капрал» (стр. 211). В первом случае пропадает народная образность и основной смысл, а во втором — такое многословие и «разнотемье» при полном отсутствии слаженности в форме, что и до смысла не сразу доберешься...

И вообще: кому нужны эти пересказы и домыслы? Добавлять отсебятину в народные пословицы и поговорки — это то же самое, что лить холодную воду в крепкий и горячий бульон!

И, наконец, на стр. 127 читаем: «Об спрыгнуть не может быть и речи, речь ведут — как бы слезть».

Нарочито неправильно построенная фраза из глупого анекдота — преподносится как «мудрое слово», да еще подается в 250 000 экземплярах в «Школьной библиотеке»!

Больше внимания и вдумчивости при составлении сборников пословиц и поговорок!

* * *

И в заключение этого раздела — такой вопрос: «А могут ли существовать пословицы и поговорки, так сказать, в семейном масштабе, то есть создаваться и бытовать только в пределах одной семьи?

Представьте себе — могут...

Поясню примером из собственной «семейной хроники».

У моего деда была бобровая шапка, доставшаяся мне «по наследству»... Однажды, «в минуту жизни трудную», я, будучи студентом, решил ее продать. И вот выяснилось, что за нее не дают той цены, которую я предполагал получить, на том основании, что «бобер был убит летом». Невольно возникал вопрос: а для чего же его убивали летом?

После этого в нашей семье стала бытовать «собственная» пословица-поговорка, или, если хотите, крылатое выражение: «Бобер, убитый летом», которое применялось при всех жизненных случаях, когда неожиданно и непредвиденно возникали обстоятельства, портившие то или иное дело.

Сейчас во всем мире эту «поговорку» понимают и употребляют только двое: моя сестра и я, но всё же пока поговорка живет. Значит, поговорки могут возникать в недрах одной семьи и существовать, будучи понятными только членам этой семьи.

Было бы очень любопытно узнать от читателей этих строк: существуют ли в других семьях подобные «собственные» пословицы и поговорки?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЛОВ

Много «удивительных историй» у иных слов: рассмотрим некоторые из них поподробнее. И хотя, повторяю, этимология, то есть происхождение слов, не входит прямо в задачи этой книги, но как всё же это близко к нашей теме, как часто, говоря о правильности нашей речи и производя бесконечные «поиски», приходится убеждаться в различных «приключениях слов»: в их исторических изменениях и по форме и по содержанию, во взаимодействии разных языков, в неожиданных превращениях и т. д.

Остановимся на некоторых примерах.

* * *

Существует русское слово «шалопай».

Каков его корень? Видоизменением какого слова является оно? Вероятно, его «предком» были слова «шалить», «шальной», «шалеть», «шалый»? А может быть, оно состоит в родстве с «шалопутом», «шалыгой» и «шалыганом»? А почему не предположить, что здесь — в видоизмененной форме — принимает участие глагол «шляться»?

Даль допускает возможным и совершенно другое — иностранное — происхождение «шалолая»: от французского слова «шенарап» (шеналап) — «бродяга», «бездельник», «повеса». (Кстати, многие произносят по-русски «шелопай».) Но ведь французское слово «шенарап» — в свою очередь, испорченное немецкое слово «Schnapphahn» (шнапхан), что означает «хватающий

петуха»: так в средние века в Германии называли ландскнехтов, то есть наемных солдат, всегда склонных к воровству и грабежу. (Тут уместно вспомнить русское слово «курохват».)

Преображенский, не отвергая категорически предположение Даля, высказывает сомнение во французском происхождении «шалолая», допуская его родство с украинским «шалений» (сумасбродный), белорусским «шаль» (дурь), сербо-хорватским «шала» (шутка) и чешским «salba» (шалыба) — «обман»...

Вот какое богатое родство у «шалолая»!..

* * *

«Мышь» и «мышца» (мускул)...

Есть ли между ними что-либо общее?

Да, есть! И поговорить об этом хочется поподробнее, начав издаека.

Первоисточник — санскритское слово «mus» (мус) с первоначальным значением «вор», а потом уже «мышь». Отсюда слово пришло в древнегреческий язык, а затем «mus» — всё с тем же значением «мышь» — вошло в латинский язык.

Уменьшительная форма в латинском языке образуется путем прибавки окончания «culus» (күлюс). Поэтому «мышка» — по-латыни «musculus» (мүскулюс).

Древние римляне, заметив, что при сгибании руки органическая ткань человеческого тела, находящаяся в верхней части руки, как бы «бегае», то есть быстро движется вверх и вниз, дали этой части название «мүскулюс», означающее «мышка». В дальнейшем это название перешло вообще на все ткани организма, пребывающие в подвижном состоянии в зависимости от движения, работы и т. д.

В древней Руси тоже существовало слово «мышь», пришедшее в русский язык из того же общиндоевропейского фонда лексики, и слово «мышца», которое образовалось по тем же причинам, что и в древнем Риме, и тоже означало «мышка». Во всяком случае в допетровской Руси оно даже писалось «мышыца», это подтверждает смысловую связь слова с «мышью».

Когда в русском языке появились первые научные анатомические термины, в нем стали сосуществовать два слова, две «мышки»: латинское «мускул» и русское «мышца».

Что «мышка» и «мышца» в сущности одно и то же, легко доказывается тем, что часть человеческого тела, находящаяся под плечевым сгибом и главным мускулом руки, стала называться и называется до сих пор «подмышкой», то есть «под мышкой».

Следует заметить, что в некоторых северных областях и сейчас говорят не «мышцы», а «мышки»: «У него сильные мышки...»

В заключение этой заметки будет уместным вспомнить строки из одного раннего стихотворения поэта Бориса Корнилова:

«Мышцы, как мышки,
Бегают в руке...»

* * *

Бывает в языке и такое явление, когда два иностранных слова, происходящие от совершенно различных корней, но по случайному созвучию очень схожие, входят в другой язык почти в одинаковой форме, что иногда вызывает некоторую путаницу.

Пример такого явления возьмем из латинского языка, откуда, через французский, к нам пришли два слова «компания» и «кампания». Разница, состоящая в одной букве, в разговорной речи делается совершенно незаметной...

Однако смысловая разница у этих слов — весьма значительная.

Разберемся в их происхождении.

«Com» (ком) — на латинском языке означает «вместе», а «panis» (пáнис) — «хлеб». «Компания» — это «совместная еда хлеба», то есть первоначально небольшое общество, объединенное совместной едой, а затем — дружбой («дружная компания»), совместной торговой деятельностью («торговая компания») и т. д. Отсюда и «компаньон» — «сотрапезник», «соучастник»; «компанейский» — «общительный», «легко заводящий знакомства», нередко ищущий «собутыльников»...

«Campus» (кампус) — на латинском языке означает

«поле». «Кампания» — это первоначально совместные действия большого числа людей в поле («военная кампания»), позднее — вообще совместные, согласованные действия, направленные к одной — временно поставленной — цели («посевная кампания», «выборная кампания»).

Из всего сказанного ясно, что путать слова «компания» и «кампания» никогда не следует...

* * *

«Охламон»...

Это слово лишь недавно вошло в наш разговорный словесный фонд, но уже приобрело достаточную популярность, хотя никто не только не может объяснить его происхождения и указать его правильное написание («охламон» или «охломон»), но даже точно определить, что, собственно, оно означает?

Что «охломон» — слово если не ругательное, то во всяком случае неодобрительное, ясно всем.

Я спрашивал многих лиц, употреблявших это слово, о его значении, и все давали разные объяснения. Одни считали, что «охламон» — это «увалень», «нерасторопный», «медлительный», другие — «неряха», третьи — «тупица», четвертые — «нелюдим» и т. д.

Ни «Словарь современного русского литературного языка», изданный Академией наук, ни «Толковый словарь русского языка» Д. Ушакова вообще не упоминают этого слова, считая его несуществующим в нашей речи.

В словаре Даля — его тоже нет. Есть только «охлой» (да и то под знаком вопроса), что означает «ловкий плут», «дошлый», «изворотливый мошенник», и слово «охломостить» — «обобрать», «ограбить».

Может быть, от них произошло слово «охламон»? Едва ли...

Пойдем по другому пути. В древнегреческом языке существовало слово «бхлос», что означало «чернь» и отличалось от слова «дёмос» (народ) совершенно так же, как латинское «plebs» (плебс) — от «populus» (популус).

Известен термин «охлократия» (силы худших), им греческая аристократия называла народовластие,

демократию. Если, как я уже писал, вспомнить, что «аристократия» означает по древнегречески «власть лучших», — нетрудно догадаться, кто создал эти термины.

Может быть, из древней Греции — через Византию и Болгарию — вместе с христианством пришло к нам это слово видоизмененным?

А может быть, выдуманно семинаристами, которые хорошо знали греческий язык и охотно употребляли некоторые слова из греческого и латинского языков в нарочито искаженном виде?

Заметим, кстати, что «семинарский» жаргон оставил в нашем современном языке некоторые следы. Таковы «антимония» (от «антиномия» — «противоречие»), «ерунда» (от названия латинской глагольной формы «gегип-dium» — герундиум) и т. д.

Впрочем, возможно объяснение совершенно другого рода.

В русском языке корни «хла» и «хал» встречаются в некоторых словах, связанных с понятием непригодности, грубости, наглости, невоспитанности.

Таковы «хлам», «хламида», «нахал», «охальник», «халда», «холуй». В диалектах известны еще «охала», «халуян» (невежа) и «хал» (бесценоч). Возможно, что к этому словесному корню тяготеет и «халтура» (грубая, небрежная работа).

Не отсюда ли ведет свое начало и «охламон»?

Так или иначе, «охламон» — одна из маленьких загадок в современном русском разговорном языке...

* * *

«Охмурить»...

Слово, которое в словаре Даля упоминается в одном совершенно определенном смысле («Ну, что брови охмурил?»), приобрело с недавних пор еще одно значение. Современное «охмурить» означает «завлечь», «очаровать», «влюбить в себя»...

По всей вероятности, это слово всё же имеет своей основой «хмурый» и означает «сделать человека хмурым», «заставить потерять покой».

Я слышал, что это слово ввел в разговорный язык замечательный советский писатель Илья Ильф, но доказать этого не могу...

* * *

«Блат»...

Настолько распространенное слово, что его даже нельзя отнести к жаргону.

Происходит, вероятно, от немецкого слова «Blatt» (блатт), что означает «листок», «записка»...

* * *

«Брак»...

Не задумывались ли вы, читатель, над нашими омонимами «брак» (супружество) и «брак» (вещь с изъяном или вовсе негодная)?

Как образовались эти слова?

«Брак» (супружество) происходит от старославянского «братъ» (братъ за себя). Преображенский приводит предположение Бернекера о том, что «бърати» могло быть техническим термином при языческих свадебных обрядах.

«Брак» (негодная вещь) — это немецкое слово «Brack» (брак), что и означает «негодная вещь», от немецкого «brechen» (брехен) — «ломать», «приводить в негодность».

В русском языке два эти столь различных слова неожиданно встретились...

* * *

«Морская свинка».

Название мелкого животного — грызуна. Родина его — горы Южной Америки. Со свинкой (поросенком), пожалуй, имеет сходство, но к морю не имеет никакого отношения.

Почему же «морская»?

Потому что первоначальное его название — «заморская свинка», но приставка «за» в слове «заморская» со временем отпадала и забылась...

* * *

Почему шутовское просторечие говорит о блондине «белобрысый»? Что означает это слово?

Можно дать точный ответ. «Брысь» — по-старославянски «бровь». Следовательно, «белобрысый» — это первоначально «белобровый»...

* * *

Приходилось ли вам, дорогой читатель, при просроченном внесении платы за квартиру, электричество и прочие коммунальные услуги уплачивать пеню? Вероятно, приходилось...

А задумывались ли вы при этом: что, собственно, означает «пеня»?

У древних греков была в мифологии грозная богиня кары и возмездия Пойнэ. От ее имени произошло латинское слово «роепа» (пёна) — месть, наказание, отплата, от этого слова произошла наша «прозаическая» «пеня»...

* * *

«Марципан»...

Хочется упомянуть об этом лакомстве из миндаля хотя бы потому, что в словаре Ушакова о нем сказано весьма кратко, что это немецкое слово «Marzipan».

Но это ровно ничего не объясняет. Между тем любопытно проследить «предысторию» (никогда не привыкну к новому написанию!) этого слова.

На латинском языке «Marsi panis» (Мáрци пáнис) означает «хлеб Марка»: в день святого Марка по старинному религиозному обычаю у католиков не полагалось есть хлеб из пшеничной муки, почему в этот день изготовлялся хлеб из миндальной муки — «хлеб святого Марка». Так как слово «Marzipan» — общегерманское слово, ясно, что оно возникло в католической Германии, то есть до реформации, до XVI века...

* * *

«Принц»...

Не правда ли, это слово связывается у нас прежде всего со сказкой, балетом, феерией, хотя «принцы» еще существуют кое-где на нашей планете и в весьма реальном облики?

Каково же происхождение этого «блестящего» слова? Откуда оно появилось?

Оно произошло от латинского слова «prínceps» (принцепс) — главарь, вожак, предводитель.

А слово «prínceps», в свою очередь, произошло от слившихся — латинских же — слов «primus capiens»

(примус кáпиенс), что означает «первый хватающий». Имеется в виду предводитель воинского соединения или разбойничьей банды, «первый хватающий добычу», то есть получающий лучшие куски при разделе добытых трофеев, точнее — награбленного.

Неважная «родословная» у «принца»!..

* * *

А теперь — после седой древности — обратимся к «жгучей» современности.

«Фарцовщик»...

Это слово появилось недавно. И означает оно тех тунеядцев, которые избрали своим позорным занятием дешево покупать (а иногда просто выпрашивать) у иностранцев ношенные вещи, чтобы затем перепродавать их по спекулятивным ценам.

Происхождение этого слова следующее. Спекулянты заучили английскую фразу: «Have you anything for sale?» (Хэв ю энайтинг фор сэль) — «Есть ли у вас что-нибудь для продажи?» и стали обращаться с этой фразой к иностранным туристам и морякам. По последним двум словам — «for sale» их прозвали сперва «форсэльщиками», а затем «фарцовщиками», каковое слово и закрепилось за этими тунеядцами.

* * *

Иногда одни и те же слова с течением времени совершенно меняют свое значение.

Возьмем для примера два слова: «прелесть» и «позорище». Их современный смысл совершенно ясен и не нуждается в разъяснениях. («Ах, какая прелесть!», «Выставить его на позорище!»)

А между тем во второй половине XVII века, как это явствует из «Жития протопопа Аввакума», эти же слова имели такое значение: «прелесть» — обман, соблазн, заблуждение, ересь, «позорище» — картина, вид, зрелище.

Любопытно отметить, что слово «позорище» — в значении «театр» — мне довелось услышать в 1955 году в Хорватии, во время путешествия по Югославии. А если вспомнить, что «позор» — по-чешски «внимание», легко

установить общий славянский корень всех этих слов. (Заметим в скобках, что по-чешски «берегись собаки!» звучит «пóзор на пса!»).

* * *

«Прохвост»...

Слово, на первый взгляд, чисто русское. Однако это не так... Первоисточник, как указывают Даль и Преображенский, латинское слово «propositus» (пропозитус) — «объявляющий», «угрожающий», в синкопированном произношении — «propostus» (пропостус). Отсюда немецкое «Proßoss» (профóс) — унтер-офицер, наблюдающий за арестованными солдатами, тюремный надзиратель, воинский исполнитель наказаний. Далее — под влиянием русского слова «хвост» в значении «прихвостень» из немецкого «профóс» возникает русское «прохвост», имеющее уже широкое значение: «лгун», «обманщик», «мошенник», «негодяй».

* * *

«Прохиндей»...

Это неодобрительное слово я слышал не раз, но никто из говоривших его не мог точно объяснить содержание этого слова, придавая ему разный смысл: «нахал», «хулиган», «пьяница» и прочие нелестные значения.

Я заинтересовался «прохиндеем». У Даля я нашел слово «прохондей», означающее «притворщик», с пометкой: «тверское».

Ни в словаре Ушакова, ни в академическом словаре слова «прохиндей» нет.

Но у меня есть редчайший «Кашинский словарь», составленный учителем И. Т. Смирновым, изданный в 1901 году Академией наук и представляющий собой словарь говоров Кашинского уезда Тверской области. Далевское указание «тверское» дало мне точный «адрес».

И действительно, в «Кашинском словаре» отыскался «прохиндей», что означает «притворный и хитрый человек, проходимец, лицемер».

Словарь Фасмера определяет слово «прохиндей» как «неискренний», «лукавый».

Установить этимологию этого слова ни по греческому, ни по латинскому словарям мне не удалось.

Может быть, кто-нибудь из читающих эти строки сообщит мне значение этого странного слова?

* * *

«Растекаться мыслью по дереву»...

Это очень распространенное в разговорной речи выражение означает — впадать в ненужное многословие, вдаваться в излишние подробности, отвлекаться от основной темы, подменять нужную речь болтовней...

Но почему мыслью надо растекаться «по дереву», то есть «по дереву»?

Первоисточником этого выражения явились строки из знаменитого памятника русской литературы XII века «Слово о полку Игореве», где сказано: «Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслью по дереву, серым волком по земли, шизым орлом под облакы», то есть образная речь идет о свободном полете мысли, о вдохновенном поэтическом слове, а отнюдь не о пустом многословии.

Выходит, что слово «мыслию» надо понимать как «замыслом», а «древом» считать аллегорическое «древо вдохновения». Что-то уж очень запутанно!

Но если вспомнить, что «мысль» — по-старославянски «белка» (по свидетельству В. И. Даля это слово сохранялось в Псковской области до XIX века) и что «белка» соответствует здесь по смыслу другим членам сравнения — «волку» и «орлу» — невольно закрадывается мысль: а не произошла ли когда-то ошибка при переписке этого древнейшего литературного памятника? Не было ли первоначально «растекашется мысью по дереву»? Не сравнивалось ли здесь вдохновение, свободное слово поэта-певца в своем вольном движении с белкой на дереве, волком на земле, орлом в облаках?

Итак, есть все основания думать, что мы употребляем в нашей речи цитату «растекаться мыслью по дереву» — неправильно!

* * *

Зашел спор о слове «затрапезный». Что это слово связано с греческим словом «трапеза» (стол) и пришло

из монастырского быта — это всем было ясно. Спорили о том, что означает «затрапезное» платье: парадное или будничное? Ведь за столом можно сидеть и в перерывах между работой и на пышном пиру...

Спор разрешил словарь Даля: слово «затрапезный», оказывается, происходит от фамилии «купца Затрапезнова, коему Петр I передал пестрядинную фабрику». Этот купец изготовлял как бы свою «фирменную» материю «затрапез» — пеньковую, грубую ткань для одежды.

* * *

«Маленький» — по-древнегречески «микро́с», «далеко» — «тэле», «вокруг» («около») — «перí», «смотрю» — «скопéo». Зная это, нетрудно догадаться, что «микроскоп» — это аппарат для рассматривания малых величин, «телескоп» — аппарат для рассматривания отдаленных предметов, а «перископ» — аппарат для общего обзора окружающей местности.

Ну, а «епископ» имеет ко всему этому какое-либо отношение?

Да, имеет. «Епи» (или «эпи», по другой, более принятой транскрипции) означает по-гречески «над», «сверху». Следовательно, «епископ» — это «сверхусматривающий», или, проще, «надсмотрщик»...

* * *

«Пресловутый»...

Сейчас это слово означает «скандально известный», «знаменитый в отрицательном смысле», «приобретший сомнительную известность». Но этот смысл слово получило только в XX веке. Раньше оно означало «прославленный», «достославный». В 1837 году, например, Ф. И. Тютчев писал:

«Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи...»

* * *

И, наконец, совершенно забытое теперь значение слова «пошлый» — «бывший издавна», «стародавний».

Пример можно найти у Н. В. Гоголя в «Мертвых душах» (т. 1, гл. VI): «Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность».

И когда Онегин на балу у Лариных, обращаясь к Ольге,

«...шепчет нежно
Какой-то пошлый мадригал», —

«пошлый» означает тоже «давно известный»...

* * *

Недавно, проходя по улице, я случайно услышал разговор двух молодых женщин, из которых одна сказала: «Ну, я его так ошпетила!..»

Меня заинтересовало слово «ошпетила», — слово, как мне показалось, новое и по смыслу означающее «осадить», «дать отпор»...

Ни в современных словарях, ни в современной литературе я такого глагола не встречал.

Но у Даля я нашел «шпетить» — «корить намеками», «оскорблять», со ссылкой на Державина. Преображенский выводит его из немецкого «spotten» (шпоттен) — «насмехаться», «браниться».

Но мне хотелось найти это слово в литературе. Мои поиски увенчались успехом. В «Бригадире» Д. И. Фонвизина советница говорит в 1-м действии советнику: «Я капабельна с тобой развестись, ежели ты еще меня так шпетить станешь...» А ведь «Бригадир» написан в 1769 году.

Вот тебе и «новое» слово!..

О НЕКОТОРЫХ „ЗАГАДКАХ“ РУССКОГО ЯЗЫКА

А теперь будет уместным поговорить о некоторых особенностях русского языка, которые я позволю себе называть загадками.

Хочется затронуть некоторые вопросы, даже если на них будет трудно найти ответы. Речь пойдет о тех словесных явлениях, которые не поддаются точным законам языка.

Самое удивительное, что каждый, считающий русский язык своим родным, не испытывает, сталкиваясь с подобными явлениями, никаких затруднений: «инстинкт языка» безошибочно подсказывает ему правильное употребление того или иного слова или словесного оборота, но для людей иноязычных или иностранных такое явление представляется трудной задачей. Однако пора перейти к этим «загадкам»...

Когда, например, надо говорить предлог «на», а когда предлог «в»?

«Я еду в Белоруссию и на Украину, а затем в Крым и на Кавказ»... «Он поехал на Урал, а потом в Сибирь и на Дальний Восток»... «Мы отправимся сначала в Башкирию, а затем на Алтай»... «Я был на Балканах и в Карпатах»...

Почему в совершенно сходных случаях мы говорим то «в», то «на»?

«На Кавказ», «на Урал», «на Алтай», «на Балканах»...

Ага! Значит, «на» связано с движением на возвышенность, горы... Но почему же мы тогда говорим «поехать в Альпы»? Или — «отправиться на Рижское взмо-

рье»? «На побережье»? «На пляж»? Какие уж там возвышенности!

Почему мы говорим одинаково: «ехать в Эстонию» и «ехать в Таджикистан», хотя в первом случае мы не встретим никаких гор, а во втором случае будем, преимущественно, в горах?

Но довольно гор и возвышенностей...

Почему мы говорим «в столовую», но «на кухню», «в прихожую», но «на лестницу», «в магазин», но «на рынок», «в музей», но «на выставку», «в сад», но «на бульвар»?

Если дело заключается в помещении — закрытом или открытом, — то почему мы говорим «в театр», но «на концерт», «в зал», но «на сцену», «в цирк», но «на манеж»?

Почему?

Почему мы говорим «в лес», «на болото», «в чашу», «на опушку», «в море», «на простор», «в горы», «на дорожку», «в путь», «на стадион», «в пустыню»?

А вот три очень родственных слова: поле, луг, поляна...

Почему же мы говорим: «в поле», «на лугу», «на поляне»?

Почему?

* * *

Такая же неясность в употреблении предлогов «из» и «с»... «Я пришел из класса», «из комнаты», «из дома», «из театра», «из магазина», «из клуба», «из конторы», «из леса», «из сада»...

Но «я пришел со службы», «с общего собрания», «со двора», «с базара», «с покоса», «с фабрики», «с пашни», «с охоты», «с чердака», «с бульвара»...

В чем же дело? Может быть, предлог «из» связан с закрытым помещением (класс, комната, дом, театр), а предлог «с» связан с занятием (служба, фабрика, покос, охота)?

Но разве «лес» и «сад» — закрытые помещения?

И разве «двор» и «базар», «чердак», «бульвар» — занятия?!

Может быть, кто-либо из читателей поможет нам разобраться в этих вопросах?

А теперь поговорим о той «борьбе», которая происходит в нашем языке уже в течение долгого времени. Речь идет об окончаниях слов мужского рода во множественном числе на «ы», «и» и на «а», «я»... (Будем условно называть эти формы — первой и второй.)

Первая форма, казалось бы, является правильной и литературной, а вторая относится к просторечию.

Действительно. Слова «инженер» и «офицер» — во множественном числе «инженеры» и «офицеры». Говорить «инженерá» и «офицерá» — не принято. Это общеизвестно.

Ну, а «профессорá», «директорá», «мастерá», «поварá»? Здесь вторая форма совершенно не режет слуха. Более того, говорить «правильно» — «профессоры», «директоры», «мастеры», «повары» — считается устаревшим. И почему мы легко говорим «докторá», а не «дóкторы», но не скажем «дикторá» вместо «дíкторы»?

И уж никто не скажет вместо «ребята» — «ребяты»!

Возьмем слово «учитель». Как будет множественное число? Безусловно, более правильное «учители» стало уже устаревшим, выпало из живого разговорного языка. И если еще можно говорить о великих мыслителях «наши учителя», «учители человечества», то уж никак нельзя сказать «наши молодые школьные учителя»: в живом разговорном языке прочно утвердилась форма «учителя».

Ну, а теперь, для сравнения, возьмем сходные по форме слова «писатель», «сеятель», «деятель». Сказать во множественном числе можно только «писатели», «сеятели», «деятели»: ничего устаревшего и архаического в такой форме нет. Напротив, совершенно невозможно сказать: «писателья́», «сеятеля́», «деятеля́».

Есть слова, где обе формы более или менее равноправны: можно говорить «годá» и «гóды», «томá» и «тóмы», пожалуй — «сорта́» и «сóрты»...

А вот в некоторых словах вторая форма одержала решительную победу и окончательно вытеснила первую.

Мы говорим «лесá», а не «лэсы», «глазá», а не «глáзы», «поездá», а не «пбэзды», хотя множественное число от схожих по форме слов «бес», «сказ», «выезд» будет «бэсы», «скáзы», «в́ыезды»...

Есть ли между двумя разбираемыми формами какая-либо смысловая разница, вернее, есть ли у них смысловой оттенок?

Пожалуй, да, хотя и очень тонкий.

Попробую пояснить это примером.

В 1930 году Владимир Маяковский написал стихотворение «Неоконченное». Оно начинается так:

«Я знаю силу слов, я знаю слов набат,
Они не те, которым рукоплещут логи,
От слов таких срываются гроба
Шагать четверкою своих дубовых ножек...»

Почему поэт написал «гроба́», а не «гробы́»? Вероятно, такая форма казалась ему более действенной, «гробы́» могли спокойно лежать на складе или в склепе, но срываться с места могли только «гроба́»...

Возьмем слово «дом».

Если Герцен в повести «Сорока-воровка» писал: «Роскошные господские дома с парками и оранжереями», то он, вероятно, хотел подчеркнуть этим старину и величественный вид домов богатых помещиков. Но никто сейчас не скажет: «В нашем поселке появились новые до́мы»...

Когда-то на Руси говорили «лэсы». Но вторая форма давно победила. Значит, она является более новой. Борьба ведется и в настоящее время. Возьмем такое современное слово, как «трактор». А множественное число? «Тра́кторы» или «тракторá» борются с переменным успехом, но «тракторá», кажется, одержат победу.

Как же возникает в быту вторая форма?

А вот как.

На днях я случайно услышал фразу: «В нашей заводской столовой хорошие супá...» Почему говоривший сказал «супá», а не «супы́»?

Может быть, кто-нибудь мне скажет: «Так говорят люди, не знающие грамматики!» Допустим. Но почему же тогда никто из тех же людей, «не знающих грамматики», не скажет вместо «тру́пы» — «трупá»?

Случалось мне слышать и «матеря́», и «скатертя́», и «скоростя́».

Уф!..

В свое время, когда я пришел в военкомат сниматься с военного учета по возрасту, сотрудница, взяв мой пас-

порт и повестку, сказала своей соседке: «Маня! Возрастá пришли...» Почему она сказала «возрастá», а не «возрасты»? Не для того же, чтобы дать мне материал на несколько лишних строк?!

Выводы.

«Вторая форма» продолжает наступление. Кто знает: может быть, через сто лет «инженерá» и «офицерá» получат «права гражданства» в нашем языке!..

* * *

«Я взял стакана»...

Эту фразу я услышал от одного знакомого нерусской национальности.

Услышал и подумал: а почему он так сказал? И сразу передо мной предстала одна удивительная особенность русского языка, знакомая нам со школьных лет.

А именно: винительный падеж слов мужского рода зависит от того, относится он к неодушевленному предмету или к одушевленному: в первом случае он совпадает с именительным падежом, а во втором — с родительным.

Поясню примерами.

Мы говорим: «Я вижу бук» (дерево), но «я вижу быка», «я вижу хлеб», но «я вижу Глеба», «я вижу салат», но «я вижу солдата», «я вижу дуб-великан», но «я вижу лесоруба-великана». И так далее.

Можно привести и более сложные примеры. «Я спросил пионера, получил ли он июльский «Пионер»?», «Я встретил знакомого москвича, который недавно купил «Москвич», «Я спросил своего вагонного спутника, видел ли он ночью искусственный спутник Земли?..»

Итак, существует точное правило. А как быть в таких случаях, когда мы говорим: «Я съел вареного рака», «я начал есть маринованного судака», «я ем жареного гуся»?..

Во всех приведенных случаях по существующему правилу надо сказать: «я съел вареный рак», «я начал есть маринованный судак», «я ем жареный гусь»...

Ведь я ем всё это не в живом виде! Однако мы, по знакомому нам «закону инерции речи», говорим так, как говорим о предмете, когда он был одушевленным.

Предвижу возражение читателя-оппонента: «Я говорю «я ем гуся» потому, что я ем не всего гуся, а только часть его...»

Могу ответить: «Ну, а когда я говорю «я ем вареного рака», то я ведь ем его всего, а не часть рака...» (Весь рак-то на один укус!..)

Заметим, что та особенность русского языка, которую мы сейчас рассматриваем, весьма затруднительна для иностранцев и вообще для лиц нерусской национальности.

Вот почему мой знакомый сказал: «Я взял стакана»...

* * *

Впрочем, к этому вопросу можно подойти и с другой стороны. Ведь, например, в словах «Дай ножичка!» можно усмотреть и так называемый «партативус темпоралис», когда объект берут «на время», а не «насовсем», что и подчеркивается соответствующим оттенком речи.

* * *

Вообще же винительный падеж в прямом дополнении, когда речь идет об одушевленных существах, нашими классиками соблюдался гораздо строже, чем современниками.

И. С. Тургенев писал: «Хохлатые курицы ищут в сене мошек да букашек».

С. Т. Аксаков писал: «А ты погуляй с Ефремом, да червячков приготовьте».

Правильно писали классики...

А вот современный альманах «Рыболов-спортсмен» пишет иначе: «Лососевые рыбы разрешается ловить...» А почему не «рыб»?

Гр. Адамов («Тайна двух океанов». Детгиз) пишет: «Он наступал на морские звезды, ползавшие по дну...» А почему не «звезд»?

М. Белов («Экспедиция инженера Ларина». Хабаровск) пишет: «Рассказывайте! Про крабы. Как ловите?» А почему не «крабов»?

...Такие примеры встречались в печати: вспоминается заметка А. Волкова «Классикам было легче...».

Впрочем, этим вопросом, оказывается, уже заинтере-

совалась «Справочная книга корректора» Былинского и Жилина («Искусство», М., 1960), которая сообщает: «Не всегда можно четко определить, является ли существительное грамматически одушевленным или неодушевленным». И далее: «В существительных типа микроб, зародыш, личинка, бактерия — винительный падеж образуется по образцу имен неодушевленных».

Но неужели «лососевые рыбы», «морские звезды» и «крабы» не поддаются «четкому определению»: одушевленные они или неодушевленные?

Так, пожалуй, мы скоро прочитаем: «Смотрю на играющие котята» или «Слушаю певчие птички»!..

* * *

«Они чтят» или «они чтут»?

«Чтить» — глагол второго спряжения. Грамматически правильно «чтят», а не «чтут». Ведь мы говорим «они мстят», а не «мстют», «льстят», а не «льстют», «мостят», а не «мостют». Однако форма «чтут» совершенно не режет слуха.

Почему?

Да потому, что это законная форма не от глагола «чтить», а от глагола «честь». (Как «плетут» от «плести», «ведут» от «вести» и т. п.)

* * *

«Находясь на переднем крае, я всё время был на краю гибели...»

Почему мы в одной и той же фразе говорим то «крае», то «краю»?

* * *

«Наверное» и «наверно»...

Два очень близких по значению слова, имеющих, однако, свои смысловые оттенки.

«Наверное» — означает что-то вероятное на сто процентов, а «наверно» — только на пятьдесят (конечно, не математически, а образно).

Почему же такие различные понятия выражаются в такой схожей форме? Согласитесь сами, что, например, во фразах «Больной наверное выздоровеет» и

«больной, наверно, выздоровеет» — есть весьма существенная разница.

Народ давно это почувствовал, и потому рядом с формой «наверное» есть «усилительная» форма «наверняка».

Дети, как я сам слышал, выражаются еще короче: «верняк»...

* * *

«Несколько человек сидело за столом» или «несколько человек сидели за столом»?

Ответ на этот вопрос неясен. Всё же думается, что правильнее говорить «сидело». Ведь если эту фразу несколько изменить: «Большинство сидело за столом», то никак не скажешь «большинство сидели».

* * *

«Купить мед», «купить меда», «купить меду»...

Что правильнее? Между этими тремя формами есть тонкое смысловое различие: «купить мед» — простая констатация факта приобретения меда; «купить меда» — требует точного или хотя бы приблизительного обозначения меры или веса: «купить банку меда», «купить килограмм меда»; «купить меду» — чисто разговорная форма.

* * *

Всякий язык, кроме строгих грамматических правил, имеет и «прихоти», о которых писал еще Белинский: «Шишков не понимал, что, кроме духа и постоянных правил, у языка есть еще и прихоти, которым смешно противиться...»

Ну разве не прихоть языка то, что некоторые наши вполне правильные деепричастия, образованные от вполне правильных глаголов, ему «не совсем удобны»?

Почему какая-то «неловкость» ощущается в деепричастиях «ждя», «пия», «вия», «пиша», «тяня»? Почему мы невольно заменяем эти деепричастия другими, например, «ожидая», «выпивая», или оборотами: «в то время, как я вил», «в то время, как я писал», «когда я тянул»?.. А как будет повелительное наклонение от глагола «гнить»? Гний? Гнии? Тоже какое-то «неудобство»...

Как сказать в первом лице будущего времени от гла-

гола «победить»: «я побе...» А дальше? «Побежду»? «Побежу»? «Победю»? Нет! Всё это не годится! Остается прибегнуть к описательной форме: «Я одержу победу»...

Почему? Мы не можем найти ответ на этот вопрос. Это — «прихоти» языка...

Или вот простое русское слово «кочерга». Это слово нормально склоняется во всех падежах, кроме... родительного множественного числа! Как сказать: «кочерг»? или «кочерёг»? Именно на эту тему Михаил Зощенко даже написал сатирический рассказ...

Или вот еще пример. Почему от слова «мечта» так «трудно» образовать родительный падеж множественного числа: «Я был полон светлых ме...» «Мечт?» Что-то не получается. Приходится сказать «мечтаний».

ГЛАГОЛЫ „ДВОЯКОЙ ФОРМЫ“

Один читатель спросил меня в письме: «Как правильно надо говорить: «метает» или «мечет»?»

Вопрос не такой простой, ибо «метать» именно и принадлежит к небольшой группе глаголов «двойкой формы» (термин собственного изобретения!), являющейся тоже «загадкой» нашего языка.

Но сперва разберемся с глаголом «метать». Мы говорим: «Он рвет и мечет», «Он мечет банк», «Рыба мечет икру»... Вспомним у Пушкина в «Сказке о царе Салтане»:

«Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды».

Вспомним у Полонского:

«Какая ночь — не ночь, а рай!
Ночные звезды искры мечут...»

А вот примеры из классической прозы. У Гоголя в повести «Ночь под рождество»: «Он знает наперечет, сколько у каждой бабы свинья мечет поросят...»

У Аксакова в «Записках ружейного охотника»: «Собираясь лечь, заяц мечет петли».

У А. Н. Островского в пьесе «Трудовой хлеб» Чепурин говорит: «Однако ловко он петли-то мечет».

Итак, всюду «мечет» связано — прямо или косвенно — с понятием «бросать». И про копье или диск надо сказать «мечет»?

...А спортсмены говорят: «Он метает диск»!..

Вот тут-то мы и сталкиваемся с «капризами» некоторых глаголов, с их «двоякой формой»...

Как вы скажете, дорогой читатель:

«хнычет» или «хныкает»?

«тычет» или «тыкает»?

«прячет» или «прягает»?

«рыщет» или «рыскает»?

«машет» или «махает»?

«плещет» или «плескает»?

«каплет» или «капает»?

«мурлычет» или «мурлыкает»?

«кудахчет» или «кудахтает»?

«курлычет» или «курлыкает»? (журавль).

Почему от трех глаголов «плакать», «квакать» и «звякать» производятся формы «плачет», «квакает» и «звякает»? И почему нельзя сказать: «плакает», «квачет» и «звячет»?

Здесь уж нет «двоякой формы», но и различие одной формы вызывает раздумья...

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО „ДВОЯКОЙ ФОРМЫ“

Существуют в русском языке и слова, имеющие двойную форму множественного числа, причем иногда вторая форма просто дублирует первую форму, а иногда — имеет свой особый смысл, особое применение.

Таких слов с «двойным» множественным числом очень мало, но они есть. (Если читатели найдут новые примеры, кроме нижеприведенных, автор будет благодарен.)

А пока примеры такие...

Вот слово «гроздь» — во множественном числе «грозди» и «гроздя». Между тем все остальные слова, схожие по звучанию, имеют только одно множественное число («гвоздь» — «гвозди», «груздь» — «грузди», «горсть» — «горсти» и т. д.).

Вот слово «кол». Множественное число — «колы» и «колья».

«Сын» — «сыны» и «сыновья».

«Сук» — «суки» и «сучья».

«Щенок» — «щенки» и «щенята».

О последней форме сто́ит поговорить особо. Действительно: почему можно, наряду с «щенятами», говорить «щенки», а нельзя говорить ни «котенки», ни «жеребенки», ни «теленки», ни «цыпленки»? (Последняя форма, как явно неправильная, употребляется только в вульгарно-шутливом смысле, как, например, в бытовавшей некогда песенке: «Цыпленки тоже хотят жить»...)

Кстати, некоторые, преимущественно городские жители, попавшие в деревню, дачники, производят от слова «опёнок» (гриб) множественное число «опята». Это едва ли можно признать правильным: ведь «опенок» —

это гриб, растущий на пне, и слог «пён» входит в корень слова, а не представляет собой суффикс, передающий малый размер или молодой возраст и пропадающий при склонении.

(В скобках можно заметить, что народ в этом вопросе отлично разбирается; вспомним сатирическую частушку:

«На горе растут грибы,
Под горой — опенки...
Наши девки, ох, грубы,
Наши парни тонки...»)

Во всех приведенных примерах «вторая» форма множественного числа является дублирующей и никакого особого смысла не имеет.

Но вот мы сталкиваемся со словом «лист». Здесь множественное число тоже двоякое — «листы» и «листья» и может быть одинаково применено к деревьям. (Вспомним: «Не дрожат листы»...)

Но форма «листы» имеет и значение омонима и может быть, кроме того, применена к книгам, тетрадям и т. д.

Вот то небольшое, что хотелось сказать о малочисленной группе слов с «двоющим» множественным числом...

„СЛОВА-АНТИПОДЫ“

Один читатель — проживающий в Ленинграде врач Г. Б. Печерский — прислал мне письмо, в котором привел фразы со словами, имеющими прямо противоположный смысл, а именно:

«Врач, совершая обход больницы, обошел пятую палату».

«Консилиум врачей решил это лекарство оставить».

«После тяжелого приступа больной начал отходить».

Или еще пример: «к вечеру погода разгулялась», — как понимать: улучшилась погода или ухудшилась?

По отношению к «погоде» вообще — безусловно улучшилась, но стоит отнести «погоду» к морю, озеру или большой реке — и понятие «разгулялась» сразу обозначает ухудшение. Спросите моряка или рыбака — и он поймет «разгулялась» как усиление волнения, крепнувший ветер, а то и начало бури.

Но без слова «разгулялась» погода и на море означает улучшение, что ясно видно из поговорки «Ждать у моря погоды»...

А вот «погодушка» — понятие плохой или ухудшающейся погоды («Шумит дубровушка к погодушке»).

Вспомним у Пушкина в «Песнях о Стеньке Разине»:

«А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливаётся...»

То же в песне А. Ф. Мерзлякова «Среди долины ровные», ставшей давно народной песней:

«Ударит ли погодушка:
Кто будет защищать?»

Вообще же следует заметить, что само слово «погода» — это всё же «хорошая погода», что доказывается выражением «погожий день» (ясный, солнечный) и словом «непогода» — синонимом ненастья, плохой, дождливой погоды.

...Думаю, что список «слов-антиподов», явление, которое более научно можно обозначить как «поляризация значений», этими примерами не исчерпан. Было бы желательно, чтобы читатели этих строк заинтересовались «словами-антиподами» и продолжили их список, приведя новые примеры...

СЛОВОСЛОЖЕНИЯ И СОМНЕНИЯ...

В нашем языке много сложных, составных слов как русского, так и иностранного происхождения, — таких, как «хлебопечение», «судоустройство», «солнцепек», «пылесос», «землетрясение», «самокритика», «снегопад», «ветрогон» и т. д. Легко заметить, что соединительной гласной во всех случаях является «е» или «о»...

Иногда одно и то же слово соединяется с другим то звуком «е», то звуком «о». Например — слово «кровь». При словосложении мы имеем то «кров-е-наполнение», «кров-е-болезнь», «кров-е-творный», «кров-е-потеря», «кров-е-носный», то «кров-о-жадный», «кров-о-обращение», «кров-о-излияние», «кров-о-подтёк», «кров-о-сос», «кров-о-пролитие», «кров-о-смешение» и т. д.

Вывод. Соединительными звуками являются «е» и «о»...

Это же правило соблюдается в сложно-составных словах, где русское слово соединяется с иностранным, например, со «словом» «фикация», происходящим от латинского «*facere*» — *фацэрэ* («делать») и означающим «делание».

Вспоминается слово «теплофикация», но пример получается недостаточно убедительным, ибо соединительное «о» сливается здесь с окончанием слова «тепло».

«Радиофикация» (от латинского «*radius*» — «луч»). Всё понятно.

«Электрификация». Слово общепризнанное, но всё же вызывающее некоторые сомнения. Если производить его

от французского «électricité» (электриситэ) — всё в порядке. Но ведь первооснова не французское, а древнегреческое слово «электрѳн» — «янтарь», откуда оно и вошло во все живые языки. И во всех сложных, составных французских словах (électrode, électrolyse, électrolyte) мы видим «électro»...

То же самое мы видим во всех русских сложных словах, указывающих на отношение данных слов к электричеству (электромотор, электротерапия, электрохимия и др.).

Впрочем, об этом было уже много споров, и со словом «электрификация», пожалуй, можно согласиться...

Иначе обстоит дело со словом «газификация»...

Французское слово «gaz» было введено в обращение в XVII веке голландским ученым Ван-Гельмонтом (предположительно — от греческого слова «хаос») и вошло во все европейские языки. Как же оно соединяется с чисто русскими словами?

Посмотрим.

«Газопровѳд», «газосварка», «газоснабжение»... А как оно соединяется с уже знакомым нам «словом» «фикация»? Общепринятое слово «газификация»... Стоп! Почему «газификация», а не «газофикация»? Ведь во всех других сложных словах, составных со словом «газ», мы имеем только соединительное «о»: «газогенератор», «газоген», «газобетон», «газоанализатор»...

Нет! Положительно, надо говорить и писать «газофикация»!..

А вот слово «центрифуга» (аппарат для механического разделения смеси на составные части). Происходит оно от латинских слов «centrum» (центр), которое «по-русски» проще всего передать словом «центр», и «fuga» (фуга) — бегство.

И русское слово, конечно, должно быть «центрофуга», потому что немецкое «Zentrifuga» и французское «Centrifuge» — нам не указ: русские соединительные «е» и «о», а не «и», что ясно видно из слов «центробежный» и «центростремительный».

А всего лучше «официально» переименовать «центрифугу» в «центробежку», как ее называет просторечие: «центрифуга» не обидится, а русскому языку станет легче!

Теперь перейдем к группе сложных слов, ведущих

свое начало от латинского слова «avis» (птица), — так называемых «сокращенно-сложных слов».

В академическом словаре (не надо добавлять «современном») читаем: «Авиа»... — первая составная часть сокращенных слов, соответствующая по значению слову «авиационный»: авиабаза, авиабомба, авиавыставка, авиаконструктор, авиамаяк, авиапарк, авиаразведка, авиашкола, авианосец и др.» А в конце (мелким шрифтом) примечание: «В иной форме: *авио*...»

Вот эта-то «иная форма», по моему горячему убеждению, и правильнее!

Ведь опять-таки соединительный звук «о», а не «а». Помнится, что когда вводилось слово «авиапочта», прозвучали робкие голоса в защиту слова «авиопочта». Но сила инерции взяла верх: появилось не только официальное слово «авиапочта», но даже штампель на конвертах «Авиа».

Вот те мысли о некоторых словосложениях, вызвавших у меня сомнения, которыми мне хочется поделиться с читателями этой книги.

«Союзников» и «противников» прошу откликнуться!

НЕМНОГО О СЛОВАРЯХ¹

Я с детства люблю словари. Еще школьником проводил я немало времени в кабинете отца, около академического словаря 1867 года и «Толкового словаря» Владимира Даля.

И сейчас рядом с ними высятся и «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова 1935 года и «Словарь современного литературного языка» Академии наук СССР, издаваемый с 1950 года, и многие другие, вплоть до «Мифологического словаря»...

Итак — я полон к словарям всяческого почтения. Но всё же мне хочется сказать немного относительно словарей современного языка. Всё чаще и чаще появляется там указание к слову: «разговорное», «просторечное», «новое разговорное», «по ошибочной связи с...», «с недавних пор стало встречаться неправильное употребление», «по созвучию с...», «новое просторечное», «разговорное фамильярное», «разговорное шутовское», «разговорное пренебрежительное» и т. д.

Не слишком ли часто с этими «поблажками» может пробраться в нашу разговорную речь неверное, ошибочное слово? А ведь слово, попавшее в словарь, самим фактом своего появления в словаре получает «право на существование»... Широкий читатель, заглядывающий в словарь, не обращает внимания на слова в скобках «ошибочно», «неправильно», «по созвучию» и пр.

И вот что из этого получается! Для примера возьмем уже знакомое и разобранные нами слово «одинарный»,

¹ Статья была опубликована в газете «Литература и жизнь» от 28 октября 1962 года.

До 1938 года ни в одном русском словаре не было такого слова. Существовали слова «одиначный», «ординарный», даже «одиначный» (см. у Даля: «беспарный», «одинец», «чему нет дружки», «разрозненный»).

И вот в 1938 году впервые читаем в словаре Ушакова (том II) слово «ординарный» с указанием «возникло под влиянием «ординарный». Нет! Не «возникло», а создано, утверждено и внедрено словарем на основании заведомой ошибки.

Дело было сделано. Слово-ошибка пошло гулять «на законном основании». А все последующие словари получили возможность ссылаться на прецедент.

Но кто сказал «А» — должен сказать «Б». Почему бы не представить себе лет через десять такой, например, словарь «Полуклиника» (разг., ошибочно возникшее из «поликлиника» — лечебница для проходящих, полубольница); «Галдерей» (разг.-простореч., переосмыслено из «галерея») — часть здания, часто используемая для торговли (контаминация от слова «галдеть»); «Спинджак» (разг.-простореч. от слова «спина») — мужская одежда. И т. д.

Дорогие лингвисты-лексикологи! Не находите ли вы, что в моих «примерах» есть своя логика?

Больше строгости в отборе слов для словаря!

Нельзя с холодным спокойствием сознательно выпускать заведомые слова-сорняки на широкую плодородную ниву нашего языка!

В МИРЕ СЛОВ

Создание этой книги — весьма трудоемкий процесс...

В своих поисках и наблюдениях я часто отклонялся от основной темы, но всегда находился в стихии родного языка, в мире слов...

Именно так я и решил назвать один из последних разделов, состоящий из заметок, добытых путем литературных изысканий...

Я буду очень рад, если иной читатель узнает здесь кое-что новое...

* * *

Правильно ли мы поём?

Этот вопрос относится, конечно, не к музыке, а к словам.

Действительно: всегда ли правильно мы поём? Не отдельные личности, которые могут забыть или перепутать слова, а «мы», то есть широкие массы, народ...

А как же можно петь неправильно? — скажет иной. Ведь, как говорит народная мудрость, «из песни слова не выкинешь»... А если нельзя выкинуть даже слова, то как же может появиться неправильный текст песни? Ведь народная песня — сродни народной пословице, поговорке, сказке...

Ну, а могут ли войти в песню слова инородные, то есть взятые из совсем другой песни?

И этого быть не может, скажет читатель, как не может быть пословицы, составленной из двух разных пословиц, как, например: «Ум хорошо, а два сапога — пара»...

И всё-таки можно найти песню, которую исполняют с инородными словами, не замечая этого.

Разберемся в этом вопросе.

Все, вероятно, знают старинную народную русскую песню «Эй, ухнем!». Эта некогда бурлацкая песня часто звучит на концертах, в граммофонной записи, по радио, исполняется самодеятельными коллективами.

Хорошая песня! С большой художественной силой передана в ней и тяжесть бурлацкого труда, и могучая сила дружной, совместной работы, и величие русской природы...

Вспомним отдельные строки: «Эй, ухнем!», «Еще разик, еще два!...», «Мы по бережку идем, славу солнышку поем!...» Всё понятно. Но вот две строчки заставляют насторожиться:

«Разовьем мы березу,
Разовьем мы кудряву!...»

В чем дело? Никак бурлаки собираются вить венки из молодых березок? Но ведь это занятие совершенно для них не подходящее. Венки из молодых березок по старинному русскому обычаю вили девушки. Для чего? Для гадания: чей венок, брошенный в реку, проплывет быстрее других, та девушка раньше выйдет замуж.

Но при чем тут бурлаки?

Решительно ни при чем: эти слова о «кудрявой березе» попали в бурлацкую песню по ошибке, случайно — из другой, действительно девичьей, песни...

Я давно чувствовал это «инстинктом языка», но не мог нигде найти подтверждения своей догадке.

И вот, наконец, оно нашлось!

В 4-м томе сочинений нашего маститого поэта Самуила Яковлевича Маршак, в статье «Живой Горький», я прочитал о том, как Горький, прослушав в граммофонной записи «Дубинушку» в исполнении Шаляпина, сказал:

«А всё-таки

«Разовьем мы березу,
Разовьем мы кудряву» —

это из девичьей, а не бурлацкой песни. Я говорил Федору — помилуй, что такое ты поешь, — а он только посмеивается: Что же, мол, делать, если слов не хватает?..»

Вот пример того, как слова, взятые из одной песни и попавшие в другую, настолько в ней «прижились», что мы уже не воспринимаем их как инородное тело.

* * *

Ну, а теперь, чтобы больше не возвращаться к песне или романсу, зададим такой вопрос:

Всегда ли мы точно понимаем то, что поем сами или слышим в чужом исполнении?..

И опять я предвижу ответ: «А как же иначе? Кто же будет петь или слушать то, что ему не совсем понятно, не пытаюсь добраться до смысла?»

...Все вы, дорогие читатели, вероятно, знаете романс Римского-Корсакова, написанный на слова Пушкина «Редает облаков летучая гряда...»?

Знаете? Отлично...

Ну, тогда припомните заключительные слова этого романса-стихотворения:

«И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла...»

А теперь ответьте: что означают эти слова? Какая дева? Почему «искала» и называла подругам «именем своим»?

Я уверен, что очень немногие сумеют ответить на этот вопрос правильно.

А дело вот в чем.

В 1820 году молодой Пушкин гостил в Крыму, в Гурзуфе, в семье героя Отечественной войны 1812 года генерала Раевского, дочь которого четырнадцатилетняя Мария — впоследствии жена декабриста Волконского, воспетая Некрасовым в поэме «Русские женщины», — привлекла внимание поэта.

Однажды, гуляя с Пушкиным в предвечерний час по берегу моря, Мария заметила на горизонте первую зажегшуюся звезду и воскликнула: «Как красиво! Верно, что эту звезду называют Венерой?» Пушкин ответил: «Да, но называют ее Венерой только в Европе. На Востоке ее название — Мария...»

Мария Раевская захлопала в ладоши: «Значит, она моя тёзка?!»

И после этого каждый вечер дожидалась, когда вдали

загоралась «Венера-Мария» и говорила своим подругам: «Пушкин сказал, что эту звезду называют так же, как меня, — Марией...»

Воспоминание об этом случае нашло отражение в стихотворении Пушкина «Редает облаков летучая гряда», не предназначавшемся для печати и впервые опубликованном без ведома автора (и к его неудовольствию) А. Бестужевым в альманахе «Полярная звезда на 1824 год», после чего стихотворение вошло во все собрания сочинений Пушкина.

* * *

Еще одна «пушкинская загадка».

Герман в «Пиковой даме» — имя или фамилия?

Безусловно фамилия! Доказательства? Вот они: Германн в повести Пушкина пишется через два «н». Так писалась тогда фамилия «Германн», следуя немецкому написанию (Hermann), в то время как русское имя Герман всегда писалось и пишется через одно «н». А ведь Германн, по свидетельству Пушкина, «был сын обрусевшего немца».

Все персонажи повести, в том числе и малознакомые («один из гостей»), называют его «Германном»: с какой стати они называли бы его по имени?

Елизавета Ивановна в повести ни разу не обращается к нему ни по имени, ни по фамилии. Единственное ее прямое обращение — после смерти графини — это: «Вы — чудовище!»

Некоторая путаница в вопросе с именем могла произойти исключительно по вине Модеста Чайковского, либреттиста оперы «Пиковая дама», брата П. И. Чайковского. В опере Лиза неоднократно называет героя Германом, почему и создается впечатление, что это — имя. Впрочем, последнее обстоятельство тоже неубедительно: во времена Пушкина по имени называли только родственников и очень близких людей, а в отношении просто знакомых сохранялось обращение по фамилии. Так было и в жизни, и в литературе. Достаточно вспомнить, например, обращение Татьяны:

«Онегин! Я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила вас...»

И здесь она не обратилась: «Евгений! Я тогда мо-
ложе...»

И Софья у Грибоедова говорит:

«Ах, Чацкий! Я вам очень рада...»

...Германн в «Пиковой даме» — фамилия!

* * *

А теперь — одна «лермонтовская загадка».

Как зовут героиню драмы Лермонтова «Маскарад»?

Каждый ответит сразу: «Нина»...

Так ли это?

Прочитаем внимательно 3-е действие, выход 3-й.

Один из гостей — Петров — говорит:

«Настасья Павловна споет нам что-нибудь...»

На это Нина сразу отвечает:

«Романсов новых, право, я не знаю,

А старые наскучили самой...»

После чего следует реплика:

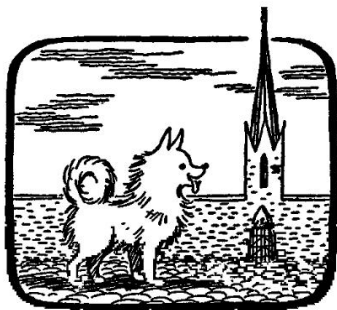
«Дама:

«Ах, в самом деле, спой же, Нина, спой!...»

Итак: «Настасья Павловна» и «Нина» — одно и то же
лицо...

В чем же дело? Остается предположить, что полное
имя «Нины» — «Анастасия» («Настасья»). «Нина» —
было ее «домашним» именем, видимо данным ей в дет-
стве как уменьшительное. Почему «Нина»? Ну, что ж!
Бывает же «Люся» уменьшительным именем и от «Люд-
милы», и от «Любови», и от «Ольги»...

Заметим в заключение, что текст «Маскарада» имеет-
ся в двух авторских редакциях: в обоих случаях Лер-
монтов сохранил «двойное» имя своей героини.

ЕЩЕ НЕМНОГО „ПРИКЛЮЧЕНИЙ СЛОВ“

«По воду» или «за водой» — что правильнее?

Обе формы равноправны, но «по воду» — более старинная, народная форма речи, хотя и «за водой» встречается в народных песнях:

**«По улице-мостовой
Шла девица за водой...»**

Здесь будет уместно указать на высказывание нашего старейшего поэта Николая Асеева в его книге «Зачем и кому нужна поэзия?»: «Моя бабушка, помнившая еще крепостное право, всегда поправляла говорившего, что нужно пойти за водой: «За водой пойдешь — не вернешься! «По воду пойти» — вот как надо сказать...»

В настоящее время, однако, форма «за водой» становится всё более употребительной и, вероятно, вскоре совсем вытеснит форму «по воду». Это же самое относится к выражениям «пойти по грибы» и «пойти по ягоды»...

* * *

«Бразды правления»...

Словосочетание, которое мы все употребляем, не вдаваясь в его смысл.

Бразды... Что это такое? Вероятно, возжи или узды?

Справляюсь в академическом словаре 1867 года и читаю цитату из Библии: «Конь на своего господина безчиноваше и бразду хапаше горюю, всаднику смертию претя».

Да, выходит, что «бразда» — это «узды»...

Читаем у Пушкина в «Руслане и Людмиле»:

«Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнул хвостом и белой гривой,
Бразды стальные закусил».

Следовательно, «бразды» — и «удила»...

Смотрим в «Лексиконе» Поликарпова (1704): «брод-да», «бродзою коня». Ага! Значит, раньше было слово «бродза», и только в силу «акающего» произношения оно превратилось в «бразда». Всё ясно.

Но почему же в «Евгении Онегине» (гл. 5, строфа II) читаем:

«Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая...»?

И почему у Рылеева в «Войнаровском» написано:

«Ты видишь: дик я и угрюм,
Брожу, как остов. Очи впали,
И на челе бразды печали...»?

Значит «бразды» — это и сокращенные «борозды».

А что значит «бразды правления»? Конечно, узда. Итак, слово «бразда» (ы) имеется в двух различных смыслах.

И оба слова следует признать архаическими, устаревшими, постепенно выпадающими из разговорного языка и сохраняющимися пока только в поэзии и в образной ораторской речи...

* * *

В одной песне по радио я услышал такую строку:

«За окном пылит порошею...»

А далее в той же песне встречается такое:

«...гроза...
Обжигает горячо».

Позвольте! Как же так, ведь «пороша» — это первый выпавший снег. С. Т. Аксаков уточняет: «Порошей называется каждый новый снег, выпавший с вечера или даже в ночь, но не растаявший к утру». На таком снегу хорошо видны следы зверей, почему и существует выражение «охота по пороше».

Как же связать такой снег с... грозой, которая «обжи-

гает горячо»? (Кстати сказать, это само по себе совершенно нелепо: «обжигать горячо» может летнее полуденное солнце, а уж никак не «гроза», которая может не «обжечь», а «сжечь». Между прочим, так же нелепы по существу и строки арии из одной классической оперы:

«Она только взглянет,
Как молния ранит».

Что-то не слыхал я о «раненных» молнией!..)

Может быть, автор имел в виду не снег, а пыль?

Слово «пороша» хотя и находится в прямом родстве со словами «прах» (пыль), «порох», «порошить», но это обстоятельство отнюдь не дает права автору текста песни произвольно называть «порошею» — пыль: пороша — это всё-таки снег.

Еще раз убеждаемся в плохом знании русского языка даже иными поэтами, для которых слово «пороша» обычно только отличная рифма к слову «хороший»...

* * *

Несколько слов о желающих «свою образованность показать»...

Есть люди, которые считают необходимым пересыпать свою речь словами иностранными, «учеными» и «значительными», имея о их смысле самое отдаленное понятие.

В моей «коллекции» собраны образчики таких «речевых оборотов». Все они записаны совершенно точно:

«Никак не могу акклиматизироваться с тем, что моя дочь замужем».

Проезжая мимо больницы, где говорившей делали операцию:

«А вот моя альма матер...»¹

«Во время Ионы» (вместо «во время оно»).

«Литургический сон» (вместо «летаргический сон»).

«Далматов кинжал» (вместо «дамоклов меч»).

«Сизый труд» (вместо «сизифов труд»).

К этому «скорбному списку» можно прибавить и «мокроупористые» подошвы вместо «микропористые».

¹ «Alma mater» (латин.) — «добрая мать», «мать-кормилица», разговорное наименование оконченного высшего учебного заведения (преимущественно, университета).

Следует признать, что именно такие «образованные» особы вносят свой «посильный вклад» в дело порчи русского языка.

* * *

Продолжаю свои пестрые заметки...

«Фабрика» и «завод».

Какая между ними разница?

Каждый, пожалуй, ответит на этот вопрос быстро. Один скажет: «Фабрика дает продукцию для легкой промышленности, а завод — для тяжелой»...

«А что дают «хлебозавод» и «молокозавод»? — спрошу я.

«Нет, — скажет другой, — завод работает на сырье, а фабрика на полуфабрикатах, отсюда и название!»

«А текстильная фабрика? — опять спрошу я. — Разве хлопок — это полуфабрикат? А часовой завод? Разве тонкие детали часов — это сырье?»

Нет, дорогие друзья! Думается, что между «фабрикой» и «заводом» такая же разница, как между «монументом» и «памятником», то есть никакой... Всё дело в словесной традиции.

Слово «фабрика» — иностранное и происходит от латинского слова «faber» (фабер), что означает «кузнец», «мастер». Слово «завод» — русское и происходит от глагола «заводить», то есть начинать новое производственное предприятие.

«Заводы» — правда, примитивные — были на Руси с древнейших времен, а «фабрики» стали появляться с эпохи Петра I.

Со временем выработалась совершенно случайная терминология: одни производственные предприятия продолжали называться по-русски, а другие получили иностранные названия.

Вот и всё...

* * *

«Фрукты» и «ягоды»...

Ну, а какая разница между фруктами и ягодами?

«Фрукты растут на деревьях, а ягоды на кустах...» — предвижу я быстрый ответ читателя. — «Значит, рябина — фрукт: ведь она растет на деревьях? И тутовая ягода — «фрукт»? — отвечу я вопросом.

«Ну, тогда: фрукты имеют косточки, а ягоды — зернышки»... — «Значит, яблоко и груша — ягоды: они имеют зернышки, а кизыл — фрукт: у него одна косточка...»
Так ли это?

* * *

«Шпиль» или «шпиц»?

Как назвать высокую остроконечную башню: «шпиль» или «шпиц»?

Ну конечно, «шпиль», — ответит каждый, — «шпиц» — это порода собак с острой мордочкой («шпиц» — по-немецки «острый») и длинной шерстью. Кто же скажет «шпиц» про башню!

Кто? Николай Васильевич Гоголь.

Раскройте его «Невский проспект», и вы прочтете: «...почувствуете себя выше адмиралтейского шпица»...

Следовательно — в гоголевское время про высокую остроконечную башню говорили «шпиц». Постепенно это слово обветшало и в наши дни заменено словом «шпиль», от немецкого «Spille» (шпилле) — «веретено».

Вот пример отмирания слова и вытеснения его новым...

* * *

Немного о названиях некоторых иноязычных произведений на русской сцене...

Представьте себе, что вы находитесь в зале драматического театра... На сцене идет бессмертная трагедия Шиллера «Коварство и любовь». Вы слышите вдохновенные шиллеровские слова в русском переводе, в антракте читаете программу на русском языке, но само произведение в программе названо «Кабале унд либе»...

Абсурд? Безусловно.

А теперь представьте себе, что вы находитесь в зале оперного театра... На сцене идет опера Бизе «Искатели жемчуга». Вы слышите арии на русском языке, в антракте читаете программу, написанную по-русски, но название оперы — «Лэ пешёр дэ пэрль»...

Абсурд? Безусловно.

А между тем нечто подобное происходит десятки лет, когда вы смотрите и слушаете оперу Верди «Травиата» или комическую оперу Обера «Фра-дьяволо»...

Ведь «Травиата» — это совсем не имя героини, а непереведенное на русский язык итальянское слово, означающее «сбившаяся с пути», «заблудшая»...

И «Фра-дьяволо» — не имя героя, не прозвище, а тоже непереведенные на русский язык итальянские слова «Брат дьявол»...

И название оперы грузинского композитора Палиашвили «Даиси» — не имя героини, а непереведенное грузинское слово «сумерки».

Само собой разумеется, что это не относится к именам собственным, которые, как это ясно каждому, не требуют перевода: «Фауст», конечно, остается «Фаустом», а не делается «Кулаком» или «Кулаковым», хотя «Faust» по-немецки «кулак», и «Гамлет» остается «Гамлетом», хотя «hamlet» по-английски «деревушка»...

* * *

О некоторых «парадных» словах...

Представьте себе молодую женщину на балу в парадном бальном платье...

Красиво? Да. Уместно? Вполне.

Теперь представьте себе ее же и в том же самом платье на работе, например, за канцелярским столом или за станком.

Красиво? Нет. Уместно? Совершенно неуместно...

То же самое происходит с некоторыми словами, например, со словом «кушать». Это — «парадное» слово...

Если хозяйка, приглашая гостей к столу, говорит: «Дорогие гости! Пожалуйста кушать!» — это уместно. Но когда эта же самая хозяйка, не обращаясь к гостям, говорит сама о себе: «Я покушала»... — это воспринимается как глупое манерничанье.

Так же не следует говорить о себе: «я прибыл» и «я отбыл». Скромнее сказать: «я приехал» и «я уехал»...

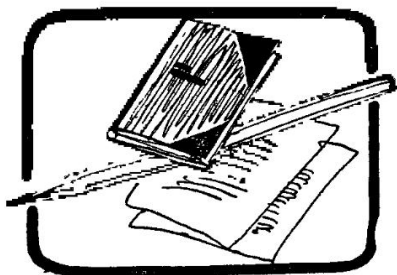
Здесь невольно вспоминаются выражения, какими кое-кто из подчиненных говорит о начальстве, которое:

Не ест, а «кушает»... Не спит, а «отдыхает»...

Не пьет, а «пробует»... Не опаздывает, а «задерживается»...

Не бранит, а «поправляет»...

Не читает, а «просматривает»...

РАЗГОВОР С ДРУЗЬЯМИ

Я имею в виду моих читателей. Сотни их дружеских писем хранятся у меня в шкафу. Я считаю своей приятной обязанностью выразить сердечную благодарность всем моим читателям, приславшим мне свои добрые пожелания, дружеские замечания, отклики, советы и дополнения к перечню ошибок и небрежностей в нашей разговорной речи (да и не только в разговорной), новые примеры, чем оказали мне большую помощь в работе.

Процентов 97—98 всех полученных мною писем — вполне доброжелательны и дружественны. И только изредка приходят письма, построенные по такой схеме: «Ничего у вас не выйдет... Со стихией языка бороться невозможно... И т. д.» Полпроцента — анонимные.

Почему-то некоторые критики-читатели упрекают меня в «грехе», в котором я никак не повинен: в желании «засушить» и «осерьезить» нашу разговорную речь, лишить ее улыбки и шутки!

Кому вы это говорите, друзья! Мне, посвятившему более сорока лет своей жизни сатире и юмору, то есть смеху? Мне ли не любить улыбку и шутку в нашем разговорном языке?

Речь идет совсем о другом. Дело в том, повторяю, что многим безобразное коверканье нашего языка представляется забавным, грубость языка — своеобразной, а нелепые обороты — особенно типа «окаменевших острот» — оригинальностью.

Есть (редко) люди, остроумные от природы. Они обладают этим даром так же, как иные обладают абсолютным музыкальным слухом, и научиться этому — невозможно.

Есть (часто) люди, желающие казаться остроумными: вот эти присяжные «хохмачи» и «авторы» чужих остроумий и наносят вред нашему разговорному языку.

Желаю ли я кого-либо учить своей книгой? Отвечу так: мне, конечно, будет очень приятно, если читатель возьмет из нее кое-что к сведению, но, подчеркиваю, эта книга не учебник, не нормативное предписание, не свод правил, а живые, дружеские «заметки писателя».

* * *

В заключение я позволю себе снова поднять вопрос о создании «Всероссийского общества друзей русского слова», которое могло бы объединить многочисленных активных борцов за чистоту и правильность русской речи.

В самом деле. Если может существовать «Общество содействия охране природы и озеленению населенных пунктов» или «Общество любителей хорового пения», то почему не может существовать организация, охраняющая наше великое народное достояние — русский язык?

Такое «Общество», объединяющее языковедов-филологов, учителей, писателей, журналистов, работников издательств, лекторов, артистов, адвокатов и просто любителей русского языка, могло бы сделать большое, нужное и крайне своевременное дело.

Друзья мои! Храните драгоценный народный клад — родную речь, боритесь за правильность и чистоту русского языка и за культуру речи — важную составную часть общей культуры советского человека, строителя коммунистического общества.

*Ленинград—Комарово
Январь 1963 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Правильно ли мы говорим?	7
Коверканье русского языка	11
Слушая ораторов, собеседников, разговоры...	49
Глазами прохожего, покупателя, пассажира...	63
„Пошив и ремонт“	70
О некоторых особых словах-ошибках	73
Об одной маленькой неточности, заметной только для чуткого уха	81
О слове „учеба“	85
О названиях степеней родства	88
О словах областных и по их поводу...	93
О жаргоне и „модных“ словечках...	97
Немного о тавтологии	110
О сокращении слов и по этому поводу...	113
О словах иностранных — нужных и ненужных	118
„Французское с нижегородским...“	134
Об ударениях и по их поводу...	139
О фамилиях	144
Об именах	147
О склонении имен и фамилий	154
О „законе склоняемости“	158
Язык и немного географии...	163
Поговорим о названиях улиц...	174
Язык и немного истории...	181
Язык и немного мифологии...	185
Язык и дети	188
О буквах и звуках	195
Об одной незаслуженно забытой букве	201
О скоплении гласных и согласных	204
Об „окающих“, „акающих“ и насчет правильного произношения	206
Канцеляризмы и штампы	215
Об ораторском искусстве и памятка оратору	218
О словах с суффиксом „к(а)“	224
О „роде“ некоторых профессий	227
Об изменении рода в некоторых словах	231
О „законе инерции речи“	236

Об одной словесной путанице...	240
О словах обидных и мнимобидных	243
О бранных словах и по этому поводу...	251
О „языковой игре“ и об остротах живых и окаменевших	256
Узаконенная ошибка	260
Еще раз о богатстве русского языка	262
Немного о словотворчестве	268
О некоторых пословицах и поговорках	274
Приключения слов	285
О некоторых „загадках“ русского языка	297
Глаголы „двойкой формы“	306
Множественное число „двойкой формы“	308
„Слова-антиподы“	310
Словосложения и сомнения...	312
Немного о словарях	315
В мире слов	317
Еще немного „приключений слов“	322
Разговор с друзьями	328

Борис Николаевич Тимофеев-Еропкин
„Правильно ли мы говорим?“

Редактор Т. В. Боголепова
Художник Б. Ф. Семенов
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор И. М. Тихонова
Корректор Р. Ю. Хесина

Слано в набор 25/І 1963 г. Подписано к печати 27/ІІІ 1963 г.
Формат бум. 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 10,375. Усл. печ. л. 17,02.
Уч.-изд. л. 15,97. Тираж 200 000 экз. (100 001 — 200 000 экз.)
М-31121. Заказ № 146

Лениздат, Ленинград, Торговый пер., 3
Типография им. Володарского Лениздата, Фонтанка, 57
Цена 63 коп.